

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
В.И. РУСАКОВ
pechat-vr@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Редакция:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
pechat-vr@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

ПУБЛИЦИСТИКА

Магомед АХМЕДОВ
Исповедь сына гор.....4

Евгения ПОЛЯКОВА
От «Трактирщицы»
до «Благословите женщину»132

ПОЭЗИЯ

Валентин СУХОВСКИЙ
«Край мой отчий...»37

Владимир ЯКУШЕВ
Один из дней.....53

Галина БУЛАТОВА
«Я верю: всё будет в порядке...».....77

Василий ЛОВЧИКОВ
У родного крыльца97

Виктор КАШКИН
«Меня подкараулит осень...»105

Евгений ХАВАНОВ
«Идём, чтоб в Историю влиться...»124

Сергей ГАЗИН
«Я с предками крови единой!..»135

Элла КУЗНЕЦОВА
«О вечном с небом говорить...»141

Надежда ОХРИМЕНКО
«Голос печальный в ночи...»156

Тамара ПОТЁМКИНА
«Свято верю, что чудо случится...»164

Алексей СЕРГЕЕВ
Двое наедине171

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№3(33) 2019
Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:

С.Г. Макеева
141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 20.10.19.

Формат 70x108/16.

Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 1000 экз.

Заказ F-6123

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta

ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.

Тел.: (495) 926-63-96,

www.bukivedi.com,

info@bukivedi.com

Марина ВОЛКОВА
Веру храня в Рассвет177

 ПРОЗА

Виталий БОГОМОЛОВ
Старый детдомовец.....46

Александр ЮДИН
Дама червей.....71

Татьяна ГРИБАНОВА
Рассказы.....82

Раиса ТЛЯКОВА
Стоянка поезда две минуты103

Сергей ЮДИН
Гроах.....108

Александр КУЩ
Писатель и спорт.....167

Юлия АЛЕКСАНДРОВА
Последний вагон уходящего поезда.....174

Анна МАЯКОВА
Двери.....190

 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Юрий РЫЧЕНКОВ
Поэтика Юрия Богданова.....58

Александр МЕДВЕДЕВ
Литература – это путь к свободе.....159

 СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Василий ПОЛЯКОВ
Ранний старт (Илья Ильич Мечников).....147

Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

Судя по явственным и повсеместным признакам, неотвратимо приближается время решающей битвы между Добром и Злом. Вырожденческий «либерализм» ведёт себя в России нагло и абсолютно по-хозяйски, поскольку несокрушимо уверен в поддержке своего заокеанского хозяина и его западноевропейских прислужников. Всё истинно возвышенное в жизни и в человеке сплошь и рядом подвергается подмене и профанируется – начиная от религии и заканчивая общегуманистическими ценностями. Оболваненная циничными и безжалостными «либеральными» вождями молодёжь бросает свои жизни и судьбы в омут уличных беспорядков и мелкой уголовщины. Излишне напоминать о том, что сами эти «вожди» готовы при первой реальной опасности «свалить» в безопасные европейские убежища, предусмотрительно подготовленные на средства их одуроченных сторонников. Разного рода «театры», по сути представляющие собой притоны разврата и антигосударственной деятельности, делают свои чёрные дела на гранты и иные вспомоществования от всё того же государства. На неведомые средства культивируется выморочный «литературный процесс» – большими тиражами штампуются и навязываются народу тексты, исполненные ненависти и неприятия по отношению к России, к её традициям и великому прошлому. Всё это происходит деловито, неспешно и с сознанием полной безнаказанности. Россия, давшая миру много гениев художественного слова, сегодня на официальном уровне под видом «новой русской литературы» экспортирует литературные симулякры, зачастую отягощённые тяжёлыми русофобскими комплексами и тёмными животными инстинктами.

В этой ситуации, в преддверии неведомого, единственно возможная и достойная позиция для честного писателя – оставаться самим собой и следовать своему высокому призванию, опираясь на русскую литературную традицию и не рассчитывая на скорое признание и воздаяние в обозримом будущем. Если для кого-то это слишком трудно – тогда просто менять профессию... Другого выбора нет.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ
Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации
Заслуженный работник культуры Чеченской Республики
Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2019
© Авторы, 2019

Исповедь сына гор

Моё сердце в горах...

Роберт Бернс

1

Говорить о себе, о своей судьбе и своём пути не просто. Нужно найти слова, сродни тем, которыми написаны твои стихи – плоды бессонных ночей, беспокойных, но иногда и счастливых дней.

Великий Есенин. Поэт беспредельной честности и глубокой ясности, сказал: «Моя автобиография – в моих стихах». В этом – вся суть любого творчества, а поэтического особенно.

«Но есть ещё океан, – говорил Александр Блок. – И этот океан – тайна небес, судьба». А ещё раньше Блок писал: «Я думаю, мы более уже не вправе сомневаться в том, что великие произведения искусства выбираются историей лишь из числа произведений “исповеднического” характера. Только то, что было исповедью писателя, только то создание, в котором он сжёг себя дотла... Только оно может стать великим».

Я не искал и не ищу себе места среди великих, но эти слова классика в какой-то степени относятся и ко мне: я всегда думал, как писал, и писал, как думал, хотя иногда ум мешал сердцу, а сердце мешало уму. Таково было моё время, а времена, как известно, не выбирают. Плохое для поэтов время всегда становится замечательным временем для поэзии, когда поэты пишут стихи без оглядки на власть, без надежды на славу, ведь им нужен не успех, а нужна победа, и, прежде всего, победа над самим собой. Эта победа, по выражению Николая Рубцова, ещё одного великого страдальца, приходит тогда, когда поэт начинает слышать звуки, «которых не слышит никто». Поэт всегда стоит на перепутье: перед ним – вольность, жертвенность и исповедальность. Именно они делают его земную дорогу поэтическим путём. Но, как бы то ни было, я согласен с Робертом Фростом: «Мне всегда

Магомед АХМЕДОВ

Магомед Ахмедович Ахмедов – известный российский дагестанский поэт, Председатель Правления Союза писателей Дагестана. Его поэзия следует в русле национальных традиций, которые развили и укрепили его великие земляки – поэты Гамзат Цадасы и Расул Гамзатов. Один из ведущих поэтов Дагестана, пишущих на родном аварском языке. Основные мотивы его стихов – любовь к родной земле, размышления над загадкой жизни, философское осмысление исторических судеб Дагестана и России...

Живёт в Махачкале.

неловко говорить: “Я – поэт”. Это ведь всё равно, что сказать о себе: “Я – хороший человек”».

Поэзия – Божий дар и больше ничего, всё остальное – приложение к нему.

Поэт живёт в своих стихах, открывая потайные двери в тот мир, где рождается новая жизнь, где лучше, чище и выше, чем в земной жизни.

2

Родился я в селении Гонода Гунибского района Дагестана, среди вершин, в сердце Страны гор. Год моего рождения 1955, 13 ноября. Но в паспорте написано, что я родился в 1956 году, 8 января.

«Почему так получилось?» – спросите вы, и будет правы. У нас в аулах секретари сельских советов были людьми не шибко грамотными. Когда отец пошёл за свидетельством о моём рождении, ему его выдали 8 января 1956 года, этот же день и написали, как день моего рождения. Это я выяснил потом, заглянув в книгу регистрации тех лет. Как бы то ни было, я никогда 8 января день своего рождения не отмечал и по паспорту не жил.

Детство моё прошло в горном ауле. Здесь окончил среднюю школу, должен был получить золотую медаль, но из-за интриг в Министерстве просвещения (и тогда ждали взяток) медали я не получил, однако, это не помешало мне сразу после школы поступить в Литературный институт им. А.М. Горького в Москве.

Школу свою всегда вспоминаю с большим уважением, учителей своих очень любил, да и они меня любили. С детства я много читал, и библиотека была для меня самым дорогим местом, а книга – лучшим другом, но читал я хаотично, бессистемно – классиков, современников, случайные, нужные и ненужные книги.

Родители мои – простые горцы. Дома не было библиотеки, но у отца всегда были книги аварских классиков Али-Гаджи из Инхо, Махмуда из Кахаб-Росо, Гамзата Цадасы. Многие стихи этих поэтов он знал наизусть. У него была такая привычка: встретив на улице односельчанина (или односельчанку), отец мог его (её) остановить и во весь голос продекламировать что-нибудь из аварской классической поэзии.

Много времени отец проводил вне дома – пас овец в горах, перегоняя их с гор на равнину, с равнины в горы – зимой и летом.

Однажды, я был тогда учеником шестого класса, отец попросил меня присмотреть за отарой, пока он съездит на соболезнавание в соседний аул. Я обрадовался такому доверию и, взяв с собой том «Войны и мира» Л. Толстого, отправился выполнять поручение отца. День был летний, погожий, солнечный. Я выгнал отару на пастбище и, устроившись в тени высокой скалы, начал читать. Книга меня так захватила, что я забыл обо всём. Когда пришёл в себя, огляделся: отцовской отары и след простыл. Кинулся искать, еле-еле собрал половину, а остальные овцы разбрелись по чужим пастбищам, там их и «арестовали» до возвращения моего отца. Когда отец вернулся, то всё понял и сказал: «Хорошо, что тебе можно хоть книгу доверять». С тех пор я доверяю книге, а книга доверяет мне.

Ещё десятиклассником я послал в Литературный институт подстрочники своих стихов, не надеясь, что пройду творческий конкурс. Каково же было моё удивление, когда мне в горский аул из Москвы прислали ответ, что я прошёл конкурс и допущен к экзаменам. Но здесь хочу уточнить одну деталь: в

Литературный институт принимали только после двухгодичного стажа работы. Считалось, что пишущему человеку такая практика нужна, так как приобретается жизненный опыт, появляются темы, на которые он будет писать. У меня, десятиклассника, конечно, такого стажа не было, но я это скрыл от комиссии.

Итак, получив аттестат с одной четвёркой по математике (по всем другим дисциплинам были пятёрки), я поехал в Москву поступать в Литинститут. Я был горским мальчиком и до этого только несколько раз побывал в городе Махачкале – столице Дагестана. А тут Москва! До сих пор во мне живёт великое удивление, которое подарил мне этот город – город моей любви, моей молодости, моего счастья. Правда, в последние годы Москва стала богатой и злой, но в памяти живёт моя Москва.

Помню Тверской бульвар, 25. Литинститут. Идёт собеседование перед экзаменами. За большим столом сидят члены комиссии во главе с ректором Владимиром Фёдоровичем Пименовым. Робко захожу в аудиторию, останавливаюсь. Вдруг голос ректора:

– Молодой человек, вы зачем приехали? Оказывается, у вас нет стажа работы, а мы без стажа не принимаем. Вы что, не до конца читали правила приёма?

Молчу, думаю: «Прощай, Литинститут».

Вдруг слышу другой голос (он оказался голосом моего незабвенного учителя Александра Михайлова):

– Владимир Фёдорович, этого молодого человека для своего семинара выбрал я, под свою ответственность, он – горец, у них с детства привыкли работать, это можно считать стажем. Литинститут ему необходим, в этом я убеждён.

Так мой учитель спас меня в первый раз, а потом он делал это ещё очень много раз.

Ректор отрезал:

– Если «на отлично» не сдашь экзамены, будешь идти вторым эшелонном.

Слава Богу, я сдал экзамены и поступил. Учёба в Литинституте – особая глава в жизни каждого его выпускника.

Думаю, что таких замечательных, творческих, свободных в несвободной стране, искренних и истинных преподавателей было немного в наших вузах. Каждый из них был личностью, мастером своего предмета, а, значит, и своего дела.

Никогда не забуду моих учителей по русскому языку Лигию Григорьевну Шипош и Нину Васильевну Фёдорову (Царство им Небесное). У нас первой парой был русский язык, а было нас несколько человек из национальных республик: Валерия Гросу из Молдавии, Мурад Мухаммад Дост из Узбекистана, Гюзель с Алтая, Эгемберды Эрматов из Киргизии, Чапиныш из Прибалтики и я из Дагестана.

Лигия Григорьевна и Нина Васильевна приходили на урок с термосами и бутербродами. И перед началом занятий говорили: «Деточки, вы, наверное, не успели позавтракать. Давайте, сначала попьём чаю с бутербродами, а потом приступим к уроку».

Расскажешь кому сегодня – не поверят. Такое было отношение к нам, студентам, которые находились вдали от своей малой родины, но были сыновьями нашей большой страны. Разве можно такое забыть?

Литинститут... Абсолютно прав был Юрий Кузнецов, когда говорил: «В моей жизни Литературный институт оказался тем самым рычагом,

которым, по Архимеду, можно перевернуть мир. Благодаря ему я перевернул свою судьбу. Надеюсь, в лучшую сторону».

То же самое могу сказать и я. Конечно, самым главным человеком для меня в Литинституте был мой учитель, руководитель нашего поэтического семинара, талантливый критик и замечательный человек Александр Алексеевич Михайлов, тот самый, который спас меня во время собеседования. Обсуждения на семинаре были бурные, бескомпромиссные. Мы не щадили друг друга.

Национальные поэты представляли для обсуждения на семинаре подстрочники, но к ним не было никакого снисхождения: прорываясь к смыслу через дебри подстрочных переводов, чётко определяли: есть в этих стихах поэзия или нет. О нашем семинаре очень верно сказал один из лучших преподавателей Литинститута, блестящий знаток русской и мировой поэзии, неповторимый Владимир Павлович Смирнов, который стал мне старшим другом и остаётся им до сих пор: «Я помню семинар А.А. Михайлова. Чем этот семинар отличался? Тем, что Михайлов... умел поддержать то, что присутствовало в даровании того или иного человека. Не перекраивать на свой лад индивидуальность студента, а развить то, что ему присуще».

Верность этих слов я почувствовал на себе. В Москву я приехал с чистыми родниковыми стихами. Но на второй год обучения, сам того не замечая, подпал под влияние модных тогда эстрадных поэтов. Хотелось побыстрее популярности и славы. Ну вот, идёт обсуждение моих стихов на втором курсе. Стихи так себе, ничего особенного: ни лучше, ни хуже, чем у других. Семинаристы бурно обсуждают их: кто-то хвалит, кто-то ругает. Даже Галина Ивановна Седых, помощник Михайлова, несколько добрых слов сказала. Но тут слово взял А. Михайлов. Он не оставил камня на камне от моих стихов. Сказал о подражательности, о вторичности, о потере индивидуальности, о попрании традиции и т.д.

...Я покинул семинар, битый любимым учителем. Стоял прекрасный зимний день. Шёл великий московский снег. А я брёл по улицам Москвы, ничего не видя и никого не замечая. Довольно долго бродил по городу и лишь поздно вечером добрёл до нашего общежития. Там меня встретила наша вахтёрша, добрейшей души человек – тётя Шура. Она сказала: «Несколько раз звонил Михайлов. Он спрашивал тебя и просил обязательно ему перезвонить, когда бы ты ни пришёл». Я тут же набрал номер учителя. Услышав мой голос, он сказал: «Ну, что, получил? Заслуженно получил. Брось заниматься ерундой, вернись к себе, к родине, к истокам. И всё будет хорошо».

После этого случая он ни разу не обсуждал моих стихов на семинаре, не поговорив предварительно со мной. Диплом я защитил на «отлично».

3

Как я уже говорил, детство моё прошло в ауле Гонода, что находится у подножья величественной Седло-горы, которая как маяк видна из разных районов нагорного Дагестана. Вокруг моего аула – горы и скалы, а сам аул лежит, как бы в их ладонях, окружённый лесами и лугами. Я люблю Седло-гору. Она научила меня понимать природу и определять погоду. Сама Седло-гора никогда не менялась, но погоду умела предсказать. С утра посмотришь на неё и поймёшь, какая будет погода. Дождь и снег, тучи и солнце, тень и свет – всё это на Седло-горе имеет своё значение, по ним определяется поведение погоды.

Но самым моим любимым местом в ауле была берёзовая роща. Наши берёзы немного похожи на плакучие ивы, их ветви-косы ниспадают вниз с невероятной красотой. В тени берёз, в летнюю жару читал я стихи всех поэтов вслух, вслушиваясь в их музыку, улавливая их ритм, и никто мне не мешал. Берёзы – сами, как стихи, недаром поэты сравнивают их с девушками-красавицами.

За аулом – сосновый лес, внизу течёт Аварское Койсу. Много времени мы, ребята, проводили у реки: купались, ловили рыбу, устраивали набеги на сады, но когда лезли в колхозный сад, понимая, что поступаем плохо, непременно снимали пионерский галстук или прятали комсомольский значок – стыдно собирать урожай в чужом саду, хотя сад был общественный и принадлежал всему аулу, но мы были воспитаны: нельзя красть, лгать, предавать. Сейчас таких садов нет. Всё частное. Может быть, это и лучше, но тогда, мне кажется, люди были щедрее и добрее.

Где бы я ни находился, со мной всегда была книга. Я мог читать её и на камне, и под скалой, и в пещере, и у реки, и у родника, и в лесу, и в саду. Лежишь в расщелине скалы, идёт дождь, но ему не добраться до тебя, а ты читаешь книгу, на душе радостно и солнечно. Незабываемое ощущение открытия мира, стран, народов и вместе с тем – единения с природой.

Наши учителя были настоящими учителями. Сейчас я понимаю, что именно так надо было учить, чтобы мы, горские мальчики и девочки, говорившие на русском языке только с учителями в школе, могли сдавать экзамены без всякого снисхождения и поступать в вузы Москвы и других городов и получать настоящее образование. Не чета нынешнему – компьютерно-беглому, ЕГЭстичному. До сих пор помню наизусть стихи русских и аварских поэтов, выученные в школе, а наизусть учили тогда много, почти всех классиков.

С детства я видел поэзию везде и во всём: в роднике, в речке, в горах, в аулах, приютившихся на скалах, в орлах, парящих в небе, в ласточке, щебечущей по весне, в нежном и хрупком подснежнике, в простых людях-горцах, чья тяжёлая жизнь становилась легче от песни. Где вы, где вы, аульские свадьбы? Старинные наряды, песни, танцы делали людей счастливыми. Общая радость, общее счастье, одна судьба. Хотя жили бедно, не так обеспеченно, как сейчас, но духовная жизнь была богатой и разнообразной. Приезд кунака приравнивался к свадьбе. Делили вместе и радость и беду.

И ещё. Детство – это страна твоего родного, молочного языка, как считают аварцы. Страна сказок, притч, афоризмов, пословиц и поговорок. Детство – это и воспитатель твоего языка. Лишь народный язык может создать поэта и его поэтический мир, если в нём есть дар Божий. Поэтому до сих пор, где бы я ни находился, со мной всегда сладкие звуки аварской речи из родного аула, они пробуждают во мне воспоминания и дают новую жизнь поэтической строке. А поэзия, как известно, верна родному языку и живёт в нём и с ним. Поэтому я, прежде всего, поэт аула.

4

Литературный институт стал для меня тем же, чем было для Пушкина Царское Село. Помните: «Отечество нам Царское Село»? Литинститут давал не только хорошие знания тем, кто хотел их получить, но и дарил большую дружбу с поэтами всех республик Советского Союза. Может быть, это общее значило даже больше, чем учёба.

В конце концов, учёба зависела только от тебя: хочешь – учишься, не хочешь – не учишься. Некоторые дагестанцы как приезжали, так и уезжали, ничего не приобретя, хотя и провели пять лет в стенах замечательного Литинститута, однако, считали свои бездарные стихи выдающимся явлением в литературе и не интересовались ни русской, ни мировой литературой.

Вспоминаю такой случай. Один дагестанский стихоплёт учился в Литинституте очень долго. Он был заочником. Никак не мог сдать экзамены, и его всё время оставляли на второй год. Наконец, с грехом пополам, он добрался до защиты диплома. Однако остался ещё один «хвост» – литература «серебряного века». Экзамен должен был принимать мой друг Владимир Павлович Смирнов. Я в то время, по стечению обстоятельств, жил в Москве. И вот звонит мне этот неудачник-поэт и просит: «У меня один экзамен не сдан. Принимает его друг Смирнов. Приходи в институт. Попроси его поставить мне оценку».

Что делать? Я пришёл. Нашёл Смирнова. Он принимал экзамены. Увидев меня, Владимир Павлович вышел из аудитории. Я попросил его помочь одному человеку и назвал фамилию. Смирнов улыбнулся и сказал:

– Подожди, я закончу, и мы поговорим.

Вскоре он освободился.

– Ну, что ж, – говорит, – экзамен принимать будешь ты, а я буду твоим ассистентом. Если ты поставишь ему положительную оценку, я подпишусь. Разложил билеты. «Поэт» взял один из них: «И.А. Бунин. Повести». Лучшего билета и придумать невозможно. Держит билет в руках и молчит. Мы со Смирновым ждём. Наконец заговорил:

– Бунин. Повести. Бунин. Повести...

– Что за повести? – спрашивает Смирнов.

Экзаменуемый опять молчит. Я не выдержал и на аварском языке подсказываю:

– У Бунина есть повесть «Деревня», рассказывай о ней. (Хочу заметить, что на аварском языке и деревню, и село, и аул называют одним словом «росу»).

Наш студент после долгой паузы вымолвил:

– Да, я прочёл повесть Бунина «Аул».

Смирнов всё понял и чуть не упал со стула от смеха.

Спрашивает меня:

– Ну, как? Ставишь ему положительную оценку?

Я отвечаю:

– Нет, не могу! Не простит меня великий Бунин, если я поставлю за этот позор хорошую оценку.

– Тогда, – сказал Смирнов мне, – за твою честность я поставлю ему тройку.

Вот так учились некоторые наши земляки. Один из них после госэкзамена сказал своим однокурсникам по Литинституту: «Оказывается, Пушкин – хороший поэт, его роман “Евгений Онегин”, говорят, гениальный роман».

Об этом он, бедняга, узнал на госэкзамене, когда не смог ответить на вопрос о романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

В 1983 году мой учитель Александр Михайлов в своём предисловии «Его призвание» к моей первой книге стихов на русском языке «Строка», которая вышла в издательстве «Современник», писал: «В течение пяти лет учёбы в Литературном институте имени М. Горького Магомед Ахмедов был моим “семинаристом”. Совсем юным человеком пришёл этот аварец ко мне на семинар

на первом курсе, где, по литинститутской традиции, собрались стихотворцы нескольких национальностей. Это был довольно пёстрый, весьма неровный по способностям студентов семинар, но несколько человек к исходу второго года обучения заметно выделались, подтверждая своё право на поэтическое творчество. Среди них был и Магомед Ахмедов...

За почти два десятилетия работы в Литературном институте я, пожалуй, и не припомню студента, который бы с такой трогательной добросовестностью относился к своему статусу, к своим обязанностям. Что греха таить, студенты Литературного института не всегда образцово относятся к занятиям. Магомед, я помню, опаздывая на один день в институт после каникул из-за самолёта, прислал две телеграммы: одну – в учебную часть, другую – руководителю творческого семинара. Объяснил причину опоздания, извинялся.

Это свойство не было педантизмом примерного ученика, хотя Ахмедов пришёл в институт учиться... Он с жадностью набросился на книги, не пропускал ни одной лекции, он хотел много знать, тем самым резко отличаясь от тех юных невежд, которые своё невежество объясняют природной гениальностью, которая-де не нуждается в приобретённой культуре и знаниях, которой-де они только мешают проявиться. Надо ли говорить, что никого из таких “гениев” не видно в литературе!..

...Совершенствуя знания русского языка, активно участвуя в работе семинара, в обсуждении творческих работ своих товарищей, Магомед в то же время постоянно работал творчески. Он писал не то чтобы много, но, ещё раз повторю, постоянно, то есть не позволял себе расслабиться, делать большие паузы. Ведь для молодого стихотворца особенно важна система в работе. Важна потому, что он переполнен свежими впечатлениями, важна потому, что ему необходимо серьёзно заявить о себе, важна ещё и потому, что надо развивать профессиональное умение, мастерство. Магомед Ахмедов понял это сразу и работал много, делая упор не на количестве, а на качестве стиха.

Мне нравилось тогда и нравится сейчас, когда молодой поэт обретает творческую самостоятельность. Имея перед собой в аварской поэзии прекрасные образцы, он уходит от ученичества, от пребывания на запятках, торит свой путь.

Конечно, нравственная и эстетическая позиции его ещё не вполне чётки, они ещё нащупываются, но ориентир взят верный. И если поэт, вообразив себя, свою жизнь залом ожидания, который заполняют тысячи судеб, сумеет разобраться в людском сонме, сумеет извлечь из него драгоценные крупички человеческого опыта, переплавить его в собственной душе, то всё это может воплотиться в поэтических образцах высокой пробы, а творческих возможностей для этого у Магомеда хватит.

Магомед Ахмедов наследует богатые гуманистические традиции поэзии Востока, рядом с ним высится пик Расула Гамзатова. Молодой поэт, с уважением, но без робости оглядываясь на него, прошлое своего народа и его культуру, смотрит также и окрест, осваивает духовные ценности других народов, и душа открыта новым впечатлениям. Оттого и книга Магомеда Ахмедова пронизана токами современности. Это книга молодого человека, который живёт в сложном, трагическом и прекрасном мире, живёт среди людей, которых он хочет сделать счастливыми. Жизнь для людей, жизнь в поэзии – его призвание».

5

После окончания Литературного института я приехал в Махачкалу и стал работать в Дагестанском книжном издательстве. Мне посчастливилось быть редактором двух замечательных книг: «Избранное» Магомеда Сулиманова и «Учитель и ученик» Омар-Гаджи Шахтаманова.

С Магомедом Сулимановым и Омар-Гаджи Шахтамановым я был знаком со школьных лет, и они оставили в моей душе глубокий человеческий и поэтический след. Вспоминаю первую встречу с ними. Мы – юные поэты-школьники, я и Гаджи Ибранов, приехали в Махачкалу показать свои стихи. Пришли в Союз писателей очень рано, он был ещё закрыт. Остались ожидать у дверей. Вдруг показались они – Сулиманов и Шахтаманов. Я их узнал по фотографиям, напечатанных в их книгах. Тогда мы читали всё, что издавали на аварском языке, и каждая книга была большой радостью, а сами писатели казались небожителями. И вот они подошли к нам: Шахтаманов в папахе, похожий на Печорина, и Сулиманов в шляпе, напоминающий Евгения Онегина. Я знал и читал поэмы М.Ю. Лермонтова в переводе М. Сулиманова. Это было потрясение. Какой аварский язык, какая поэтичность, будто это были не переводные произведения, а написанные на аварском языке. Знал я их творчество. Они оба были блестящими поэтами.

Шахтаманов взглянул на нас. Я сделал шаг навстречу, Ибранов остался на месте.

– Вы откуда, юноши? – спросил Шахтаманов.

Я ответил на аварском.

– Зачем приехали?

– Читать свои стихи.

– Стихи и у нас есть, – улыбнулся Шахтаманов, – ну, что же, Магомед, – обратился он к Сулиманову, – послушаем этих юношей.

Мы вошли в Союз писателей и поднялись по лестнице... Потом в одном из своих стихотворений я написал, что с «лестницы на нас смотрели Махмуд и Гамзат, а на кабинет Гамзатова, как на Каабу, смотрели мы». Зашли в угловую комнату, где работал Шахтаманов.

– Начинайте. Кто из вас старше? – спросил Омар-Гаджи.

Старше был Гаджи Ибранов. Он достал тетрадь и начал читать. Прочёл одно стихотворение, второе, третье.

– Хватит, – почти крикнул Шахтаманов. – Юноша, зачем тебе портить свою жизнь, займись лучше другим делом, – сказал он Ибранову.

Магомед Сулиманов молчал.

– Теперь ты читай, – обратился Шахтаманов ко мне.

Я зарделся от волнения, от испуга и ещё отчего-то... Я видел, как был обожжён колкой критической характеристикой Гаджи Ибранов... Ну, что делать, раз пришли, надо читать. Я наизусть знал свои стихи и читал их без тетрадки. Когда прочёл пятое стихотворение, а маститые аварские поэты меня ни разу не перебили, Омар-Гаджи сказал Сулиманову:

– Магомед, по-моему, сегодня хороший день. Как тебе стихи этого юноши?

Сулиманов спокойно ответил:

– Чтобы знать вкус мёда, необязательно съесть целый улей!

После паузы Шахтаманов снял телефонную трубку и набрал какой-то номер. Ему ответили...

– Нашёл, – сказал Шахтаманов.

– Кого нашёл? – видимо, спросили на другом конце провода.

– Поэта нашёл, поэта, – повторил Шахтаманов.

Оказалось, что звонил он не кому-нибудь, а самому Расулу Гамзатову.

Расул Гамзатов тут же пригласил их к себе, велел, чтобы и меня привели с собой. Как сегодня помню: прямо во дворе дома Расула я читал свои юношеские стихи. Они втроём слушали их и одобрительно кивали. Потом Гамзатов написал в «Литературной России»: «Стихи Магомеда Ахмедова чисты, ясны, как первый снег».

Это было счастье...

Они все уже ушли в мир иной, но моя благодарность им и любовь к ним всегда со мною. Где у нынешних поэтов эта поэтическая щедрость души, эта радость от появления нового поэта? Грустно. Другие времена, другие нравы. Я же никому и никогда не завидовал, а только радовался и радуюсь, если кто-то напишет хорошие стихи. Этому меня научили мои великие учителя.

Магомед Сулиманов навсегда остался для меня честнейшим человеком и поэтом, блестящим знатоком языка и большой личностью.

Омар-Гаджи Шахтаманов стал моим другом, с которым мы делили хлеб не только родной земли, но и чужбины. Долгие годы мы жили в Москве. Он мог посреди ночи позвонить мне и спросить: «Юноша, у тебя сигарет нет, а то у меня закончились?» А жили мы в разных концах города, да и сигареты ему были не нужны, просто он хотел услышать мой голос.

А с Расулом Гамзатовым мне довелось работать долгие годы, он был учителем и другом. В одном из своих последних интервью он сказал: «За это время утвердил себя как настоящий поэт аварец Магомед Ахмедов, человек образованный, который может от имени нации и от имени всероссийской литературы выступать везде». Для меня было большой честью услышать такую оценку из уст самого Расула. Я благодарен Расулу Гамзатову за всё то доброе, что он для меня сделал. Приведу здесь и его стихи, посвящённые мне. Они были написаны в чистом блокноте, который Расул подарил мне и сказал: «Пиши в этот блокнот только замечательные стихи».

Магомеду Ахмедову – моему молодому другу

*Мой друг, оставляю тебе, уходя,
Я книгу стихов, где чисты все страницы,
В которой надежда моя, как дитя,
Ещё не успела на свет появиться.*

*Сундук своих старых и новых счетов,
До коих мои кредиторы охочи...
Я знаю, что ты расплатиться готов
Не медью, а золотом будущих строчек.*

*Любовь оставляю последнюю я,
Алмаз драгоценный, который когда-то
Я спрятал надёжно в родимых краях,
Но где тот тайник, позабыл безвозвратно.*

*Ещё оставляю тебе, Магомед,
Небесную азбуку звёзд, по которой
Способен прочесть настоящий поэт,
Что будется с нашим Отечеством скоро.*

*Но если пропущены в тексте слова,
Не стоит искать их в упрямстве сердитом.
Пусть лучше склонится твоя голова
В том месте, где могильные плиты...*

*Ты к ним подойди и как преданный сын
Безмолвие сонных столетий послушай,
Где жизнь остановлена, словно часы,
Лишь дышат, как травы, бессмертные души.*

*...Ах, как незаметно подкралась зима!
Свалилась холодным нетающим снегом
На голову мне, ужаснувшись сама,
Как будто бы гром среди ясного неба.*

*Как быстро моя молодая мечта
Из девушки вдруг превратилась в старуху.
Где правила миром вчера красота,
Сегодня царит беспощадно разруха.*

*Звонящая песня разгульной весны
Негаданно стала протяжным намазом,
И юности буйной цветастые сны
От солнца палящего выцвели разом.*

*От белой напасти спасения нет
И от сквозняков больше некуда деться.
Но я завещаю тебе, Магомед,
Мою недопетую песню в наследство.*

*Прижми ты её, как ребёнка, к груди,
Пьянящим морозом позволь надышаться!
От мысли, что у тебя впереди,
Мне легче и радостней с ней расставаться.*

*Мой друг, напоследок в гунибском лесу
Дарю я тебе неприступные скалы,
Где, может быть, выследишь ты ту лису,
В которую пуля моя не попала.*

*Вершину, куда я подняться не смог...
Ущелье, куда не посмел я спуститься...
И думу мою, о которой лишь Бог
Узнает на самой последней странице.*

Один замечательный поэт сказал: «Мои стихи – это мои стихи. Их никто другой не напишет, если даже у него великий талант». То же самое о себе могу сказать и я.

Для каждого человека его родной язык – самый богатый и самый великий. А.И. Куприн сказал: «Русский язык в умелых руках и в опытных устах – красив, певуч, выразителен, гибок, послушен, ловок и вместителен». Такой же и аварский язык, на котором я пишу, думаю, чувствую и люблю. Волшебство языка – есть волшебство народа, и каждый носит в своей груди клад родного языка, который открывают в разную эпоху по-разному, а поэты – по-своему.

Мне дороги слова поэта, который сказал: «В мире есть только три вещи: Бог, поэзия и ты». Но я добавлю: «Ещё Родина и родной язык».

Во всяком языке скрыт поэтический язык. Сердце и душа аварского языка – это поэтический язык Махмуда из Кахаб-Росо, Али-Гаджи из Инхо, Гамзата Цадасы, Расула Гамзатова и других великих аварских поэтов. Поэты отражаются в зеркалах эпох поэтическим языком и несут миру тайну по имени «язык». Убеждён, что высшая поэзия рождается только внутри родного языка, но я благодарен моим русским друзьям-переводчикам, которые делают мои мысли и чувства достоянием многих людей, не знающих аварского языка, где слова другого языка, но стихи мои, а то я остался бы, по меткому выражению Расула Гамзатова, «поэтом одного ущелья».

Русская культура и литература сыграли особенную роль в моей поэтической, творческой и человеческой судьбе. Мне посчастливилось больше десяти лет жить и работать в Москве, общаться и дружить с выдающимися русскими поэтами, писателями, литературоведами. С благодарностью и теплотой вспоминаю их имена: Владимир Соколов, Юрий Кузнецов, Анатолий Передреев, Яков Козловский, Николай Дмитриев, Василий Белов, Сергей Михалков, Юрий Селезнёв, Лев Ошанин, Александр Проханов, Вадим Дементьев, Станислав Куняев, Геннадий Иванов, Александр Ерёменко, Иван Голубничий, Юрий Поляков, Владимир Бояринов, Николай Рачков, Юрий Щербачков, Надежда Кондакова, Алексей Бинкевич, Ренат Харис, Валерий Тургай, Николай Лугинов, Канта Ибрагимов, Муталип Беппаев... Чтобы перечислить все имена, не хватит нескольких страниц! Спасибо вам, друзья, всем, перечисленным и кого не упомянул, за дружбу и искренность, за верность слову и преданность делу.

Стихи, как писал Борис Пастернак, должны помогать людям «в работе, в поисках пути, в сердечной смуте», а также «жить, думать, чувствовать, любить, совершать открытия». Переносить все тяготы, возвышать дух, напоминать о мужестве и чести, о гордости и сострадании. «Слово поэта не должно быть простой записью дел человеческих, оно должно быть прочной опорой, помогающей человеку выстоять и победить». Так сказал Фолкнер.

Мой любимый Блок писал: «Что такое поэт? Человек, который пишет стихами? Нет, конечно. Он называется поэтом не потому, что он пишет стихами, но он пишет стихами, то есть приводит в гармонию слова и звуки. Потому что он – сын гармонии, “поэт”».

То, о чём сказали и Фолкнер, и Блок, для меня очень важно не только в поэзии, но и в жизни. «Слово поэта – суть его дела».

Малая родина – эта самая большая родина человека. Это то святое место, где ты родился, впервые открыл глаза и увидел мир, это место, где был твой первый вдох и выдох.

Дума о малой родине есть молитва человеческой жизни. Ведь, где бы ты ни находился, твои мысли, как перелётные птицы, летят домой, в аул, на малую родину.

Аул Гонода, где я родился и вырос, находится, как я говорил, у подножья Седло-горы, кажется, что он окружён ладонями скал, суровая нежность которых поражает своей неповторимой картиной. Впереди Седло-гора, вокруг него горы, взглядывающие за плечо друг друга и ведущие тысячелетнюю беседу этой каменной страны. Если есть в мире какой-нибудь сад камней, красивее горского сада камней вряд ли найдётся.

Камни... На вид твёрдые, жёсткие, суровые. Но посмотришь на них в разные времена – они разные: они то плачут, то смеются, то разговаривают, то молчат. Чтобы понять язык камней, надо быть горцем, чтобы по-настоящему услышать музыку гор, чтобы понять их язык, надо быть и поэтом, и композитором, и художником одновременно.

В детстве я восхищался цветами на камнях и скалах. Это была для меня великая тайна – как они пускают корни в камни и скалы, как они находят воду в них. Нежные цветы имели внутреннюю силу, которая давала им не умирать, а жить, жить в вечной борьбе в поисках влаги жизни. Мне сейчас кажется, что это сила родины – малой родины, которая больше большой родины.

В саду скал и камней, под небом, упавшим на горы, у подножья Седло-горы прошли мои детство и юность.

Седло-гора... Для меня это не гора, а весь мир. Он стоит напротив моего отцовского дома, и каждое утро смотрит мне в глаза, как великан, испытывающий состояния моего духа.

Седло-гора – это не гора, а вековые часы, определяющее земную жизнь людей: люди приходят и уходят, а Седло-гора, как стояла, так и стоит, провожая и встречая новые и новые поколения. Удивительно и то, что по Седло-горе, вернее, по её утесу, который называется «Мать и дочка», мы точно определяли сторону Мекки для свершения намаза, а сама Седло-гора является для меня, да для всех моих земляков – гонодинцев, горой сердца, души, судьбы и родины. Невозможно представить мир без Седло-горы.

Я помню, как мы поднимались на неё с друзьями детства. Это очень опасное и мужественное путешествие мы совершали втайне от взрослых, не от того, что взрослые нам запрещали это делать, хотя и такое бывало, а для того, чтобы проверить себя, свой характер.

Сначала надо от аула вверх подниматься довольно долго. На пути – только одно удовольствие, родниковая вода, почти на каждом шагу. Дойдя до горы, надо её обойти, чтобы попасть на другую сторону, где есть тропа на Седло-гору. А тропа одна. По этой турьей тропе мы друг за другом поднимались наверх. Иногда приходилось делать подтягивание, как на турнике, турником были каменные балки. На это уходило почти полдня. Ну вот, всё позади... Мы – на Седло-горе. Ошеломляющая красота. Кажется, что, как на ладони, видна вся Авария и весь Дагестан, в ясную погоду, через бинокль, говорят, видно Каспийское море. Но у нас тогда таких мощных биноклей не было, но наши глаза были полны удивления, красоты, радости и счастья.

На Седло-горе мы находили разноцветные родники, нам казалось, что они из семицветной радуги, постоянно светящейся над горой, со временем мы узнали, что это цвет глины и земли дают воде такое отражение. Как бы там ни было, в отражениях нашей памяти остались это цветные родники, из которых мы пили разноцветную, радужную воду, холодную, вкусную и чистую.

По Седло-горе, по её состоянию моя мама ежедневно определяла, каким будет сегодняшний день. По облакам, по тени, по лучам солнца, по состоянию внешнего вида, мама говорила, какой будет погода, пасмурной или ясной, солнечной или холодной.

Если до Седло-горы было трудно добраться, то моя любимая берёзовая роща, как зелёный пояс опоясывающий подножье Седло-горы, было самым дорогим для моего сердца местом.

Не зря берёзы сравнивали с красивыми девушками – действительно они напоминают их: белое тело, тонкий стан, распущенные зелёные косы. На рассвете, когда роса блестит на их листьях, кажется, это глаза красавиц в слезах, что они плачут то ли от радости, то ли от печали. Берёзы – великие собеседники. У них такие умные глаза и чистое сердце, что ты их видишь и слышишь.

Я приходил в берёзовую рощу в любое время суток. Берёзы были моими друзьями. Я читал им только что написанные стихи. Мне казалось, что они самые внимательные слушатели. По их реакции я угадывал, получились стихи или нет? Понравились они берёзам или нет? Если честно, то берёзы сами были великими стихами, а берёзовая роща – замечательной книгой, которую ты читаешь и дополняешь своими стихами. Поэтому все поэты писали о берёзах восторженно и красиво, но лишь один Есенин сделал их живыми героями своей судьбы и любви, нет, не героями, а своими сёстрами и любимыми женщинами. Раскрывающиеся зелёные листья берёз, жёлтые листья берёз, падающие листья берёз – они были не только философскими, но и жизненными явлениями. Понимать язык берёз – это понимать язык поэзии.

«Отговорила роща золотая берёзовым весёлым языком»... Да, иногда весёлым, иногда печальным, но языком поэзии и языком красоты. Я читал берёзам не только свои стихи, но и стихи великих поэтов. Мне казалось, что они недовольны стихами, написанными о них. Потому что они сами были лучшими стихами, написанными природой о своей красоте, которая спасёт мир.

Детство ушло, юность прошла, молодость осталась позади, уже голова белым-бела, но и сейчас, когда иду по берёзовой роще моего аула, у меня внутри горит зелёный огонёк берёз, душа отвечает их блеску, сердце измеряет время берёз, они всегда дают мне зелёный свет. Живите, берёзы, дорогие мои вечные друзья. Я прихожу к вам, когда мне тяжело и когда мне хорошо, вы лечите мои раны, оставленные временами, вы даёте мне вдохновение, усталому путнику земных дорог, а самое главное, вы ещё не разучились слушать и понимать стихи. Спасибо вам, мои друзья – Гонодинские берёзы, Гунибские берёзы, Рязанские берёзы, Московские берёзы, где бы вы ни росли, вы растёте в душе моей. Где берёзы, там и родники. И они очень похожи друг на друга, чистотой, ясностью, красотой, утолением жажды, живым блеском.

Если берёзы – зелёные свечи гор, то родники – глаза их. Конечно, в горах люди больше любят родники. Ведь они встречают их как кунаков, угощая неповторимо чистой, звенящей холодом водой. Родники, разбросанные по полям, лесам, оврагам – великие хозяева добра, которое природа раздаёт людям щедростью своей души, недаром же человек состоит из девяноста процентов чистой воды, правда, сейчас, может, быть не из чистой, а грязной. Но

это другой разговор. Мне лично нравятся чистые родники и чистые люди. В них много общего. В горах во все времена любили, ценили и берегли родники.

В каждом ауле были удивительные старики: ищущие родники, находящие их, лечащие их, как врачи. Вот идёт по лесу старик с молодыми людьми. Прислушивается к земле. Вдруг останавливается и говорит: «Здесь должен быть родник. Копайте». Молодые ребята начинают копать. Проходит немного времени – и в воздух бьёт свежая струя нового родника, его струны начинают играть новую мелодию, а довольный старик идёт дальше в поисках нового родника. Но он не забывает и о старых. Остановится, встанет на колени и начнёт чистить родник, убирать вокруг то, что мешает роднику жить и сверкать, как зеркалу для человеческой души.

О, мудрые, замечательные горские старики! Сколько в вас добра, тепла, человечности и любви. Вы сами – вечно бьющиеся в народном сердце родники. Без вас, как и без родников, невозможна горская жизнь. Вы философы гор, вершин, долин, скал, родников, речек и рек! Вы – мудрецы народа и неба! Вы – простые пророки аулов, видящие всё наперёд и не забывающие прошлое. Для меня вы – вершины и горы Дагестана, на которые трудно взойти. Если меня спросят – за что ты любишь горы? Одним из моих ответов будет: за то, что там живут замечательные, неповторимые, горские старики.

8

С чего начинается Родина? Родина начинается с Родины. А родину мы зовём матерью. Значит, родина начинается с матери. Каждая мать – автор гимна нашей жизни, без неё там ни музыки, ни слов. Недаром нас всю жизнь сопровождают колыбельные песни матери. В них мать – первый поэт для каждого человека. Эти песни – молитва матери за нас, её пожелания, её мольба перед Всевышним, чтобы мы были счастливы и здоровы. Самая красивая женщина в этом мире – это мама. Я помню свою маму молодой. Мне казалось, что с её лица восходит солнце, когда она была радостной, и заходит – когда она в печали. Как жаль, что нам не удастся вернуть матери даже самую малость, что она нам даёт. Прав поэт: «Мне горько, мама, грустно, мама, я – пленник глупой суеты, и моего так в жизни мало вниманья чувствовала ты». Неумолим бег времени. Не успеешь оглянуться, уже у самого виски в седине и голова белая. И поздно кладёшь седую голову на материнские ладони. Время проходит, а стихи остаются:

*И снова с поля
Мать моя вернулась.
Свалила с плеч худых
вязанку сена
и пот утёрла
высохшей рукой*

*И показалось мне:
движением этим
она с лица морщинистого
стёрла
усталость всей земли
и всех уставших.*

В слове «мама» есть высшая поэзия и звучит великая музыка. Ведь она дала нам жизнь, Всевышний ей доверил это самое святое дело. А мать, вместе с жизнью, нам даёт и молочный, родной язык, на котором мы говорим и чувствуем, любим и ненавидим, молимся и просим прощения. Мы живы, имея, зная материнский язык, в котором вкус и сладость материнского молока.

А отец? Кем был для вас отец, спросите вы. Отец – это скала, на которую мы всю жизнь опираемся спиной, защищая всё – и мать, и родину и родной язык. Мой отец был простым горцем. Честным человеком, тружеником. Он чабил в горах с четырнадцати лет. Шестидесять лет на его плечи падал снег и лил дождь, которые шли в горах. Он понимал не только язык людей, но и язык гор, вершин, родников и рек. В душе он был поэтом. Наизусть знал стихи многих аварских классиков: Алигаджи из Инхо, Махмуда из Кахаб-Росо, Гамзата Цадасы.

Всегда вспоминаю один случай. Мы с моим бесценным другом, великим аварским поэтом Омаргаджи Шахтамановым навестили отца. Они с Шахтамановым сразу, с первых слов подружились. Много говорили, беседовали. Вдруг Шахтаманов сказал мне: «Юноша, давай почитаем отцу наши стихи».

Мы это делали редко. «Давай», – сказал я. Омаргаджи прочёл, мощно, вдохновенно, просто замечательно. И я постарался не отстать. Отец внимательно нас послушал. Ничего не сказал. Встал. Ушёл в другую комнату сакли. И вернулся. В руках он держал три книги, с которыми не расставался: Алигаджи из Инхо, Махмуд из Кахаб-Росо, Гамзат Цадаса.

«Я вижу, что поэты вы неплохие, но до этих вам далеко». Эти слова были встречены нашим с Шахтамановым гомерическим смехом, и мы были благодарны отцу за честность и высокое отношение к поэзии. Отец, как поэзию, любил правду.

Ещё вспомним: Мне было лет пять. И я был в горах в летнее время с отцом. Я шёл за ним, как агнёнок. Вот мы идём по очень тонкой горной тропе. Я держусь за руку отца. Внизу огромная пропасть. Упадёшь – костей не соберёшь. Я так задумался, что выпустил отцовскую руку.

Отец сделал шаг вперёд и обернулся и так быстро схватил мою руку, что мне стало больно. Я посмотрел на его лицо. Оно было белее, чем снег на горных вершинах. Это был не только страх, эта была такая любовь, которую я не встретил никогда. Мне показалось, что, если бы я упал, отец бы спрыгнул в эту пропасть за мной. Как я жалею, что мало бывал у отца, не дослушал его до конца, не провёл с ним в горах достаточно времени, чтобы потом не жалеть. Когда ушёл отец, с ним ушла огромная сила – скала, на которую опиралась моя жизнь и судьба. Нет! Я понял одну очень важную вещь: От отца ничего не надо, хватает лишь одно то, что он есть. На кладбище аула его могила. Мне кажется, когда я прихожу к нему, он говорит: «Ну, как ты там! Держись! Выше голову». Когда-то я написал:

*Мы сохраним звук родимой речи,
Оставшись скорби жить среди теней.
Иных уж нет, а те, уввы, далече,
Но чем далече, тем они родней*

Да:

*«И свет доброты – тот, что делал меня человеком,
И ныне, как прежде, сияя, идёт от отца».*

Моя бабушка была великой женщиной. Она в очень молодые годы осталась без мужа и воспитала троих детей в самые страшные годы коллективизации, террора и Великой Отечественной войны. Она не дала ни малейшего повода все эти и последующие годы чем-нибудь очернить своё имя перед аулом и людьми. Быть верной, правдивой и смелой женщиной – это самое большое мужество, даже больше, чем мужество мужчин. Всё моё детство прошло не только рядом, но и вместе с ней. Я вырос, слушая её рассказы, сказки, стихи, пословицы и поговорки.

Если во мне есть что-то хорошее, как в стихотворце, это от бабушки, плохое – от себя и других от мира сего. Она очень гордилась, что я хорошо учусь. Даже хвасталась иногда по этому поводу.

Однажды мне учитель несправедливо поставил одну единственную двойку (я шёл на золотую медаль, поэтому этого было нельзя делать). Получилось это так. Я был старостой класса. Начался урок. Учитель спросил: «Где карта?» Карты не было. «А где дежурный?», – спросил он. Не было дежурного. «Тогда старосте я ставлю двойку», – сказал учитель и поставил её в журнал.

Я выбежал из класса и пошёл к бабушке жаловаться. Она выслушала меня, ничего не сказала, успокоила. И мне стало легче. Каково же было моё удивление, когда на следующем уроке узнал, что учитель переписал страницу в журнале, убрав мою двойку, и, спросив о домашнем задании, поставил мне пятёрку.

Выяснилось вот что. Учитель этот жил недалеко от бабушки. Она дежурила в тот день в ожидании его. Тот где-то задержался и возвращался поздно. Бабушка моя, увидев его, подняв свой посох, погналась за ним и ударила, а сама кричала: «За что поставил двойку внуку моему!». Учитель, убегая от неё, обещал: «Исправлю, исправлю, Бога ради, успокойся». Бабушка ему поверила и отстала от него. А он сдержал своё слово. Вот такая была бабушка.

Я посвятил ей стихи:

*Нету моей бабушки,
Нету!*

*На её могиле выросли травы,
Над её могилой висит звезда,
А я, хлебнувший земной отравы,
К ней опоздал. Уже навсегда.*

*Нету моей бабушки,
Нету!*

*Она до сих пор стоит передо мной,
Величайшей битвы со злом ветеран.
Высвечивая, как рентгеном, мой путь земной.
Излечивая меня от душевных ран.*

*Нету моей бабушки.
Нету!*

*Только этим, наверное, она не права,
В остальном упрекнуть невозможно её.
И шумит на её могиле трава,
Словно осиротевшее сердце моё.*

*Нету моей бабушки,
Нету.*

10

Когда-то Олег Чухонцев написал: «Мимо школы проходил... и заплакал». Недавно в моей родной Гонодинской школе отмечали мой юбилей. И я заплакал. Маленькие дети так хорошо читали мои стихи, что я думал: неужели я их написал.

Удивительное дело, сколько бы лет ты ни прожил в больших городах, даже когда они становятся тебе в какой-то степени родными, ты всё время путаешь то улицы, то переулки, то станции метро, то номера автобусов, когда со временем к ним возвращаешься.

В родном ауле ничего не забывается. Душа и босые ноги твоего детства оставляют там вечные, незабываемые следы. Я могу, находясь где угодно, закрыв глаза, нарисовать карту моего аула: где какая тропинка, дерево, камень, родник, плод какого дикого дерева слаще, в каком ущелье, какое птичье гнездо, куда падает тень от улетающего орла, какие птицы поют, когда и в каком лесу, где подъём, и где спуск, где поворот налево или направо. И никогда не ошибаюсь.

Школа... Моя родная школа. Мои дорогие учителя. Я всех вас помню и никогда не забывал. Хотя я очень благодарен моим учителям по литературе, но и по другим предметам тоже были замечательные учителя. Сейчас моих учителей осталось в школе мало. Они ушли в мир иной. Но остались в моём сердце.

Они пересказывали нам великие книги мировой литературы, сходу переводя их на родной аварский, когда мы ещё не так хорошо знали русский язык, в конце каждого урока оставляли время для чтения какой-нибудь интересной книги. Это от них перешла ко мне любовь к книге. Иногда бывали уроки на природе. Особенно осенью, когда всё было вокруг так красиво, и мы писали сочинения об этой красоте.

Жаль, что сейчас нет таких учителей, которые любили детей, как своих, и жили их жизнью.

К сожалению, ныне появились учителя, не любящие детей, и врачи, не любящие больных. Поэтому мы и живём в больном времени. Как говорил Расул Гамзатов, разве можно быть здоровым в этом больном времени.

Нашей старой доброй школы уже нет, есть просторная, современная школа. И учёба другая, и учителя другие. Дай Бог им здоровья, чтобы не забыть те человеческие и личностные традиции моих учителей и моей школы. Вместе со школой нас воспитывал и горский годекан.

Годекан – это центральное место в ауле, где собирались мужчины аула и обсуждали всё, что происходит в мире. Центральными фигурами годекана были седобородые старики. Они сидели в горских шубах и папахах в длинном ряду.

Горские старики – это самые верные, точные, правдивые и величественные учителя. Годекан был для нас школой после школы. Никто не мог бегать,

прыгать по годекану, шуметь рядом со стариками, вести себя неприлично там, где есть взрослые. Это считалось большим позором.

Да, никто из стариков не дал бы вести себя плохо. Подозвал и надрал бы уши или дал бы хороший подзатыльник. Годекан – это горская академия воспитания людей, где академики – старики. Они знали о каждом всё: чей сын, чем занимается, как себя ведёт. Старики относились ко всем детям как к своим и не различали их. И воспитывали одинаково правдиво, не принимая ни какую сторону, ни своих, ни чужих. Камни горского годекана помнят и позор, и триумф аульских ребят, и от всевидящего ока горского годекана не мог бы скрыться никто. Честь, совесть, достоинство, человечность, добро, уважение, любовь, верность, преданность, настоящая дружба, вековое куначество, ответственность за каждый поступок – вот главные статьи конституции горского годекана.

Если сыну одно имя давали родители, это имя закреплял или менял на героическую или позорную кличку горский годекан.

За человеком закреплялось лишь имя, утверждённое стариками в годекане.

О, как не легка была эта академия. У билета на экзамене был один единственный ответ – быть человеком, не позорить имя отца, аула и рода своего.

Старики в горах были мудрецами и философами. Они могли дать точную оценку, заглянув в будущее, твоей жизни и судьбе. И, можно сказать, никогда не ошибались. Поэтому, старики и горы – мои вечные учителя:

*Лихие странствия изведав,
Вела домой твоя стезя.
Ты слышишь, Магомед Ахмедов,
Тебя приветствуют друзья!*

*Не нарушал законы дедов,
И клятв священных, дорогих,
Ты слышишь, Магомед Ахмедов.
Стреляют в твою честь враги!*

11

А очень рано, ещё в школьные годы начал писать стихи. Оказалось, что стихотворение «Умирает горный тур», написанное в четырнадцать лет, стало не только народной песней, которую поют уже полвека, но и предвидением судьбы поэта и собственной судьбы. Оно не переведено ещё на русский язык. Подстрочник такой:

*Прыгая по горному ущелью
Бежит горный тур,
А охотник снова и снова
Целится в него
Выстрел...
Раздался стон.
Умирает красота,
Вонзается в нежное сердце
Злая пуля свинца.
Умирает горный тур,*

На камни пролив слёзы,
 губами прильнув
 К роднику, всю жизнь
 Не утолившему жажды.
 ... Встаёт перед глазами
 Сакля горского аула,
 Свинцовая пуля
 В поэта летит.
 Не пуля ли, которая
 Убила Махмуда,
 В тура попала,
 Не сердце ли Магдилава
 В груди у охотника?
 Что же это за диво? –
 Почему на тропе жизни
 Под вечным держат прицелом
 Талант и красоту?

Махмуд – гениальный аварский поэт был убит выстрелом в голову сзади, когда уходил от друга своего, после ссоры. Магдилав – друг и убийца Махмуда. Удивительно, что я ещё мальчишкой почувствовал какую-то непонятную связь между убийством поэта и злым выстрелом охотника, который лишил мир красоты. Вопрос, который я задал себе в юности: почему под вашим прицелом держат талант и красоту? – оказался вечным вопросом. На него до сих пор ищут я ответа.

Я послал эти стихи в редакцию альманаха «Дружба» на аварском языке. Там на них случайно наткнулась неповторимая народная поэтесса Фазу Алиева, которая прочитав их, вбежала в кабинет редактора с криком: «Срочно надо печатать!». И они были напечатаны. Скоро композитор написал мелодию на эти стихи, и они стали народной песней. Эту песню поют больше полвека. С этого дня Фазу Алиева стала моим учителем, другом, настоящим другом. В самые тяжёлые дни я шёл к ней, и она всегда находила для меня место в своём сердце, она была мужественнее многих мужчин, когда надо было защитить поэзию, судьбу и мою творческую биографию. Её творческое поведение было и остаётся для меня безупречным.

В молодые годы я был очень трудным для окружающих меня людей человеком. Мне казалось, что важнее стихов в жизни вообще ничего нет. И что хорошо написанные стихи дают тебе право говорить с миром только правду, что истина – в поэзии.

Поэтому я мог поздно ночью, рано утром, в любой час суток приходиться к Фазу, Шахтаманову, Абасилу с новыми стихами и читать им их. Они всегда были ко мне внимательны, поддерживали и не укоряли в бестактности, хотя я сейчас понимаю, что не всегда вёл себя хорошо. Но дружба, как сказал Светлов, понятие круглосуточное. Однажды в Переделкино, часов в двенадцать ночи я пришёл к Фазу с новой тетрадью стихов... и до утра читал её. Она, не сморкнув глаза, слушала меня. Я ушёл, забыв у неё тетрадь. Следующее утро она очень рано появилась у меня с этой тетрадью и сказала: «Я представила, что ты потерял эту тетрадь, что этих стихов нет. И мне стало страшно. Поэтому я пришла вернуть тебе их». Вот какое чистое, честное, человеческое, поэтическое, истинное, лишённое зависти было отношение великих поэтов не только к себе, но и к другим поэтам.

Сейчас, когда с нами нет ни Расула, ни Фазу, ни Омаргаджи Шахтаманова, ни Магомеда Абасила, я чувствую себя одиноким и непонятым, и стою на ветру эпохи перемен, как сирота, просящий людей послушать стихи. А люди проходят мимо. Им дела нет до поэзии, они заняты своими мирскими заботами. И стихи, посвящённые им, приходится читать ветру эпохи перемен.

12

Какие были раньше молодые поэты! Как они любили поэзию и поэтов! Как они были верны слову и дружбе! Я помню, лет тридцать тому назад, как приехал ко мне в Дом творчества «Малеевка» молодой, красивый, двадцатидвухлетний Магомед Гамзаев со своими стихами. Дело было зимой. Он впервые был в Москве, а из Москвы приехал в Малеевку. Шёл через зимний холодный лес. Заблудился. Чуть не замёрз. Случайный прохожий показал ему дорогу. Каково же было моё удивление, когда ночью на пороге моего номера появился Магомед.

Он принёс горское сушёное мясо, бузу и аульский хлеб. Негде было сварить мясо. И мы нашли выход – сварили его в кофейном чайнике. Разлили бузу, отломали хлеб, закусывали мясом и читали его свежие, ясные, как глоток воды горского родника, прекрасные стихи на прекрасном аварском языке. Это было поэтическое и человеческое счастье. С тех пор много утекло воды, но ощущение молодости, темперамента, чистоты в его стихах всегда для меня связаны с теми днями и ночами, которые мы провели вдалеке от родины, под шум сосен, в заснеженном Доме творчества «Малеевка». Этот поступок молодого поэта, когда я находился на чужбине, и дал мне уверенность, что настоящие поэты и настоящая поэзия всегда была и будет личностным явлением, мужественным делом и святым понятием; как дерево держат корни, так и поэзию держат вера, честь и достоинство. Это Магомед Гамзаев доказал в дальнейшей своей поэтической судьбе. Всегда вспоминая об этом, я думаю, что понятие поэт есть, прежде всего, поступок, жест судьбы, характер личности.

Николай Тихонов написал когда-то об Эффенди Капиеве: «Его книга стихов называется “Резьба по камню”. Это название не случайно. Стихи каждой страны как бы впитывают в себя особенности родной природы, и горская природа, суровая, цельная, многообразная, природа воина и певца, целиком отражена в этих стихах. Песни дагестанских певцов – не простой перевод. В этих песнях сохранено всё своеобразие “скромных каменщиков стиха”, но сам Эффенди, друг, переводчик, поэт, как бы заново воссоздаёт на русском языке всю сложность лирики, порождённой одиноким вдохновением Батырая или сдержанным воплем гениального Махмуда, посылающего песню из глубины Карпат в глубину аварии к девушке по имени Мариам.

Есть что-то глубоко чарующее и влекущее в характере этой поэзии, такой сжатой, глубокой и человеческой. И судьбы певцов трагичны, как большие человеческие судьбы.

Одиноким на заброшенном под облака хуторе Батырай, прислушивающийся к треску дров в очаге долгими зимними ночами, мятущийся, гонимой страстью Махмуд, неизвестный автор песни о Хочбаре, песни о мстителе – они настоящие представители непреклонного племени поэтов, передающих поколениям правду жизни, правду искусства.

Ведь совсем молодым поэтом Э. Капиев стоял у истоков дагестанской советской литературы, но никому в голову не придёт назвать его начинающим, молодым поэтом.

Мне кажется, что он с первой написанной строки стал классиком, вся жизнь его прошла, объясняя чудо рождения поэта и его песни. “Ведь песня зачата не в сердце, а в голове, рождается мёртвой, на позор поэта, и не звучит”, – сказал Эфенди». Об этом мы говорили с молодым поэтом Магомедом Гамзаевым в зимнем лесу «Малеевки». С тех пор прошло много времени – а Магомед стал народным поэтом Дагестана, стихи и проза которого любимы народом. И я этому очень рад.

Меня поражает один малоизвестный рассказ Э. Капиева о Махмуде из Кахаб-Росо:

«Жил в аварии великий поэт Махмуд из Бетль-Кахаб-Росо. Ему наскучила жизнь потому, что не было в той жизни удачи, и пустые, холодные стены её никогда не отражали солнца. Вдохновение ушло от поэта. Уже давно не звучал его чунгур на вечерующей площади аула, уже давно перестали друзья откликаться на зов его сердца. Тогда он отчаялся... Слава живого поэта – не слава героя. Она подобна костру, пламя которого надо всё время питать и поддерживать, иначе оно перестанет озарять лицо. Горе тому, чьи запасы хвороста быстро иссякли, и кто пытается разжечь огонь сырыми поленьями. Но горе и тому, кто после первых же неудач теряет терпенье и в отчаянии разрушает дымящийся костёр. Дым не страшен. Если жару достаточно – имей лишь волю, и костёр запылает рано или поздно.

Махмуд был мудр, но молод. Спрятав свой чунгур в дальний угол опустевшей сакли, он оседлал коня и опоясался отцовским мечом.

– Кровь моя жаждет мести, – сказал он, прощаясь с возлюбленной. – Говорят, что в Загорье живут особые злые люди, у которых душа враждебна нашей душе. Я поспорю с ними! Быть может, во вражде и в мести, на испытанной дороге отцов я найду своё вдохновение и счастье? Как знать!

Дорога в Загорье длинна, дорога в Загорье безлунна, и на каждом шагу там подстерегают путника коварства. Чужие овраги таят незарытые кости храбрецов, чужие орлы парят над тонкой тропой героя, чужие звёзды с неба следят за незванным гостем, как очи недруга.

Махмуд был молод и зол. Сидя на своём несравненном скакуне и надвинув папаху на брови, он думал о том, как отомстить теперь первому встречному за свои неудачи. “Я беден, – думал он, – костёр моей славы угас. Остались дымящиеся поленья и хворост, которые никого уже не греют, и даже вершинные ветры Аварии не способны вновь раздуть моё пламя. Люди говорят: это потому, что я трус и что огонь вдохновенья высекается ударами меча о неверную грудь. Хо, тогда посмотрим!”

Стояла осень. Жёлтым песком осыпались высокие горы. Махмуд вспоминал о грузинском золоте. Вставало утро. Нежным румянцем покрывались груди у летящих птиц. Махмуд вспомнил о грузинских шелках, в которые хотел бы одеть свою возлюбленную. Вставали туманы. Росистые травы качались на ветру. Махмуд вспоминал рассказы односельчан о встречах с грузинами и спешил поскорее увидеть Цоорскую долину, где было самое большое и кровопролитное побоище. Там, по обычаю отцов, он должен был обнажить меч и дать клятву, что не вернётся обратно, покуда на острие меча как камень не затвердеет вражеская кровь. “Я буду смертельно ненавидеть гяуров и отомщу за всё!” – думал поэт.

Вставали туманы, и уже начинались чужие земли. Дорога становилась тоньше, травы сочнее. Странное чувство пресекло внезапно думы Махмуда. Он огляделся. Перед ним по тропе шёл человек, напевая песню. Человек был стар – очевидно, охотник – и шёл в ту же сторону, куда и Махмуд.

Поэт придержал коня, ибо нехорошо без предупреждения обгонять на тропе старого путника. Но старик не обернулся. Он шёл, увлечённый своей песней, и Махмуд напрасно ждал её конца. А тропа становилась всё тоньше и тоньше. Вскоре поэт был уже вынужден следовать за стариком, потому что разойтись на тропе стало невозможно. Он решил ждать ближайшей низины. Невольно следуя за стариком, Махмуд вначале невольно слушал его песню, а странное чувство в его груди всё росло. Оно не было страхом – Махмуд был отважен. Оно не было досадой – Махмуд был сдержан. Оно не было сожалением – Махмуд был горд и решителен. Может быть, это было удивление?

Сбоку в овражке журчал ручеёк. На далёких скалах отражалось солнце. Было утро. Человек пел.

И вдруг показалось Махмуду, что он не *может*, а не *хочет* пройти мимо этой песни. Она была выше, значительнее его дум. Она была причиной его странной внезапной тревоги, и он, отпустив поводья своего коня, наклонился вперёд.

Да, не может человек пройти мимо песни и мимо поэта. Самые горькие, отчаянные, трагические, беспросветные и печальные годы песни людей делают лёгкими и высокими. А горские песни сложены из стихов поэтов гор – поэтому они сами, как горы».

13

А люблю размышления с поэтами. Они дают мне тайную силу, укрепляют поэтическую веру, хранят в чистоте поэтическое и человеческое поведение. Внутренняя беседа с каждым великим поэтом – это незаменимые правила творческой биографии, духовная конституция твоей жизни, и ощущение сладости материнского молока в языке, на котором пишет поэт.

Мамуд из Кахаб-Росо... Его называли и аварским Пушкиным, и Кавказским Блоком, и гениальным лириком. Махмуд из Кахаб-Росо – колыбельная песня аварского народа, безрадостный и пленительный вздох любви, чудное мгновение поэзии, поэт, на чьём пандуре звучат струны любви и плача, море страсти, источник поэтического аварского языка, поэт говорящего сердца, кипящих страстей, горькой судьбы, ставшей повестью и вестью для народа, поэт любви, ставшей мезью и наказанием самому себе. Поэт, находивший счастье в своём несчастье, радость в своей печали, свободу в своём горе и неволе.

В маленьком рассказе Капиева о Махмуде мы видим мятущуюся душу, которая не знает, что делать с этим несправедливым к нему миром, который навалился на него. И здесь существенный выход – не золото, не богатство, а песня. Он был на земле поэтом любви и погиб за эту любовь.

В очаге горцев всегда останется огонь песен Махмуда, которым они согревались и согреваются столетиями. Махмуд – поэт, чья песня о любви отвечает на любой вопрос жизни – а это дано лишь избранным:

*Мой вздох молящийся о тебе,
На небесах не оставил места облакам
Слёзы глаз моих, плачущих о тебе,
Превратились в ручьи и реки, о которых знает народ.*
(подстрочный перевод)

Вряд ли в мире появится переводчик, который смог бы перевести Махмуда с аварского так, как написал Махмуд. Одному Эффенди Капиеву удалось приблизиться к нему, когда переводил «Мариам». Поэтому русский текст Капиева можно спеть под аварскую мелодию на пандуре Махмуда, хотя здесь разные формы стихосложения. Но талант есть талант, и для него закон не писан.

Лирическая поэзия впитывает в себя то, что является главным, основным в жизни. Корневая система лирики уходит в мир многогранных чувств, радужное сияние которого оживляет не только душу самого поэта или лирического героя, но и саму суть языка, на котором написаны стихи. У лирической поэзии один всемирный язык – язык сердца и души человека, понятный всем людям, говорящим на разных языках, может быть, и не нуждающихся в переводчиках.

«Поэт поэта узнает по голосу», – сказал Сулейман Стальский Николаю Тихонову. А если это голос поэта в первоначальном значении этого слова, по этому голосу его узнает и признает каждая любящая и страдающая душа, которая ждёт лекарственного смысла слова, сказанного поэтом, поэтому вылечивающий его боль и прибавляющий радость любви к его одинокой душе, жаждавшей сиюминутного и вечного избавления от одиночества с помощью поэта, его голоса, его слова. Поэтому Александр Блок вывел формулу для самого себя и для всех поэтов:

*Простим угрюмство – разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь – дитя добра и света,
Он весь – свободы торжество*

Лирическая поэзия – не только «дитя добра и света», но и дитя печали и радости, не только «свободы торжество», но иногда и темница, и одиночная камера великих поэтов. По-моему, величие поэта определяют по степени его лиричности, и даже в могучем эпическом даре, как у Гомера, без лиричности не обходится. Лиричность – это поэтичность, когда поэт одевает в слова своё дыхание, вдох и выдох, биение сердца, свет души и глаз. Поэтому мы и благодарим поэзию за соучастие в нашей жизни, за причастность её к судьбе.

Поэтому, для меня поэзия – это Ваше лиричество!

Не успел это написать, как вспомнил рассказ Глеба Горбовского о встрече с Анной Ахматовой. Когда молодой Глеб произнёс монолог о самой Ахматовой, как «о человеке-экспонате из другой эпохи, о классике, завершившей восхождения на Олимп», Ахматова закричала не в ужасе и даже не возмущённо, а вот именно – убеждённо, со знанием дела и одновременно как бы заклиная: «Гомер! Го-мер-р! Бесплотный, легендарный! Вот кто поэт! Го-мер – сделав вздох, продлила строку на выдохе: – Гомер-р... Вот! А мы все люди. Привычные человеки. Живые или проживающие. Поэт – звук, бестелесная музыка, звучащая легенда! Свобода... А мы... – и, подумав: – А мы – это мы».

Замечательный отрывок из воспоминаний Глеба Горбовского. Так что у поэзии есть ещё один высший чин: Её Гомеричество поэзия. Но, Ваше лиричество и Её Гомеричество поэзии спасают нас в равной степени от бездушной, скучной, однообразной, никчёмной и ничтожной жизни. Поэзия – это спасение души!

Страна, где правители боятся поэзии и поэтов, – великая, но несчастная страна. Каким же должен быть для них этот страх, если они убивали поэтов за стихи? Значит, они их понимали, знали, что хотят и для чего пишутся бессмертные стихи. Поэты – послы бессмертия между Родиной и Государством. К Родине у них только одна любовь, может быть, странная, как сказал Лермонтов, но любовь. А Государство – их вечный соперник, где правители воют с поэтами. Если взять даже дагестанских поэтов-классиков, смотрите, какие судьбы.

Батыраю запретили петь, если спел песню, то должен был штрафного быка. Ирчи Казака преследовали, измучили, отправили в Сибирь и убили. До сих пор неизвестно, где его могила.

Саиду Кочхюрскому выкололи глаза, чтобы он не смог смотреть на красоту этого мира. Етим Эмин умер в подвале, измученный болезнью. Анхил Марин зашили губы за дерзость песен. Эльдарилава отравили ядом на свадьбе, а гениального Махмуда убили выстрелом в спину в доме собственного друга. Какие трагические судьбы! Какие великие имена! Это только дагестанцы. А Пушкин! А Лермонтов! И тысячи восточных и западных поэтов-певцов, убитых государством и правителями до сих пор смотрят на нас через века мужественно и величественно, честно, спасая наши души от полного уничтожения всеми правителями.

... Вспомнил один эпизод из жизни. Николай Гумилёв в своё время был под запретом. Мы знали, что он был арестован по подозрению в контрреволюционном заговоре и потом был расстрелян.

Нам нравилась история о том, что когда вели на расстрел, он вёл себя очень мужественно, сказав, что здесь нет поэта Гумилёва, а есть офицер Гумилёв. Офицер Гумилёв погиб, как поэт, Поэт Гумилёв погиб, как офицер.

И вот начали печатать и издавать стихи Гумилёва в годы перестройки. Мы с моим другом, тогда ещё молодым поэтом Магомедом Гамзаевым, ночевали на берегу Каспия, в доме друзей на улице Морская, 2 и пировали. Утром, когда проснулся, невозможно было поднять голову, казалось, если шевельнусь, она рассыплется на части. Казалось, что болит не только голова, но и душа и тело. Я еле-еле встал на ноги и подошёл к окну. За окном шумел Каспий; волны бились о берег, но они не смогли вылечить большую голову. И надо же, на окне лежал номер журнала «Смена» с подборкой стихов Гумилёва. И я начал читать вслух, на весь дом:

*Застонал я от сна дурного
И проснулся тяжко скорбя.
Мне приснилось, что ты любишь другого
И он обидел тебя.*

Это было первое стихотворение, за ним шёл «Заблудившийся трамвай», «Шестое чувство» и другие стихи Гумилёва.

Я читал, а рядом стоял молодой Гамзаев, похожий, как говорил Омар-Гаджи Шахтаманов, на Миху Лермонтова. Из комнат выходили друзья и слушали. Я прочёл всю подборку вслух.

О, Боже! Куда ушло бессилие! Мне показалось, что я стал силачом, богатырём, что я смогу перевернуть этот мир. Сила поэзии заставляет человека стать сильнее, мужественнее, выше. Эти же силы делают его добрее и

человечнее. Спасибо Гумилёву – спасибо поэтам за это чудо исцеления души и тела словом, великим словом поэзии и молитвы.

15

Многие аульские старики похожи на поэтов. Они острословы. Скажут слово и попадают сразу в цель. Недавно в годекане старика спросили: «Как ты смотришь на правителей?» Он ответил: «Закрытыми глазами, чтобы не видеть их». Вот до чего довели народ. Когда государство становится врагом поэтов, то оно будет жить недолго. Сто лет тому назад Игорь Северянин написал стихотворение «Поэза Правительству»:

*Правительство, когда не чтит поэта
Великого, не чтит себя само
И на себя накладывает вето
К признанию, и срамное клеймо.*

*Правительство, зовущее в строй армий
Художника под пушку и ружьё,
Напоминает повесть о жандарме,
Предавшем палачу дитя своё.*

*Правительство, лишившее субсидий
Писателя, вошедшего в нужду,
Себя являет в непристойном виде
И вызывает в нём к себе вражду.*

*Правительство, грозящее цензурой
Мыслителю, должно позорно пасть.
Так, отчеканив яркий ямб цезурой
Я хлёстко отчеканиваю власть.*

*А общество, смотрящее спокойно
На притеснение гениев своих,
Вандального правительства достойно,
И не мечтает ему о днях иных...*

На дворе двадцать первый век. Стихи Северянина звучат, как будто написаны сегодня. Никогда, наверное, не было такой огромной пропасти между поэтом и государством, как в наши дни, и подлее не было времени для поэзии и поэтов. Поэтому и я смотрю на правителей закрытыми глазами, чтобы не видеть их.

16

Внутренняя музыка, её звучание рождает слово поэта. Матерью слова поэтического является душа.

*Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы...*

И порывы, и бури, и шторм, и девятый вал на море души становятся творческим поведением поэта, определяющим его личность, характер и самостояние, как человека, которому дан от Бога талант, чтобы выразить и показать

то, что недоступно многим другим. И этим он отличается от них. «Я слышу печальные звуки, / Которых не слышит никто», – говорил Рубцов.

Созвучие звуков, созвучие слов создают неповторимый ритм, а ритм – это сердце стиха, от которого зависит живая жизнь поэзии и поэта. Внутренняя необходимость высказаться порождает внутреннюю музыку, и она становится поэтическим словом, составляющим молитву, благодарностью Всевышнему за жизнь во всех её проявлениях.

Музыка жизни, звучащая внутри поэта, есть дар Всевышнего, данный ему, чтобы поэт вернул свой долг миру, людям, Родине, матери, любимой, другу и врагу, используя её святое назначение.

Если поэт предал слово и музыку Всевышнего, он уходит из поэзии раз и навсегда. Здесь есть один единственный выбор: ты с Богом или с сатаной. Тот, у кого нет музыки в душе, кого не тронули сладкие созвучья, способен на грабёж, измены, хитрость, – говорил Шекспир. Гумилёв об этом так сказал:

*Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, Всевидящим Богом оставлен,
Он в муке своей возопит.*

Не дай Бог такой участи!

17

Хотя женщины, сами по себе, поэзия, сама поэзия – не женское дело. Об этом говорит и сама история поэзии. Среди огромного количества женщин, считавших себя даже не поэтессами, а поэтами, в мировой литературе для меня лично остались бессмертными американка Эмили Дикинсон, чилийка Габриэла Мистраль, великие русские поэты Ахматова, Цветаева, Ахмадулина. На вершине дагестанской поэзии Анхил Марин, Щаза из Куркли, Фазу Алиева.

Есть, конечно, и другие известные имена, которые звучали и звучат в разные времена, но они то светятся, то гаснут и не излучают тот вечный свет, необходимый для бессмертия.

Но надо быть честным до конца. Иногда поэтессы бывают откровеннее, обнажённее, чем поэты. Они открывают в себе какие-то неведомые тайны, но эти тайны не так глубоки, чтобы всю жизнь восхищаться ими. Для меня Анна Андреевна Ахматова – великий поэт. Она дала ответ на мой вопрос о поэтессах:

*Могла ли Биче, словно Дант, творить,
Или Лаура жар любви восславить
Я научила женщин говорить...
Но, Боже, как их замолчать заставить!*

18

Я всегда любил и люблю вопросительный знак. Он задумчив, глубок и полон новой тайны. А восклицательный знак кричит, орёт и себя показывает. Мой любимый французский писатель Оноре де Бальзак (кстати, меня в Литературном институте называли друзья «де Бальзак» за внешнее сходство, и это обязывало меня хорошо знать творчество Бальзака) сказал: «Ключом ко всякой науке является вопросительный знак».

Мне кажется, что для поэзии тоже вопросительный знак имеет огромное значение, ведь им обозначаются все вопросы, на которые ты ищешь ответы. Неважно, найдёшь ты ответ или нет, но важно задавать миру, себе, своему времени, судьбе и жизни свои вопросы. Если ты не нашёл ответа, то, может, его найдёт идущий за тобою вослед. И самым главным до сих пор остаётся Гамлетовский вопрос: «Быть или не быть?».

19

Насими писал: «Во рту поэта спрятан ключ от сокровищницы». Этот ключ открывает тайны языка поэта, этот тайный язык служит Божьему дару поэта и доступен тем, кто способен понимать его, как азбуку таланта, как ноты музыки великой. Надо знать, что поэзия познаётся только поэтическими открытиями её тайн, то есть знанием тайнописи слова и его музыкального звучания.

Великий Руми так говорил о суфиях, а суфии – это поэты и влюблённые: «Без вина пьян, без еды сыт, обезумевший, забывший о еде и сне; король, одевший простую одежду; клад в развалинах; не из воздуха и не из земли, не из огня и не из воды; безбрежное море. Он обладает сотней лун и солнц. Мудрость его взята не из книг, истина сделала его мудрым». Это определение суфия выражает путь и суть истинного поэта. Понимание поэта зависит от опыта и озарения времени и читателя в нём.

20

Народный поэт Дагестана, мудрец и чеканщик лакского поэтического слова Юсуп Хаппалаев рассказывал: «Однажды я прочитал Эффенди Капиеву своё лирическое стихотворение (будучи ещё молодым начинающим поэтом). Внимательно послушав, Эффенди заметил, что оно отличается многословием, вычурностью выражений. А будь я влюблённым или ювелиром, я не был бы так щедр на слова, ибо любовь и без слов прекрасна, а ювелир дорожил каждой крупинкой золота. Поэт должен совместить в себе качества обоих – он должен, как влюблённый, бережно обращаться с сердцем и, как ювелир, дорожить золотом поэтического слова. Самое ценное в жизни – краткость. Чем точнее выражается чувство, мысль поэта, тем короче, ярче его стих. Это давно известная истина, сказал Эффенди.

Подумай сам, говорил Эффенди, разве настоящий крестьянин оставит хоть клочок земли невспаханым в поле? Разве он, увидев хоть одно зерно на поверхности, пройдёт мимо него, не опустив его в землю? Мы тоже своего рода крестьяне-труженики, в душе читателей из наших слов должен взрасти урожай доброты, отваги, любви или ненависти. А чтобы растить такие урожаи, каким честным и отважным должен быть землепашец! Какими добрыми должны быть его семена! И как он должен уметь выращивать слово».

Капиев есть Капиев. Очень важные для меня, да и для всей дагестанской поэзии слова. В них суть всей дагестанской поэзии.

21

Часто, шагая по вечерней Махачкале, я повторяю про себя стихи незабвенного Расула Гамзатова, великого поэта Дагестана, певца горной столицы у моря:

*В домах горожане уснули,
Погасли огни в горсаду.
Читая названия улиц,
Я городом сонным иду.
Я имя «Махач Дахадаев»
Прочёл на углу за стеной,
И вздыбилась лошадь гнедая –
Стальной военком предо мной.
В атаку за город он скачет,
И город, который не сдал,
Овеянный славой Махача,
Не городом – крепостью стал.*

Махачкала – крепость нашей души, песня дагестанских поэтов! Махачкала – столица нашей юности, молодости, зрелости... Махачкала – столица нашего родного Дагестана!

У неё так много разных достоинств. Но для меня бесценно то, что наша Махачкала – город поэзии и поэтов. Таким он был всегда, таким он и останется. Перефразируя французов, можно сказать: «Поэты Дагестана рождаются в горах, а умирают в Махачкале». Они уходят из жизни, чтобы превратиться в названия улиц родного города и зажечь новой бессмертной жизнью.

Я иду по проспекту Расула Гамзатова, сворачиваю на улицу Сулеймана Стальского, затем по улице Гамзата Цадасы поднимаюсь на улицу Батырая и дальше – на улицу Ирчи Казака... Я брожу по улицам Махмуда, Етим Эмина, Эффенди Капиева и других поэтов.

Махачкалинские улицы... В их названиях – история дагестанской литературы. Великие и бессмертные имена!

Приехавший к нам в гости на Дни Белых журавлей народный поэт Чуваши Валерий Тургай воскликнул: «Был в Париже, видел Лондон, но туда больше не хочу... Хочу в Махачкалу!». И это чувство было созвучно чувствам многих гостей литературного праздника.

Вслед за классиком хочется воскликнуть: «Махачкала!.. Как много в этом звуке...».

Для каждого дагестанца, какой бы ни был он национальности, для каждого гостя, хоть единожды побывавшего в нашем приморском городе, Махачкала – поэтический город, который пишет свою романтическую поэму, который всё прекраснее с каждым днём. Новые проспекты, скверы, площади, как новые главы этой замечательной книги, которую мы бережно прочтём сами и передадим будущим поколениям.

Когда я шагаю по Махачкале, в душе моей невольно рождаются строки, посвящённые любимому городу:

*Махачкала, – мне тихо шепчет море,
Махачкала, – поют вершины мне.
Здесь, будто воплощённая история,
Застыл Махач на боевом коне.*

*Сверкает здесь народов разных радуга,
И после бури даль опять светла.
Притягивает взор и сердце радует –
Гостеприимная Махачкала!*

*Симфония моя многоязычная,
Ты – горной моей родины душа:
Храня её адаты и обычаи,
Ты устремляешь в будущее шаг.*

*Столица дорогая и любимая,
Под сенью дагестанского орла
Паришь ты, нашей верою хранимая,
Над Каспием раскинув два крыла.*

22

Историческая память живёт там, где есть исторические места.

Гуниб... Краса и гордость Дагестана. Я в стихах его назвал столицей красоты Дагестана. Еще в начале XX века Велимир Хлебников – легендарный поэт, который называл себя председателем земного шара, ясновидец, чудотворец русского слова, назвавший Русь поцелуем на морозе, – написал: «Могилы вольности Гергебиль и Гуниб».

Гуниб... С колыбели помню великие строчки из народных песен: «И небо упало на скалы Гуниба», «Гуниб – гранитная твердыня, и защищал его Шамиль».

Я с детства люблю Гуниб, как и свой аул Гонода. «Я из Гунибского района», – говорю я с гордостью.

В Гунибе находятся «Ворота имени имама Шамиля». Здесь был последний бой и перемирие Кавказской войны. Здесь перед последним боем молился Шамиль. Здесь он сложил оружие, был увезён из Дагестана, чтобы навечно остаться в Дагестане. Не дай Аллах, чтобы перед нами закрылись ворота Шамиля.

Люблю Гуниб... Люблю его берёзы, водопады, скалы, небо. «Где бы гром ни гремел, дождь падает на Гуниб», – это тоже народное выражение.

Гуниб – родина героев. Их знает весь Дагестан. А именем Героя Советского Союза, подводника Магомеда Гаджиева на Севере назван город Гаджиево.

Гуниб – родина тружеников, землепашцев, каменщиков, певцов и поэтов.

Гуниб, сам по себе, как поэт, и каждый поэт посвящает ему свои стихи. Особенно много их у Расула Гамзатова. Ещё в тридцатые годы прошлого века Николай Тихонов писал:

*Здесь ночи зыбкие печальны.
Совсем другой луны овал,
Орлы, как пьяницы, кричали,
Под нами падая в провал.*

*И взмах времён глухих и дерзких
Был к нашим окнам донесён,
Перед лицом высот Кегерских
Гулял аварский патефон,*

*Тревогу смутную глушили
И дружбой клялись мы навек,
Как будто все мы в путь спешили,
Как будто ехали в набег.*

*Из пропасти, как из колодца,
Реки холодной голос шёл:
«Не всем вернуться вам придётся,
Не всем вам будет хорошо»*

*А мы смеялись, и болтали
И женщинам передавали
Через окно в кремнистый сад,
Огромной ночью окружённый,
Стаканы с тьмой замороженной,
Где искры хитрые кипят.*

Потрясающие стихи... «Стаканы с тьмой замороженной» пришлось пить, через несколько лет после их написания, каждому. Наступил тридцать седьмой год.

Тихонов любил Дагестан. Это он сказал о женщинах Куруша:

*Тараторят понемножку,
Носят воду над скалой,
Из кунацкой за окошко
Облака метут метлой.*

Вот так! Это надо видеть сердцем и душой: «Облака метут метлой» там, где горы и горцы.

23

Когда о многом хочется говорить, лучше молчать. В молчании иногда – высокая мудрость и великая поэзия. В это время ведёшь разговор с самим собой. И получаются размышления самые искренние, исповедальные, молитвенные. Разорвать цель внутреннего молчания могут лишь стихи, которые заставляют тебя смеяться от радости и стонать от боли. Время всегда соавтор поэта в его творчестве, но, какие мы, такое и время. Не время делает поэтов, а поэты делают время.

Хочется пока закончить сегодняшними размышлениями с самим собой.

24

Жизнь поэта – предисловие и послесловие к его времени и книгам.

Книга поэта – продолжение жизни и вечное послесловие к его бессмертию.

Поэт пишет всю жизнь одну-единственную книгу – книгу его жизни, Судьбы и Пути.

Поэты приходят и уходят, а поэзия остаётся, если поэты настоящие, то и поэзия настоящая, вечная, бессмертная.

Бывает и так, что книга умирает, как только её поэт написал или издал. Но это ещё не поэт. И таких много. Однодневки, далёкие от жизни, Судьбы и Пути, называющие себя поэтами, а стихи их – безделушки и пустышки.

Они не чувствуют ответственности ни перед словом, ни перед поэтической совестью.

«Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу», – выдохнул великий Данте. Обратите внимание – «Земную жизнь пройдя». Но есть и другая жизнь. Там ждёт Высший суд Всевышнего.

Каждый человек на земле должен знать, что после нас придёт другой, и он не будет похож на нас, придёт другой поэт, и у него не будет того времени, тех рассветов и закатов, того неба, той земли, той родни и той любимой, которые были у нас.

Не знаю, это его счастье или горе. Но я всегда был счастлив, что я любил, творил, мучился, радовался и страдал, плакал и смеялся, как мои современники. Их боль была моей болью, их радость была моей радостью. Моя жизнь растворилась в судьбе моих современников.

Хорошо сказал Борис Леонидович Пастернак:

*Жизнь ведь тоже только миг,
Только растворенье
Нас самих во всех других,
Как бы им в даренье.*

У поэта нет возраста. У поэта есть время. У времени есть поэты.

Поэты – понятие не только стихотворное. Каждый поэт – сеятель.

«Сейте разумное, доброе, вечное...». Слишком наши глаза и души привыкают к родному, своему. Иногда не замечаем прелесть и красоту камня, горы, родника, отцовского дома, аула, города, в котором живём.

Не замечаем мудрости соседа и соседки, аульского старика и старухи, не замечаем маленькую вселенную годекана, где сходятся горе и беда, радость и печаль людей. Во всём этом есть высшая поэзия или поэзия высшей пробы.

Дедушка говорил: «Все беды, сынок, от бедности». Я добавил потом: «Все беды от бедности духа».

И как сказал Лермонтов:

*В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я – или Бог – или никто!*

Слово в поэтическом языке имеет значение, смысл которого понимается как молитва.

Значения слова – это мысль. Как говорит философ, «нет мертворожденных мыслей, а только мёртвые слова; нет пустых мыслей, а только – пустые слова; нет позорных мыслей, а только позорные слова; нет потрясающих мир мыслей, а только – слова».

Терпеть можно только одну диктатуру – диктатуру истинного слова, диктатуру поэзии.

Если у нас раньше была диктатура пролетариата, то ныне диктатура лжи.

Всё стало с приставкой лже-: лжепатриоты, лжегосударственники, лжепоэты, лжесудьи, лжепрокуроры, лжехудожники. В общем, лжестрана.

В последние годы настоящие поэты и писатели практически исчезли с экранов центрального телевидения, практически перестали проводиться вечера таких замечательных писателей, как Расул Гамзатов, Чингиз Айтматов, Василий Белов, Валентин Распутин, Юрий Бондарев, Василь Быков, Отар Чиладзе, Грант Матевосян.

Можно этот список продолжать ещё и ещё. Ведь эти писатели оставили в двадцатом веке свои «высокие звёзды».

Сегодня стыдно смотреть на эстрадный вой эпохальных шутов. На эти «ничтожества в роскошном одеянии» и вместе с ними на клоунов от литературы.

В нормальной стране подобных олухов не печатали бы даже в бульварных газетах. А у нас сейчас всё можно, кроме одного – любить и честно служить своему отечеству, своему народу.

Литературные, правительственные, государственные, судебно-прокурорские, народно-депутатские иуды давно получили свои тридцать серебряников в виде больших залежей зелёных, за ложь и обман собственных народов, за предательство интересов собственной родины. Но всё равно их когда-нибудь найдёт осина, на которой повесился Иуда. Продавцы слёз народа станут плакальщиками на собственных могилах.

Потеря настоящих писателей обернётся потерей настоящих читателей.

Литературный процесс постепенно становится стенгазетой: большие таланты не могут издавать книги, а мизерные издают свою халтуру за деньги огромными тиражами. Если это безобразие будет продолжаться, скоро мы вообще потеряем настоящих читателей навсегда.

Тогда у нас останутся только серые мыши, прыгающие везде и всюду. Останется лишь один телевизор, который давно продал душу дьяволу.

Приятно вспомнить и повторить знакомые ещё с детства, вечные строчки Пушкина:

*Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдёт она,
Звезда пленительного счастья.
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.*

И напишут! Никуда не денутся!

И тут нам не обойтись без вечной темы: «Поэт и власть».

Когда исчезает справедливость, остаётся её видимость. Мы сегодня живём с иллюзией справедливости. Жизнь и смерть во имя людей остались в прошлом, как и великая литература – в книгах классиков. Проблема греха и насилия, страдания и веры, истины и лжи в абсолюте духовного поиска.

Дух человека, особенно поэта, никогда не превращается в пыль. В пыль превращается только тело. Мы сегодня – телесное общество, бездуховное и безнравственное. Безнравственность рождает безответственность. Духовная эволюция у нас равна нулю, как и цена человеческой жизни.

Наш дух нам надо спасти от нас самих. Обесценена жалость и милость, гуманность стала посмешищем, главным героями нашего времени стали люди, проповедующие насилие, да ещё и олигархи.

А где же власть? И что делают поэты?

Иная власть порой отвратительна, как и поэты, воспевающие её. Художнику не нужна свобода, данная по указке сверху властью. Настоящий поэт может жить и оставаться честным при любом режиме. Искусству никто и ничто мешать не может. Поэзии особенно. Примеров достаточно – Пушкин

и Лермонтов, Махмуд и Батырай, Ирчи Казак и Етим Эмин. И много других великих людей всех времён и народов.

Настоящий поэт, писатель должны писать и тогда, когда потеряна вера в литературу, когда звон золотых монет заглушает золотые струны поэтической лиры.

Сегодня жизнь поэта разошлась с его судьбой. Поэтому возведены на пьедестал совершенные ничтожества. Это происходит не только в литературе, но и во всей нашей жизни.

Литература, в этом я убеждён, никому ничего не должна.

Поэтическая речь – высшее, небесное достижение языка. Поэзия, литература, искусство и культура делают народ народом из населения, из толпы.

Язык поэта отличается от языка власти своей истинной чистотой. Поэту легче пережить тревогу, чем потерять духовный и нравственный ориентир.

История знает, что власть часто идёт по бездорожью. Хуже всего, когда иным безответственным властелинам наплевать на народ, на поэтов, на искусство, на бедность, нищету, на страну, на жизнь простого человека.

Власть лжи всегда очень себя любила. А себялюбивый властелин всегда думает, что он на земле Бог и поэтому имеет право поступать со своими подданными так, как ему заблагорассудится: уничтожать, оскорблять, казнить, миловать, покупать и продавать их. Тираны и диктаторы всех времён и народов тому подтверждение.

А поэту это никогда не нравилось и не могло нравиться. Настоящие поэты во все времена были в оппозиции к несправедливой власти. Придворных поэтов власть одаривала, приближала, прощала им мелкие шалости, а настоящие поэты шли в ссылки, тюрьмы, лагеря. В лучшем случае поэтов не убивали.

Поэт и сегодня, даже помимо своей воли, должен стать героем, который должен сшить разорванные в клочья совесть, честь, достоинство, силой своего мощного и великого слова свести людей, народ, культуру со своей историей и исторической совестью.

ПОЭЗИЯ

Валентин СУХОВСКИЙ

**Редакция журнала «Великороссь»
поздравляет Валентина Суховского
с юбилеем!**

Валентин Николаевич Суховский – родился 27 августа 1949 г. в Архангельской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького, работал в журналах «Наши современники», «Встреча», газете «Гудок», издательстве «Советский писатель». Член Союза писателей России. Член-корреспондент Академии Российской словесности и Академии поэзии. Автор пятнадцати книг. Лауреат нескольких литературных премий. Награждён Грамотами Министерства культуры РФ и Правительства Москвы. Руководит литературной студией «Муза и лира» и литературно-музыкальной гостиной «Златоуст».

Живёт в Москве.

«Край мой отчий...»

Я мог бы взять эпиграфом к лучшим своим стихам слова Пушкина:
«И неподкупный голос мой был эхо русского народа».

Следую классике и фольклору. Стараюсь отразить душу народа, красу природы и русских просторов.

Странник

Странник ходит по лаврам и весям,
Где заброшены храмы стоят.
И, поклоны святыням отвесив,
Он поёт песнопенья подряд.

И не ест он ни яйца, ни мясо,
Только рыбу да хлеб, горький лук.
Сам стирает себе свою рясу,
Где на время находит приют.

Кто видал его в бане, тот скажет,
Что не хилый и крепок на вид.
И слышали священники даже,
Что он в Сербии был знаменит.

Что сражался за православных
И за древние монастыри.
Может, это не самое главное,
Отчего пламя в сердце горит.

Были случаи, он бесноватых
От постыдной болезни лечил.
«Духом крепок однако порато,
Да и Богу он верую мил», –

Говорит о нём люд и приютом
Норовит он монаха согреть.
С ним икона дедов почему-то
Покидает убогую клеть.

Её ставит монах в красный угол,
Обновлённо сияет она.
Будто внёс кто святые хоругви
И народ пробудил ото сна.

Русским в рассеянии

Взывая к русским, к их сердцам,
Шумят в окраинах стихии
И возвращают вспять к России,
К бездумно брошенным полям.

А сотни тысяч деревень
Они оставили в России,
Могилы бросив дорогие.
И вот настал их судный день.

Не понимая свой народ,
Они другой народ не знают.
Родные песни умирают,
Страшён беспамятством исход.

Лесною стали целиной
Поля у сёл тысячелетних.
Мать трудится из сил последних;
Им хлеб чужой милей, чем свой.

И Родины надрывный стон
Коснётся ли глухого уха,
Когда родная мать-старуха
Их вспоминает у икон?

Годами не дойти вестям
В края Руси по бездорожью.
А мать творит с душевной дрожью
Помин окрестным деревням.

О, Русь ты моя...

В старинной усадьбе дворянской
На время забыт преферанс.
Звучит искромётный цыганский,
Задумчивый русский романс.

А взоры то нежны и томны,
То чувственной влагой блестят.
Божественны очи, огромны,
И ангельской прелести взгляд.

Мелькнёт, в зеркалах отражаясь,
С икон византийский овал.
И голос, в садах откликаясь,
Напомнит вдруг сказочный бал.

Призывны волнующе тени;
И вкус поцелуя медвян:
В нём сладость дыханья сирени,
Лесных земляничных полян.

Как будто родник из-под спуда
В уездной пробился тиши, –
Гусарская чудится удаль
И кротость девичьей души.

О, Русь ты моя теремная!
Века в русских жилах стучат.
По вольным дорогам без края
Мои птицы-тройки летят.

Дума о земле

Опять – среди блеска талых вод, –
Как чёрный бархат, пласт за плугом
Ложится нежно и упруго...
Всё в мире – от земных щедрот!
Крестьянский зов в моей груди –
Наследство многих поколений.
Я брежу пашней в день весенний
И щедрой нивой – впереди.
Я жал серпом с шести годков
И ставил сноп к снопу в суслоны,
И зяби длинные загоны
Я боронил до сладких снов.
Я знал, как жить большой семьёю,
Откуда хрусткий хлеб в печи.

Мне снится белый конь в ночи
И песни мамы над межою.
Я помню всё. И больно мне,
Что подступает лес к деревне,
К родной избе, как волок, древней.
Земля моя. Что будет с ней?!
Пусть говорят мне: «Это пядь...».
Но мне и пяди жаль родимой
Земли, из рода в род хранимой,
И страшно, совестно терять!

Русская дума

Валентину Сорокину

Вкусно как на Руси снег хрустит на Крещенье!
Знобкий шелест позёмки... Блеск холодной зари.
Красногрудые жаром горят снегири,
И мерцает латунь на сбруе в воскресенье.
Как начищенной медью горит самовар!
Блёстки жира по сёмге в застолье у тётчи...
Бабы в огненной пляске подола полощут,
И пылает на лицах малиновый жар.
Потекут голоса и прихлынут волнами,
И на игрище-гульбище пляшет душа...
Русский дух заповеданный, воля свежа!
И живёт в нас восторг, не растроченный нами.
Как за красным застольем густа у нас речь!
Знатна ярость в работе и в дружбе отвага.
За три века мы трижды дошли до рейхстага.
К чужеземцам неласкова русская печь...
Кто же нас баламутил все грани стереть,
Рушить сказку церковей, бросить землю, деревни?!
Возродим всё святое! Взорлим духом древним!
От стыда поруганья нам горько гореть...

Третий Рим

Часовыми их ставила память,
Сила духа в соборы вжилась.
И когда – «Не Москва ли за нами!» –
Велика их твердыня и власть.

Укротим ли стихию разора?
Отстоим ли красу на века?
Без неё и Москва – древний город –
Словно колокол без языка...

Перед грозой

Поднялся ветер. Вздогнул сад от гула.
У тополей рассеян вязкий зной,
И вся листва по ветру обернулась
Серебряной, исподней стороной.

Вдруг боталом забряцал конь пугливый,
Тревожным ржаньем заглушая гром.
А ветер гонит вал по сизым нивам,
В угору ткнулась молния багром.

Быстрее мелькают ласточки под кручей.
В овраге тени туч стригут стрижи.
И сноп косых лучей в разрывах тучи
Детей бегущих высветил во ржи.

Что по деревне визга и потехи!
Стекло звенит тревожное своё.
Поставленное матерью под стрехой
Ведро жестяной музыкой поёт.

Метнулась к пожне мать за ношей сена,
Едва взбежав пред ливнем на крыльцо...
И на руках синее стали вены,
Преобразилось, ожило лицо.

Года ли опрокинулись вдруг в юность –
Военных гроз и ясных грёз житьё...
На что-то обернулась, улыбнулась,
И в дом пошла: ведь сколько дел ещё!

Край мой отчий...

Родниковая свежесть ручья
И червонное золото нивы,
Да широкая песня твоя,
Мать-Россия, вольны да красивы.

В свете дня, волшебстве вечеров
Грусть светла в песне, сердцем пропетой.
И хранит она память веков –
Светлой верой Россия согрета.

Лебединую высь облаков
И озёрную глубь не измерить.
Твой характер с врагами суров,
А друзьям открываешь ты двери.

Где резные узоры избы
 Да былинная роспись соборов –
 Ты как оберег русской судьбы
 И бескрайних российских просторов.

Светел ты вековой красотой
 Соловиною белою ночью,
 Храмом в белом цветенье весной
 И великой душой, край мой отчий!

В народе жив завет традиций...

Что светит сердцу? Русь Святая!
 Её устоев крепь тверда,
 Земля от края и до края,
 И пахнет пашней борозда.

Прекрасны степи, рек долины,
 Открылись далями леса.
 Клин над холмами журавлиный
 Связал с землёю небеса.

В народе жив завет традиций
 И песни русской красота.
 Улыбка красит светом лица,
 Как наши души доброта.

Отринем навсегда чужое,
 Врага не пустим в отчий дом!
 А наше русское, родное
 В своей душе побережём!

Дремлет древняя Россия

После ночи зимней долгой
 Бледно небо, ясен день.
 Разлилась заря над долом,
 Брызнув в окна деревень.

И полозья провизжали
 Мимо нашего крыльца.
 Встрепенётся в снежной дали
 Звон хрустальный бубенца,

Да о сруб обледенелый
 Гулко стукнется бадья,
 И опять в безмолвье белом
 Тонут сельские края.

Как столбы, дымы седые
 Над деревнею стоят.
 Дремлет древняя Россия,
 Силы дивные тая.

Только кто её разбудит
 И кому дано понять:
 Только верой, словно чудом,
 Можно родину поднять.

Только праведным и чистым
 Русь пронзительно так жаль.
 От полозьев след искристый
 В Русь Святую или вдаль?!

Весна на Родине

Обожгла меня лаской, как чудом,
 Ну, а я не ответил сполна.
 С вольным вешним раскованным гудом
 Не проснулась душа ото сна.

Не творю я молитвы ответной,
 Но я тронут молитвой твоей –
 Чем-то благодным, древним, заветным,
 Колокольной отрадой церковей.

Свежесть запаха, цвета и звука,
 Возродись, как была испокон!
 Будет верному сердцу наука
 От наитья рублёвских икон.

Не слепой я, и вижу, как пресна
 Стала жизнь, удивления нет.
 Яд ехидства извёл, но воскреснет,
 Возродится над родиной свет –

Чем-то благодным, древним, заветным,
 Колокольной отрадой церковей!
 Не творю я молитвы ответной,
 Но я тронут молитвой твоей.

Душа нащупала устои

Душа нащупала устои,
 Припала, вечностью дыша,
 К руке царя, к плечу героя,
 В Господний храм вошла душа.

Любуясь Царскими Вратами,
От песнопений окрылясь,
Душа, как речка с родниками,
Припоминает с родом связь.

И ей столетьями знакомы
Подходы памяти людской
К иконе в красный угол дома,
На взгорке –
к церкви приходской.

И в этом – тайна, в этом – чудо.
И в глубях памяти свежи
Все песни северного люда –
В них колыбельная души.

Запущено отчье поле...
Зачем я в чаду городском,
Где крик человеческой боли
Не слышен в потоке людском?

– Постой, погоди-ка немного... –
Дрожит человеческий крик.
Меня захватила дорога,
Мне некогда глянуть на лик.

Душа – милосердье державы,
И совесть – основа во всём.
Угодники призрачной славы,
Во имя чего мы живём?

Как часто витийствуют хамы,
Калеча младенческий слух.
Ещё реставрируем храмы,
Пора реставрировать дух!

Тогда с очистительной силой
Своё возрожденье начнём,
Когда мы на родине милой
До каждого сердца дойдём.

Грешно жить по чьей-нибудь моде,
Тяжёл подражания гнёт.
Все черпают силы в народе,
А кто их народу вернёт?

Есенин и Фатьянов

По дороге из Мурома ехал по Вязникам
Златокудрый Есенин в сапожках сафьяновых.
Европейская Русь и сибирская Азия
Помнят дивные песни Фатьянова.

Они слушали оба гармошку под Вологдой,
Русский дух окрылял их с неведомой силою.
Васильковая свежесть ручьёв на всех волоках
Им звенела про Русь, и святую, и милую.

Они славили душу народа певучую,
Срединной Руси соловьи несравненные,
Представляя державу духовно могучую,
Русь великую, Русь заповедную.

Подвиг их продолжать нам сегодня завещано,
Хоть в эфире глушат всё исконно народное,
Но мы грянем с фатьяновской силою вешнею,
Как Есенин, мы русичи с вами природные.

Разве нас остановит та шваль бесталанная,
Что по-русски ни молвить, ни жить не приучена?
Жаль, эфир полонила дребедень иностранная.
Не пора ли вернуть наши песни могучие?!

Старый детдомовец

По безлюдной и пустынной деревенской улице медленно двигалась чёрная, сияющая новизной иномарка, «Ауди», словно осторожную разведку вела на чужой территории. В центре деревни, возле приземистого кирпичного строения с вывеской «Магазин», машина замерла на обочине.

Из неё долго никто не выходил. Наконец правая передняя дверца неспешно распахнулась, и на землю сошёл седой старик. Он был среднего роста, плотного телосложения, слегка согбённый. Круглая седая голова была покрыта ещё довольно густой короткой шевелюрой, кустистые брови нависали над светлыми выгоревшими от возраста глазами, загорелое лицо обрамляла окладистая, короткая, как и шевелюра, белая борода. Лет ему можно было дать, пожалуй, под восемьдесят. Но одет он был как-то не по возрасту, ладно джинсы, так на нём была серая из толстой ткани молодёжная куртка с бахромой вдоль швов, со множеством карманов, которая не очень шла к его годам. Похоже, с чужого плеча, детей или внуков... В руке он держал бейсболку с длинным гнутым козырьком, которая была почти такого же цвета, как и куртка.

Медленным взглядом, с таким же медленным поворотом туловища, он задумчиво обвёл безмолвное пространство вокруг и замер, уперев теперь взгляд в останки деревянной церкви, что стояла на взгорке метрах в пятидесяти-шестидесяти от дороги. Могучие кроны тополей, окружавших разрушенный храм, создавали впечатление заботливости, с которой они осеняли его проржавевшую дырявую крышу.

Небо в этот час было голубое-голубое, божественно чистое, и в нём почти недвижно висели редкие белые облака, ну точь-в-точь клочья ваты, насквозь просвеченные солнцем. Видя это, старик улыбнулся, возле глаз веером выделились мелкие морщинки. Видимо, что-то вспоминая, он склонил ненадолго задумчиво голову. Солнышко припекало, и старик небрежно нахлобучил бейсболку на свою думалку.

Виталий Анатольевич Богомолов – родился в 1948 г. в г. Тавде Свердловской обл. Прозаик, публицист. В 1978 г. окончил дневное отделение филологического факультета Пермского государственного университета. Работал в университете, затем в книжном издательстве, позже во вневедомственной охране и грузчиком, корреспондентом газеты «Сельское Прикамье». Член Союза писателей России с 1990 г. Лауреат Всероссийского литературного конкурса им. В. Шукшина (третья премия; 1998), областной премии в сфере культуры и искусства (1999). Живёт в Перми.

В эту минуту из машины с водительского места лениво вылез плотный, как молодой белый гриб, мужчина лет под тридцать, потянулся, зевнул и, обращаясь к старику, вяло спросил:

– Ну что, деда? Узнаёшь свою... родину?

Слово «родину» он произнёс с явным оттенком то ли иронии, то ли даже сарказма. Старик неохотно повернул к нему голову и с минуту смотрел на него с печалью. Мужчина смутился.

– Нет, внук, – вздохнул старик горестно. – Только вот церковь осталась, а всё остальное неузнаваемо. Примерно в этом месте, – указал он влево, – стоял магазин, стены из толсте-е-енных брёвен. Рядом, правее магазина, был двухэтажный дом, внизу жила какая-то старуха с кем-то (тогда, по крайней мере, она казалась нам старухой), а на втором этаже размещалось колхозное правление. Колхоз назывался «Хлебороб». Слева от магазина стояла пожарка, ещё левее – пекарня. Обычная изба, только с большой русской печью. Теперь вот всё это пустырь. А там вон, выше, левее церкви, склады были колхозные – дли-и-и-инный такой сарай под соломенной крышей... Д-да-а, – протянул он тоном безысходности и направился к памятнику, возведённому предположительно на месте бывшего магазина.

Водитель двинулся за ним. На груди его висел дорогой фотоаппарат, и он принялся фотографировать, стараясь в каждом ракурсе захватить в кадр и старика. Это был действительно его внук. И в фотосъёмке он, видимо, разбирался, порой уверенным тоном знатока просил:

– Деда, повернись вот туда; деда, встань вот так...

На пяти серых бетонных плитах простенького и дешёвого мемориала было высечено 54 фамилии не вернувшихся с войны, подновлённых к 70-летию Победы ярко светящейся золотистой краской. Старик прошёлся взглядом по списку, печально произнёс:

– Никого из них я не знал. В сорок первом году (нас привезли сюда поздней осенью) мне было всего девять лет. Вот в этой церкви нас тогда и разместили. Радио нет, телефона нет, освещение – керосиновые лампы... Пойдёмка, посмотрим на заброшенное моё жилище, сегодня дорогое сердцу.

И старик двинулся в сторону церкви по тропинке, слабо натоптанной в высоченной дикой растительности. Тропинка проходила мимо церковного строения и вела неведомо куда.

– Эта дорожка, наверное, на кладбище, – догадался и вслух произнёс старик, дойдя до алтаря и останавливаясь, – в той стороне, помню, кладбище было. Тогда здесь дорога проходила наезженная, в поля, в другие деревни, и никакого дурмана не росло.

Они обогнули алтарь, завернули к южной стене, часть её (простенки окон) выпала, образовав широкий проём, и внутрь можно было зайти беспрепятственно. Пола в бывшем храме давно не было, потолка тоже, в проржавевшей жестяной крыше светились дыры. Земля внутри храма была усыпана обломками кирпича, спотыкаясь и оступаясь на них, старик и внук вошли.

– Какая она, оказывается, просторная! – изумился старик, очертив стены и пространство беглым взглядом и задрал голову кверху. – А когда нас привезли сюда, церковь была внутри переделана под два этажа и вся перегородена на небольшие палаты. А сейчас, смотри, внутри ничего нет, всё разломано, и она кажется большой.

– Вот здесь, – он повернулся к алтарю, – у нас была библиотека. Я очень любил тогда читать книжки... Хотя числился хулиганом ещё тем, когда

подрос... В то время всем нам было по восемь-десять-двенадцать лет... Только мальчики. Банда человек семьдесят. Для такой деревни это немало. Откуда книжки сюда завезли, я не знаю. Но библиотека была неплохая. А вот школа дрянная: учителей с хорошей подготовкой не было, как я оценил уже после. Но чему-то нас маломалишко учили.

Деревенские ребята сразу невзлюбили нас, да и не за что было, как я понимаю. А взрослые поначалу нас жалели: мы ведь были сироты, собранные из разных мест западной России... Родители наши у кого-то на фронте были, у кого-то погибли: кто при бомбёжках, кто при артобстрелах, кто на поле боя... Первое время нас кормили неплохо; видимо, персонал ещё не умел воровать. А потом – скоро научился. Пайка нам стало не хватать. – Старик усмехнулся: – По толщине хлебных ломтиков мы определяли безошибочно, кто дежурит на кухне: если куски потолще – дежурит тётя Люба, если совсем тонкие – Грушка. А число кусков всегда одинаковое. Не зря сказано – голод не тётка. Мы тоже научились воровать. С весны до поздней осени деревенские в поле. Старшие ребята стали шастать по дворам, таскать яйца с куриных гнёзд, шупать погреба... Что найдут, то возьмут: сметана там или огурцы солёные... Молоко выпьют. И любовь населения к нам прошла, как почтальонка мимо дома...

С местными ребятами начались драки. Детдомовца поймают где – отлупят. Ну и мы, если подстережём кого – тоже дубасили... Вредили мы деревенским, как могли. Бедокуры ещё те были. Однажды, помню, парнишку местного лет пяти посадили на телегу, «покатать»... Под огородами речка небольшая протекала... В том месте, где через неё был переезд, она была широко разъезжена, но мелкая, – старик наклонился и ладонью отмерил от земли высоту с полметра, но потом снизил ладонь сантиметров до тридцати. – Вот мы телегу закатали в этот брод и на середине оставили. Ругали нас потом за эту проделку, парнишка долго сидел в телеге, пока его обнаружили. А в воду слезть боялся. А воды-то по колено ему. Тем более, там галечник. Слез бы да убежал проулком домой. Всего-то метров двести. Жизнь деревенская скучная, однообразная... Вот мы и искали приключений... А дела до нас тогда никому не было.

Директором поначалу была у нас женщина из местных. Слабохарактерная, глупая, требовать не умела. И ничего сделать с нами не могла. Мы под её руководством распустились, вольными росли. Такая своеобразная «запорожская сеча» в миниатюре. А в сорок третьем году назначили нам нового директора, мужчину, фронтовика, инвалида, после ранения – у него не было правой ноги. Николай Иванович Киряков. Ходил он на костылях. Приехал откуда-то с семьёй, с тремя пацанами, с женой. Оба – учителя, нас учили. И дети их с нами вместе учились. У деревенских была своя школа, их всех учила одна Лидия Васильевна, рассказывают – строгая была, и очень требовательная, её боялись, как огня. Авторитет у неё в деревне был непререкаемый.

Николай Иванович за нас взялся – тоже будь здоров. Его боялись. И его зауважали. Всё-таки фронтовик. У него был орден, медали. Но главное – справедлив был. Не сразу, но страху он на нас нагнал.

По сравнению с деревенскими, мы, конечно, находились в привилегированном положении. Николай Иванович сказал, что мы даром свой хлеб есть не должны, а по мере своих сил и возможностей будем его отрабатывать. Как? Помогать колхозу в сенокос, на уборке урожая. За два года здесь мы заметно подросли.

Поначалу мы этому обрадовались: всё-таки какое-то разнообразие в нашей унылой жизни. Но через три дня работы с граблями и с вилами налёт

нашей романтики сдуло, как ветром пух с одуванчика. На четвёртый день мы сговорились и решили на работу не ходить. У нас были свои вожаки, как Юрка Дрын, к примеру, которого мы до жути боялись. Жесток был до ужаса. Если он сказал, не пойдём, значит – не пойдём... Думаю, что дни свои он давным-давно закончил где-нибудь на зоне...

А стояла самая горячая сенокосная пора, у колхоза были накошены травы, надо было срочно убирать сено. Мужиков в деревне нет – старики да подростки, а нашу хотя и детскую, но ощутимую помощь, председатель уже почувствовал и в эти дни очень надеялся на неё. А мы все – в отказ.

Николай Иванович велел воспитателям собрать нас в самой большой комнате. Собрались, ждём. Слышим, идёт, грозно так стучат об пол его костыли. Сжались, собрались защищаться, Юрка Дрын уже провёл свою агитацию.

Вошёл, вид сердитый. Бросил на тумбочку высохшую коровью лепёху. Мы в недоумении, думаем: зачем он, коровье-то дерьмо нам принёс?

Оглядел нас гневным прищуренным взглядом.

– Дармоеды! – произнёс он сквозь зубы, медленно и веско.

У некоторых из нас рты пооткрывались от удивления. Так с нами он ещё не разговаривал.

– Вам по двенадцать, по тринадцать и даже четырнадцать лет! А вы кроме как жрать да ещё воровать – ничему не научились! Хотя нет, вы научились требовать к себе, сироткам, уважения. Но вы ещё не поняли, что его надо за-слу-жить, уважение-то. Воспитывать вас голодом я не имею права. Но с сегодняшнего дня кормить дармоедов прикажу вот этим!

Он двумя пальчиками поднял перед собой коровью «шаньгу».

– Кормить нас коровьим говном вы тоже не имеете права! – выкрикнул Юрка Дрын.

– Не-ет, Дрынов, – возразил директор, – это не то, что ты думаешь! Это хлеб! Это хлеб, который едят деревенские жители! И дети деревенские, в отличие от вас, уже с семи лет хлеб этот зарабатывают трудом посильным и непосильным.

– А можно попробовать? – робенько поинтересовался Колька Монах. Он любопытный был. У нас у всех тогда были клички между собой.

– Можно! Для того я его и принёс вам. Попробуйте! – доброжелательным тоном отвечает Николай Иванович.

– А у тебя, деда, какая кликуха была?

Дед смутился, кашлянул в кулак, покряхтел, потрепал мизинцем раковину своего левого уха.

– Самовар.

– Самовар!? – захохотал внук. – Толстый, что ли, был?

– Да какой там толстый – худоба!

– А почему самовар-то?

– Потом как-нибудь расскажу. Это длинная история. И к делу отношения не имеет.

– Ну и что там у вас происходило дальше?

– Пустили «шаньгу» по рукам. Отламывали по крохотному кусочку, брезгливо подносили к носу, нюхали, но есть, конечно, не собирались. Держали в руках. На хлеб это совсем не походило.

– Нет, вы попробуйте, попробуйте! – настаивал Николай Иванович. – Это я ещё хорошую вам принёс лепёшку, с добавлением муки, она не разваливается, когда в руки берёшь. Деревенские каждый день едят эти «селянки».

Другого хлеба у них нет. Это вы, детдомовские, едите нормальный хлеб. Пусть не столько, сколько хочется, но положенную норму вы получаете.

– Деда, а что такое селянки?

– Так в деревне в добрые времена называли праздничную стряпню из самой лучшей муки – селянки. Николай Иванович это слово в ироническом смысле употребил, разумеется.

– А из чего эти военные «селянки» готовили?

– Васька, ты всё время уводишь меня от главного, – усмехнулся неодобрительно дед. – Суррогат самый разный мешали: семена травы лебеды – это основное, клеверные головки, липовый лист, кору молодых липок. Всё сушили, толкли, или перемалывали, подмешивали чуточку настоящей муки... Добавляли кто что умел. Как говаривал Кошкин Вова, мой деревенский дружок, после у нас такие появились, это он про липовую-то «стряпню» вспоминал: ешь – радуешься, по нужде пошёл – плачешь. Запорами от такой еды они мучились жуткими...

Николай Иванович настаивает, значит, чтоб мы всё-таки попробовали «хлеб» колхозника... Попробовали, сперва один, потом другой, ну что там – жуть, не хлеб. Разжевал, а проглотить не можешь, горло рвёт, выплюнуть хочется...

– Вы посмотрите, – обратился он к нам, – понаблюдайте, как живут колхозники! Они выращивают хлеб, выращивают скотину, держат кур... Но они всё это отдают фронту, только чтоб победить фашистов: зерно, молоко, мясо, яйца – всё сдают государству! А сами едят вот этот суррогат. Из того, что они отдают государству, в том числе идёт вам на содержание. Вы одеты, вы обуты, вы накормлены, вам положен паёк, норма. И это за счёт их.

– Это казённое! – возразил тогда кто-то из ребят повзрослее.

– Правильно, казённое, но прежде чем стать «казённым», это произвели своим трудом конкретные люди: в колхозе – зерно, лён, кожу... На фабриках – ткань, одежду, обувь. Никто из вас в лаптях не ходит. Худо-бедно, а вы все обуты-одеты. А их никто не кормит, им ничего не положено, кроме работы и налогов. Нечего у них одеть, обусть. Одежда вся в заплатках! Летом – босиком, осенью в лаптях, к которым деревянные колодки привязаны, чтоб лапти меньше снашивались и нога в грязи не так намокала. Но ведь и лапти надо чтоб кто-то сплёл... Многие деревенские дети даже в школу зимой не ходят – не в чем.

Мы для чего вас в школе учим? Чтоб вы вперёд всего учились думать, наблюдать жизнь, учились сравнивать, мыслить, я скажу – сопрягать, складывать её картинки в общую большую картину и отыскивать в ней, в этой картине, место для себя, для своей души. Правильное место. Чтоб вы от этого становились постепенно людьми, а не вырожденками, способными только жрать... Ведь то молоко, которое вы каждый день получаете по кружке, это ведь они вам от себя отдают.

Председатель колхоза, фронтовик, инвалид, просит нас помочь убрать сено, убрать хлеба, после помочь выкопать картошку. Никто не заставит вас, несчастных сироток, работать сверх сил. Но помочь надо. Чтоб победа наступила поскорее. Я бы тоже пошёл с вами, но сами видите, какой из меня работник, – проговорил он с горечью. – Вы посмотрите на деревенских ребят – ваших сверстников, они, в отличие от вас, – уже повзрослели! Как на войне, на передовой, в окопах, когда земля вот качается от взрывов – человек

взрослеет мгновенно, так здесь – на мужской работе – они стали мужиками! А вам ещё няни должны сопли вытирать. Стыдно! Позорно!

Вы посмотрите на женщин-колхозниц, на кого они похожи от работы в свои тридцать-сорок лет – смерть краше выглядит. Старухи! Днём работают в колхозе, а дома только по ночам... Ведь чтобы заготовить суррогат на такие вот лепёшки, которую вы сейчас попробовали, тоже надо время. Они потеряли мужей, работников, кормильцев своих семей!..

– А мы родителей потеряли! Мы круглые сироты! – выкрикнул истерично всё тот же Юрка Дрын.

Николай Иванович горестно склонил голову, помолчал с укором и проговорил каким-то промораживающим душу тоном:

– Вы не родителей потеряли, вы потеряли – совесть! – Ещё помолчал и добавил: – Без родителей нелегко прожить, но можно – мир не без добрых людей, помогут, а без совести – нет! Не прожить! – И тоскливо добавил: – Вы потеряли родителей, а я потерял уважение к вам.

После этих слов он грузно, медленно повернулся, опираясь на костыли, и тяжело, обречённо пошёл прочь.

Замерев, мы смотрели ему в спину, мы будто впервые увидели, как трудно, как тяжело ему было сейчас передвигаться на одной ноге, а на месте второй от самого бедра был только воздух. Пустота. И вот тут мы неосознанно, то ли сердцем, то ли душой почувствовали, что ведь он свою ногу потерял на войне за нашу победу над фашистами. Выходит и за нас тоже... Мы впервые почувствовали какую-то общую, именно общую вину перед этим человеком. Обидели мы его. Задел он тогда за живое и совесть нашу, и самолюбие наше. Пристыдились мы... Пристыдились.

В тот же вечер среди детдомовцев тихо разнеслась весть о том, что Николая Ивановича видели на скамейке в кустах за церковью плачущим. Подкрававшиеся ребята подсмотрели, как, сидя между костылями, прислонёнными к скамье, он что-то неразборчиво бормотал всхлипывающим голосом, размазывая ладонями слёзы по впалым щекам...

На следующее утро, сразу после завтрака, без всякой на то команды, мы построились, и Юрка Дрын попросил двух старших воспитателей доложить Николаю Ивановичу, что детдомовцы готовы к выходу на работу. Они пошли.

После рассказывали, что услышав это сообщение, Николай Иванович был... был им ошеломлён, он долго глядел на воспитателей растерянно, словно желая угадать, не разыгрывают ли они его, потом только махнул беспомощно рукой: «Ведите!»

Вот думаю, внук, что та суррогатная лепёшка да страстный упрёк одного директора каким-то образом, не знаю, предопределили уже тогда мой выбор: профессию историка.

Помнишь, я перед самым днём Победы приносил из музея несколько паек «Военного хлеба», каким кормили тыл? Его к юбилею придумали выпечь по специальным рецептам, которые с трудом и приблизительно восстановили со слов людей военного поколения. Раздавали этот хлеб всем желающим.

– Помню, деда. Липкий, как глина, кислый, как... Кислятина, короче!

– Так вот он даже отдалённо не напоминает ужасные лепёшки, которые приходилось есть в войну крестьянам-колхозникам. Да, кислятина, да, глина. Но всё-таки это был хлеб! Сегодня, пусть умом, пусть логически, но я понимаю значение куска хлеба в нашей жизни и в большой истории человека вообще, и потому с благоговением отношусь к каждой крошке. Не с пафосом, а

с благоговением! А те люди, спасшие нас тогда, они ведь каждой клеточкой своего изработанного, измождённого тела это испытали, прочувствовали вне всякой логики и образования. Точнее – жизнь, голод им преподали самое бесценное просвещение! К примеру, Васька Рогожников, деревенский парнишка на один год младше меня, в двенадцать лет получил медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В двенадцать лет!.. Ребёнок ещё, по сути-то. Но война лишила его детства, жестоко перебросив сразу во взрослую жизнь...

И я сюда приехал, внук, не только для того, чтобы вспомнить свой военный детдом, своё несладкое сиротское детство, а ещё за тем, чтобы успеть до смерти своей – низко поклониться деревенским страдальцам, а вот сейчас скажу с пафосом, на плечах которых История наша выехала тогда из зияющего погибелью провала! Приехал помянуть нашего одноногого директора Николая Ивановича, который сделал всё, чтоб нас поставить на две ноги. Царствие ему небесное! – старик перекрестился.

– А сейчас мы с тобой попытаемся, внучек, встретиться с кем-нибудь из жителей деревни, и я спрошу про моих деревенских сверстников, с кем подружились мы в те годы. Жив ли хоть кто-то из них?

ПРОЗА

Владимир ЯКУШЕВ

Владимир Викторович Якушев – окончил Чердын-ский лесотехнический техникум, филологический факультет Пермского государственного педагогического института, гуманитарный факультет Пермского государственного технического университета. Работал на заводах Перми, преподавал. Член Союза писателей России (2001). С 2010 г. – председатель Пермской краевой организации Союза писателей России. Живёт в Перми.

Один из дней

Песня Перми

Красавица Пермь начинает
Движение нового дня.
Я нужен! И Пермь это знает,
Ей не
 обойтись без меня.

Российская воля походов
И память хранят нашу жизнь;
Работает сердце заводов,
Конструкторов ясная мысль.

Легко с нашей чудною долей
Узнать по глазам пермяка!
Ведь с этой отвагой и волей
Вступали в отряд Ермака.

Бывает в природе затишье,
А в Каме играет заря;
И смотрит Василий Татищев,
Как в школы идёт детвора.

Я нужен, и Пермь это знает:
Ей не
 обойтись без меня!
Красавица Пермь начинает
Движение нового дня...

Танцы цивилизации

Кончается дождь.
 День проходит.
 Мы работаем
 На родном заводе.

У нас всё серьёзно –
 Нам дают химикаты.
 Мы делаем звёзды
 И делаем автоматы.

Делайте что хотите,
 Занимайтесь чем угодно!
 Это право на труд –
 Дело международное.

Только не целуйтесь,
 Только не гуляйте,
 Только не танцуйте,
 Только не играйте
 С огнём!

Он выжигает глаза,
 Он вырывает язык.
 Никто ещё не сказал,
 Что он к нему привык.

Вечна мечта!
 Она,
 Будучи смутна
 вначале,
 Делается
 точно
 В каждой потом
 детали.

Дышат мои альвеолы,
 Как в ПэТэУ подростки.
 Стружки кружат, как пчёлы,
 Возле цветка заготовки.

В линиях жизни металл.
 В линиях жизни копоть.
 Глотку мою сорвал
 Индустриальный грохот.

Лишь работяги могут
 Не умирать напрасно,

А золотых оборотов
 Брать на работу опасно.

Ходит бизнес по клубам,
 Ходит бизнес по трупам.
 А пролетарии в моде
 На фронте и на заводе.

Здесь – настоящая Жизнь,
 Смерть, и Любовь, и Танцы..
 Вам тут не место, брысь,
 Пошлые папарацци!

Вечны Икар и Дедал..
 Но мечта
 в идеале –
 Вот она, как сказал, –
 Сделано
 на Урале.

Ночные часы

Город родной спит и видит,
 как стал мне чужим.
 Я курю, это жизнь,
 и она обращается в дым.
 Я смотрю, гуляет с любовью
 продувной ухажёр.
 Жизнь – это жизнь,
 и она как военный костёр.
 Я смотрю, мне достался
 счастливый военный билет.
 Этот дым ест глаза,
 это пепел, но я им согрет.
 Я гуляю, смотрю на цены,
 как на жителей гор.
 Жизнь... эта жизнь
 затоптана так, как костёр.
 Город родной, ты мне ангел
 и предохранитель.
 – Делай, что хочешь, –
 сказал, уходя, небожитель.
 Этот дым ест глаза,
 эта жизнь обращается в дым.
 Город родной спит и видит,
 как стал мне чужим.

Город родной спит и видит,
как стал мне чужим.
Я курю, это жизнь,
и она обращается в дым.
Я гуляю, смотрю:
с девчонкой продувной ухаждёр.
Жизнь – это жизнь,
и она как военный костёр.

Одиночество

Хорошо бы собаку купить.
Иван Бунин

Что такое? Мочат, мочат
В новостях с утра до ночи.
Дилетанты – как попало,
Есть и профессионалы...

Мочканут, как зайца в тире,
Раз, два, три – и ты в эфире!
Ни к кому нет больше веры:
Все соседи – изуверы.

Всё страшнее кажут рожи
Президенты и вельможи.
Олигархи – отщепенцы.
Гомосеки – извращенцы.

Террористы... Недоучки...
Куклы Барби самоучки!
Так же есть одна семья,
Что психует на меня.

Один из дней

Осенний ангел ходит по лесам,
Сбивает крыльями с деревьев позолоту.
Он делает нелётную работу,
Но птахи льнут к золотым его власам.

О птахи милые!
Им с ангелом чудно,
Они щебечут в золотых кудряшках,
Клюют с ладони розовой зерно
И смотрят вниз
на беленьких барашков.

Играется снежинками зима,
Как девочка! Торопит белотропье.
Топорщит лес серебряные копы,
Летит над полусветом полутьма.

Посверкивают косы в небесах,
Вниз валятся охапками ромашки.
В ромашках белых белые барашки
У ангела толкаются в ногах.

Осенний ангел...
(Господи, прости),
Под крыльями его
немного лета,
Как строчка
невозвратного привета, –
Ненастье
на Руси
перенести.

Юрий РЫЧЕНКОВ

Поэтика Юрия Богданова

Прошлое страстно глядится в грядущее...
А.А. Блок

*...И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога...*
М.Ю. Лермонтов

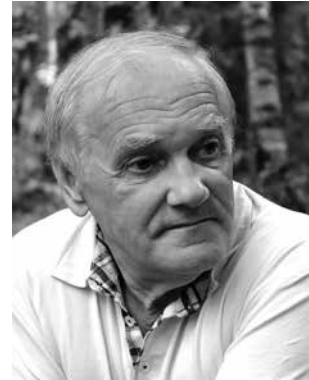
*Учило нынче нас евангельское слово
В своей священной простоте...*
Ф.И. Тютчев

В 2017 году в литературно-историческом журнале «Великороссь» была опубликована Корона венков сонетов «Святой венец Руси» Юрия Богданова.

Но прежде чем оценить суть грандиозного замысла поэта, необходимо коснуться сонета, «художественной частности», которая и служит основой всему задуманному. К сожалению, многие современные авторы полагают, что это простое стихотворение, состоящее из четырнадцати строк, в котором два четверостишия и два трёхстишия или три четверостишия и две рифмованные строчки. Но это далеко не так...

Поэт Юрий Богданов известен широкому читателю как поэт-лирик, который в современном поэтическом мире один из немногих, кто в своём творчестве остаётся верен классической сонетной форме изложения произведения.

Когда говорят о сонете, то сразу вспоминают строки: «Суровый Дант не презирал сонета, / В нём жар любви Петрарка изливал». А.С. Пушкин с чеканным изяществом не просто перечислил выдающихся сонетистов, но как бы и указал на историю сонета, обозначил его достижения. Сонет существует в поэзии разных народов уже так давно, что обстоятельства его рождения, а тем паче генеалогическое древо, с трудом проступают сквозь паутину столетий. Если довериться первому впечатлению, может показаться, что он живёт

Юрий Алексеевич Рыченков – член Союза писателей России. Награждён Золотой Есенинской медалью. Дипломант литературной премии имени Н.А. Некрасова «За вклад в сохранение народной традиции в русской поэзии». Победитель Международного конкурса «Литературный Олимп» в номинации «Поэзия» Лиги Писателей Евразии. Автор двух поэтических книг: «В объятьях памяти», «Иду осенним полем...» и многих поэтических сборников. Автор рецензий и критических статей.

Живёт в Москве.

вечно в практически неизменном виде. Но это лишь первое, поверхностное впечатление. Структурно сонет неподражаемо консервативен, зато функционально он неустанный новатор. За многовековую историю развития многонациональной мировой поэзии сонет, как самая совершенная её форма, просто не мог не появиться. Родиной сонета стала Италия, точнее Сицилия. Он появился на переломе от Средневековья к эпохе Возрождения, в самом начале XIII века, в атмосфере высочайшей поэтической культуры. И если приглядеться к опыту выдающихся мастеров прошлого и настоящего, образно выражаясь – это оптимальное количество лирического высказывания, легко обозримое, воспринимаемое и запоминаемое. Знаменательно здесь совпадение с изобретением пушкинского гения: его «онегинская строфа» тоже четырнадцатистишие и тоже с оригинальной рифмовкой.

История русского сонета, появляющегося в эпоху классицизма, по-своему отражает всю историю нашей поэзии. В разные периоды её интерес к сонету то усиливался, то ослабевал. Два главных пика приходятся на «золотой» и «серебряный» века русской поэзии. Форма, предполагающая высокое мастерство, совершенство владения словом, умение в сжатом тексте сказать многое, уверенно развивалась и внутренне обогащалась с развитием всей русской поэзии. Русский сонет в лучших его образцах, в том числе и наших современников, несомненно, яркая, выразительная страница не только русской, но и мировой лирической поэзии.

Сонет по праву считается самой строгой поэтической формой. А.С. Пушкин говорил о сонете: «размер его стеснённый». Сложность сонетной формы отмечал и русский философ, культуролог М.М. Бахтин: «Сонет – очень трудная форма. Рифмы в сонете переплетаются, и это обязывает, чтобы и все образы и темы также были сплетены». А русский советский литературовед, писатель Л.Г. Гроссман лаконично заметил: «Поэтика правильного сонета, в сущности, чрезвычайно проста. Сложна и намеренно затруднена лишь практика его». Верность традиционному канону можно рассматривать едва ли не как его главный жанрообразующий признак. Теоретики сонета говорят о его строгой композиции, которая предполагает ясное развитие темы, где каждое четверостишие должно быть закончено и синтаксически, и по смыслу, а разрешение поэтической мысли происходит в трёхстишиях, и тут особую роль играет последняя строка – «сонетный ключ». Лучшие сонеты – это, по сути, диалектические, драматические произведения. Эта драматичность вытекает из того, что схема его имеет содержательный характер, а именно: первый катрен – теза, второй – антитеза, а последующие два терцета – синтез. Известный теоретик сонета, немецкий прозаик и поэт И.Р. Бехер говорил: «Положение, противоположение – в первых двух катренах и снятие их в заключении, занимающем два терцета, характеризует чистую форму сонета».

Но известно: чем строже запрет, тем больший соблазн его нарушить. Как глубочайший знаток этой формы Юрий Богданов понимает, что сонет представляет превосходную модель гармонического слияния традиций и новаторства, идеала и его реального воплощения, что он неоднократно и иллюстрирует своей работой. Только на фоне недостижимого идеала приобретают эстетическую значимость осторожные отклонения от него, продиктованные чаще всего напором живой поэтической мысли. Только это заставляет поэта по ходу повествования нарушать чередование рифмовки. Чем радикальнее искажается идеальная модель, тем отчётливее становится её призрак над преображённым сонетом, внося необходимые поправки в процесс его восприятия. Вот

почему отдельные частные новации Юрия Богданова (использование дактилической рифмы и структура тринадцатого венка) не только не отменяют, но, напротив, с большей силой подтверждают и отшлифовывают канон. И это скорее правило, чем исключение из правил. Ведь Пушкин в сонетах тоже не выдерживает категоричные требования канона, сочетая опоясывающую рифмовку с перекрёстной, повторяя слова, продолжает мысль четырёхстишия в трёхстишии. Но, несмотря на отступления, вполне оправданные внутренней логикой этих стихотворений, сонеты Пушкина – бесспорно классические сонеты в их русской традиции.

Венок сонетов возник также в Италии в XIII веке. Это весьма трудная поэтическая форма, требующая от поэта исключительного мастерства (особенно в подборе выразительных рифм). Он представляет собой четырнадцать сонетов, первые строки которых образуют пятнадцатый сонет, называемый магистралом. Магистрал является тематическим и композиционным ключом (основой) венка, он структурно завершает венок, хотя создаётся первым. Последняя строка первого сонета в венке является первой строкой второго сонета и т.д. По словам того же Бехера, «венок сонетов – искуснейшее из всех поэтических созданий».

Архитектоника у венка сонетов очень сложная, и она может показаться нарочитой, искусственной, если за дело взялся ученик, а не мастер. А вот под пером мастера один сонет как бы вытекает из другого – сонеты подхватывают эстафету друг у друга, развивая и углубляя мысль поэта, что блестяще показал Юрий Богданов, создавая свою Корону венков сонетов.

По тематическому и жанровому диапазону, по языковому многообразию, по «населённости» человеческими голосами и характерами, по охвату исторической эпохи творчество Юрия Богданова представляет совершенно особое явление. Лирика, песня, повествовательные жанры – от стихотворной новеллы и баллады до эпопеи, поэтический театр, включающий философскую драму, фантастический гротеск, – во всех этих областях поэту принадлежат высокие свершения, которые останутся в русской поэзии.

Он автор более двадцати поэтических книг, в том числе «Галактика души» (сонеты), «Музыку небесную я слышу», трёхтомного собрания лирики («Солнцу хвала», «Всевышней любовью», «Лунное затмение») «Капелью проклянуты чувства», «Поделись надеждой с врагом своим», а также поэм: «Ванька-встань-ка», «Пётр и Феврония».

Его перу принадлежат драматические поэмы: «Джульетта», «Морок», фарс-реаль «Из-под плитуса» и другие.

Но Корона венков сонетов в этом ряду занимает особое место. Следует заметить, что Юрий Богданов является большим знатоком творчества М.Ю. Лермонтова. Созданный им цикл стихотворений, посвящённых великому поэту, глубоко проникновенен.

Как говорил литературовед и писатель С. Андреев-Кривич, исследователь творчества Михаила Юрьевича Лермонтова: «Тот, кто учился у поэта – да ещё какого поэта! – сам становится невольным и неизбежно поэтом!». Мысли М.Ю. Лермонтова, его мироощущение близки Юрию Богданову и поэтому, говоря словами литературоведа, «связь времён для него не распалась», что и подтверждает выбор темы для эпохального произведения «Святой венец Руси» – произведения не лирического, а, скорее, эпического по содержанию. Время, спрессовавшее, сконцентрировавшее в себе все три своих ипостаси,

обострило в художнике чувство памяти, обратило его лицом к давно минувшему, к культурным истокам и разнообразным традициям.

«Действительно, – заключал российский историк А.С. Лаппо-Данилевский, – философское размышление стремится опознать критерий ценностей, прежде всего, устанавливает ценность добра, истины и красоты». История России очень интересна и, согласитесь, противоречива. В разных источниках мы можем найти самые разные описания того или иного исторического события. *Но есть очень правильный и точный источник – это поэзия!* Менталитет русского народа оказал огромное влияние на творчество поэтов. Русские поэты описывали события и людей всей душой и сердцем. Всё их творчество проникнуто патриотизмом. Как ёмко заметил российский философ Александр Дугин: «Русский патриотизм есть великий мистический, геополитический, исторический, сотериологический, эсхатологический ПРОЕКТ, доверенный избранному народу великороссов как особый Завет, сформировавший для этого специальный этнос, отличающийся чертами и свойствами, не имеющими аналогов нигде больше...». Тема патриотизма красной нитью проходит в творчестве А. Пушкина, С. Есенина, Ф. Тютчева, А. Фета, М. Лермонтова, Н. Рубцова. Беззаветная любовь к Родине открывается нам в бессмертных стихах Александра Сергеевича Пушкина. 19 октября 1836 года в письме к П.Я. Чаадаеву он писал: «...Я далеко не восхищаюсь тем, что вижу вокруг себя; как литератор я раздражён, как человек с предрассудками – оскорблён, но клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какую дал нам Бог». Незабвенны его строки:

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

Это, я думаю, один из главных стимулов, побудивших Юрия Богданова к созданию Короны. *Патриотизм, любовь к Родине, готовность отдать за неё жизнь* – это именно чувство, возникающее в душе человека вследствие правильной организации его духовной жизни. Это не значит, что патриотами не могут быть атеисты или иноверцы, но значит, что всю полноту этого понятия человеку в нашем Отечестве помогает раскрыть и осмыслить именно *Православие*. Именно это и является главным лейтмотивом всего произведения Юрия Богданова, который восклицает в двенадцатом венке Короны: «*В веках, Православие, истинно славлю / Я красоту твою и благодать*». Ведь если у православного человека этого чувства в душе нет, то возникают вопросы о его духовной жизни, её соответствии тому Духу Христову, без причастности к которому никто не может быть христианином.

Юрий Богданов не историк, но в написании Короны, в описании фактов, явлений и событий явно использовал конкретно-исторический метод. При этом поэт показывает нам непосредственное восприятие мира, эмоциональное к нему отношение, обостряет ощущение реальности факта, эпохи. Здесь уместно привести слова В.О. Ключевского: «Нравственное богатство народа наглядно исчисляется памятниками деяний на общее благо, памятниками деятелей, внёсших наибольшее количество добра в своё общество. С этими памятниками и памятниками срастается нравственное чувство народа. Они – его питательная почва, в них его корни. Оторвите его от них – оно завянет, как

скошенная трава. Они питают не народное самомнение, а мысль об ответственности потомков перед великими предками, ибо нравственное чувство есть чувство долга». Прочитав слова, которые поэт произносит как заклинание, которые многое объясняют в подходе Юрия Богданова к этой титанической работе. Вот его мысли о народной памяти, которые вошли в одиннадцатый сонет четвёртого венка:

*Генная память подспудно, незримо
Уготавливает мирянам пути:
Пращуров славой и Богом хранима
Горней тропой помогает идти.*

Обратимся к основе всего произведения. Русская Православная Церковь на примере святых своих мучеников, которые «*Отчизну любили, как строгую мать, / Не знали, как можно святое предать*», дала образец нравственного совершенства, мужества, незамутнённого видения вечного смысла жизни для себя и всего мира. Многовековое прошлое России явило миру огромное число подвижников. Тринадцатый венок Короны венков сонетов – это история России в именах русских святых. Решая невероятно трудную задачу, с мыслью: «*У них Божьей святости в жизни учусь*», Юрий Богданов, ограниченный строгими рамками канона, обращается в венках Короны к «*вечно немеркнущим именам*»:

Святая равноапостольная великая княгиня Ольга;
Святой равноапостольный великий князь Владимир;
Святые благоверные князья-страстотерпцы Борис и Глеб;
Святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский;
Святой благоверный великий князь Александр Невский;
Святой благоверный великий князь Даниил Московский;
Святитель Пётр Московский, Святитель Алексей митрополит Московский;
Святой благоверный великий князь Дмитрий Донской;
Преподобный Сергей Радонежский;
Святой праведный воин Фёдор Ушаков;
Святой Преподобный Серафим Саровский;
Святитель Тихон (Белавин);
Тринадцатый сонет (Благословение);
Четырнадцатый венок (Святые заветы);
Пятнадцатый венок (магистральный).

Как говорит поэт: «*Держава молитвами их создана: / Не по наитью – по Божией воле. / Вере чужой не подвластна, вольна...*». Они смогли показать, как возможно быть сыном и дочерью Отечества и быть угодными Богу, а это обуславливается жизнью по правде и истине. Именно такая жизнь делает человека по-настоящему свободным, непреклонным перед любыми испытаниями. Вся их жизнь – это путь деятельного устремления к Богу, ведь Святость достигается тогда, когда воля человека начинает приближаться к воле Божией, когда в жизни осуществляется молитва: «*Да будет Воля Твоя*». А христолюбивое воинство славно не только присущим ему духом веры православной, но и бесстрашием перед лицом любого врага, упованием на Божью волю, заступничество Пресвятой Богородицы и умением сражаться до полной победы.

Русское богатырство имеет в своем корне значение «богатый в Бога», не просто сильный и могучий человек, а сильный в духе воин Христов.

Автор присутствует в тексте – как участник в исторических событиях.

Почитание «предвозвестнице христианской земли» княгини Ольге поэт выражает словами: «*В бусах княгини буду жемчужиной*». Встаёт под знамёна князя Владимира, при котором произошло Крещение Руси:

*В этих погибельных столкновениях
Подковой коня его – не согнуть!*

Свою сопричастность к славным делам мучеников-страстотерпцев, покровителей Русской земли благоверным Борису и Глебу поэт представляет словами скорби:

*Стану кадильным дымком я во Храме,
Позолочённой иконною рамой
Или слезинкой свечи вековой.*

Размышляя о неумирающей народной, генной памяти, в венке, посвящённом князю Андрею Боголюбскому, поэт находит необыкновенно проникновенные строки, которые поэтически совершенны и звучат, как молитва:

*Стану я звоном её колоколен,
Камнем в холме Покрова на Нерли,
Чтобы узреть нашу русскую долю
В той неизведанной Божьей дали...*

Идучи с Александром Невским на ратное дело, поэт готов на любые преобразования, лишь бы оказать помощь в смертельной схватке: «*Древком копья вновь ему пригожусь / ...Да победит православная Русь!*» А вот как вместе с великим князем Даниилом Московским поэт боролся за расширение Московского княжества и укрепление стольного града Москвы:

*Колокола в сердце бьют непрестанно:
Пусть языком одного из них стану...*

В седьмом венке Короны, посвящённому Святителю Петру Московскому и Святителю Алексею, митрополиту Московскому, поэт также отмечает своё участие в богоугодных делах. Пётр пишет иконы: «*Чудны иконы здесь им написаны: / Был я курантом для красок ему*». Святитель Алексей молится с пламенной верой: «*У одра болящей свечу возжёт он. / Был от огня я прозрачным дымком*». И, конечно же, Юрий Богданов, христианин и патриот, принимает непосредственное участие в Куликовском сражении, помогая в бою Дмитрию Донскому:

*И началась Куликовская сеча:
В первых рядах князь, как ратник простой!
В яростной схватке зело покалечен –
(Я в кольчуге его был пластиной стальной).*

У преподобного Сергия Радонежского, духовного собирателя русского народа, поэт был «*на подряснике – грубой заплатой*». У гениального флотоводца Фёдора Ушакова, который «*не обесславил Державу позором*», поэт был

«трубою подзорной». Всею душою сочувствуя Серафиму Саровскому, поэт признаётся:

*После расправы ходил он с клюкою,
Да никому не казался больным.
(Был я сучком у него под рукою).*

В судьбе Патриарха Тихона, который «Встал на защиту канонов церковных – / Не допустил миролюбьем раскол», поэт «в его палице был тонкой нитью», и, не разрывая связь времён, говорит, – «Под омофором его существую». Чувствуя духовное родство с каждым, Юрий Богданов, который «буквой в молитве хотел бы стать», сопричастен великому прошлому России:

*Ликом иконы им виделась Русь
На освящённой молитвой дороге –
Я вместе с ними иконе молюсь.*

И это вполне естественно, потому, что история Родины («никем от неё я неотделим») –

*Матушку Русь очернить не посмею:
С юных годов, как у пращуров, с нею
Переплеталась судьбина моя...*

А магистрал магистрального венка – это квинтэссенция поэтической мысли. Это, как если бы следовать «теории большого взрыва», начало расширения Вселенной, перед которым она находилась в сингулярном состоянии. Как из сжатой материи рождается Вселенная, так из магистрала рождается «материя» Короны венков. Приведу полностью главный венок произведения:

*Господи, дай нам небесные силы,
Очи провидцев в юдоли земной.
С верой в Тебя наши пращуры жили
Правды в сердцах не искали иной.
Образ Руси Святой, неодолимой
Дух укреплял наш во тысячу крат.
Истинно каждому Отчизна любима!*

*Чу! Небеси во вселенной звонят.
Утрени солнышком Русь освещали
Деля того, чтоб неверье изгнать.
О, Земле русская, славлю поныне*

*Я красоту твою и благодать.
Вышние силы нас благословляли
И заветы хранить нам святыни.*

Поэт высокой культуры, Юрий Богданов проявляет разнообразную технику сонетного искусства. Невероятную по сложности задачу он доводит до совершенства, когда магистрал магистрального венка создаёт в форме акростиха. Такая форма зачастую приводит к потере смысловых оттенков произведения, но не в этом случае. Напротив, сам автор не стремился к этому специально, но послушайте, как звучит первая строка вкупе с образованной последней фразой:

*Господи, дай нам небесные силы,
Господи, чудо яви...*

Какая музыка... Иначе, как молитвой, это не назовёшь. В этом примере весь Юрий Богданов. И музыкальное образование (поэт окончил Минское музыкальное училище им. М.И. Глинки) только помогает рождению такой гармонии.

Но история России несравненно богаче, и даже громадные возможности Короны венков сонетов позволяют охватить лишь малую толику величайших событий и славных дел патриотов земли русской. Понимая всю грандиозность задачи, и, чтобы уйти от субъективизма, Юрий Богданов магистрал тринадцатого венка разворачивает оригинальным образом, когда за каждой строкой следует перечисление в нём имён святых, которые всей своей жизнью способствовали духовному наполнению русской самости. Следует заметить, что построение венка нарушает строгий канон архитектоники Короны в целом, но для реализации главной идеи произведения – это, безусловно, авторская находка! Не соответствует канону и краткая речь Святейшего Патриарха Тихона, который был призван к кормилу церковной жизни в столь трудный и трагический период истории государства российского. Нужно обладать величайшим мужеством, чтобы не потерять различие добра и зла, чтобы духовно не погибнуть. Он говорил: «Что нет за убийство царя оправданий – / И власти открыто в грехе обвинил». Далее, усиливая исключительность момента, внутри сонета поэт дословно приводит его исторические слова. И кто его за это осудит?

Самые сокровенные мысли Юрий Богданов сконцентрировал в магистральном сонете четырнадцатого венка: отношение к истории, вере, патриотизму, самопожертвованию русского человека, глубокую веру в светлое будущее России. Приведу его полностью:

*И заветы хранить нам святыни
Во имя России на все времена.
Держава молитвами их создана:
Богохраняемая присно и ныне.*

*Простолюдины, монахи, князья
Верой и правдой служили во Боге –
Не было в душах за веру тревоги.
(Буквой в молитве хотел бы стать я).*

*Горек и сладок Отчества дым –
Нашу Россию мы свято храним,
Чтобы заветы их в жизнь воплотили.*

*Верю: пройдёт ещё несколько лет –
Вижу Державы великий расцвет:
Господи, дай нам небесные силы!*

Сплетая венок из строчек магистрала, поэт подводит читателя к выстраданной им мысли: пращуры наши своим подвижничеством в суровых испытаниях сохранили многострадальную Русь, и мы, их наследники, выполним своё предназначение – сохраним и приумножим славу России.

Ранее, в третьем венке, посвящённом князьям Борису и Глебу, поэт уже выразил уверенность в нетленности людской памяти: «*В Лете не сгибли святых имена. / Россия была, есть, да будет сильна!*». Далее Юрий Богданов, разворачивая эту мысль, выражает уверенность в том, что великое прошлое будет сохранено и приумножено:

*Но чтобы земля иномы не стала,
Мы, как святые, за веру стоим –
Вырвем у змея смертельное жало
И православие не предадим.*

.....
*Верю: пройдёт ещё несколько лет –
И воссияет как солнце, духовность...*

.....
*Наша Россия – святая обитель...
Вижу Державы великий рассвет.*

Данное произведение, – редкий опыт обращения к труднейшей форме организации поэтической образности, – отличается необыкновенной культурно-исторической и глубинно-исторической насыщенностью. Это структурное произведение, которое композиционно раскрывается как единое поэтическое целое. В сути творения – русская история в её переломных, судьбоносных моментах: «*Суворов на суше, а Фёдор на море / Штыком и ядром истребляли врага, / Чтoб к Русскому морю примкнуть берега*».

Мы явственно видим развёрнутый образ Времени. С этой мысли начинается первый венок «Княгиня Ольга»:

*Господи, дай нам небесные силы
Краешком глаза в ту даль заглянуть,
Чтобы наветы во тьме не сокрыли
Нашего прошлого истую суть.*

.....
*В неразличимые древние были
Через лета я взглядеться хочу...*

Как ёмко и искусно выражено Время в словах князя Владимира:

*Время бежало конём боевым:
В землю врагов я взгрызался подковой –
Но никого не боялись мы с ним!*

Теперь понятно, почему поэт стремится в подмогу князю стать именно подковой его коня...

Будучи глубоким знатоком русской классической литературы, Юрий Богданов хорошо ориентируется в культурных контекстах и отдалённом прошлом, и достижениях современности. Ни в каком посредничестве он не нуждается, предпочитая иметь дело с первоисточниками.

В случаях, когда невозможно отойти от фактического материала, он отдаёт предпочтение реальному событию перед вымыслом, следуя главному творческому принципу «локальной семантики», то есть органическому слиянию всего арсенала изобразительно-выразительных средств с идейным содержанием произведения. Вот как описывает поэт в пятом венке короны вторжение ливонцев в русские земли:

*К Псковскому озеру двинулась прорва –
Полнилась твердь бронированным маршем,
Но Александр просчитал их манёвры,
Мы дожидались возле Чудского!*

Или «нежданную прыть Мамая» в венке о великом князе Дмитрие Донском:

*Собрав триста тысяч монголов и пришлых.
Черкесы и ясы, армяне и таты,
Пехота из Генуи в тяжких доспехах
Пошли по Руси с неприкрытой бравадой...*

Венок за венком, словно со страниц летописи, перед читателем разворачиваются картины русской истории в её переломных моментах, говоря словами автора: «*Очи провидцев в юдоли земной / Ветром жестокой эпохи слезило*». В венке, посвящённом князю Даниилу Московскому, ставшему основателем дома князей и царей в стольном граде Москве, этот факт истории отмечен поэтом словами:

*Из неприметной, убогой деревни
Сделал великой столицей сей град.*

Поэту дорога память об «избавителе Русской земли» Сергии Радонежском, который в Смутное время «*Французов от Лавры молитвой прогнал. / По смерти своей чуда совершал*». Воспевая подвиги праведного воина Фёдора Ушакова, который одержал победу в 43 морских сражениях и не потерпел ни одного поражения, не потерял в боях ни одного корабля, и ни один из его подчинённых не попал в плен, Юрий Богданов, отмечая знаменательный факт Русской истории: «*Подписан с османцами жёсткий Трактат: / Крым на века закреплён за Россией*», поражается ещё одному малоизвестному факту из жизни флотоводца, сумевшего «*матросов от смерти оградить*»:

*С молитвой умели врага побеждать
Не только в боях за свободу России!
В Херсоне чума всех нещадно «косила»,
Но Фёдор готов ей сражение дать.*

Поэт не искажает исторические события, в которых скрупулёзно описывает такой значительный для православного люда факт, как выборы Патриарха Тихона: «*Но из троих кандидатов вслепую / Жребий решит за всех волю святую*», не обходит острых углов и отбрасываемых ими теней. Поэтому в венке «Княгиня Ольга» отмечен страшный эпизод:

*Сватов древлян заманила на двор, –
С лодкой живыми их закопала...*

Как проникновенны строки из описания гибели Бориса и Глеба: «*Брата добить приказал окаянный: / Крови алкал, аки бешенный волк*», или подлое убийство князя Андрея Боголюбского: «*Шайка убийц по жены науценью / Ночью вломилась в дворцовый придел*».

Корона венков сонетов поражает своим образным единством, отличается высокими художественными и духовно-эстетическими свойствами:

Под образом Спаса вступили войска
На поле, что люд называл Куликово.
Двигались тучей монголы сурово:
Назад хода нет – вода глубока.

В железной броне богатырь Челубей
И схимонах Александр Пересвет
В поле сошлись, словно темень и свет.

Трава почернела и солнце над ней –
В Лавре дрожали зажжённые свечи:
И началась Куликовская сеча.

В этом творческом восхождении раскрывается для поэта роль и место человека на земле. Не будет преувеличением сказать, что это творение уникального мастера, это плод, говоря словами великого Пушкина: «Ума холодных наблюдений / И сердца горестных замет».

Русский поэт, литературный критик М. Волошин говорил: «Мы здесь на земле вовсе не для того, чтобы отвергнуть зло, а для того, чтобы преобразить, просвятить, спасти зло. А спасти и освятить зло мы можем, только принявши его в себя и внутри себя, собою его освятив». Юрий Богданов тоже в этом убеждён, поэтому говорит словами Сергия Радонежского: «...Надо за Божие дело нам братья – / Не затаив на злотворных обиду», и понимает Преподобного Серафима Саровского, который простил искалечивших его разбойников, потому, что «...Не имел по Евангелию права / Поднять на губителей смертный топор». Поэтому в венке, посвящённом князьям Борису и Глебу, поэт, не оправдывая совершённое злодеяние, тем не менее, произносит слова примирения:

Стало примером для русского люда
Непротивление подлому злу.

Живопись и пластика образов у Юрия Богданова проявляются через специфику использования эпитета. Эпитет у поэта вмещает образную полноту ассоциаций, становится осязаемым, конкретно-личностным – имеющим своё внутренне бытие: «таинственный век», «дедовская вера», «старопржежные дали», «дикая смерть», «горная мысль», «чёрное солнце», «тмутёмные сражения», «колкая позёмка», «трусливая гнусь», «железная рука», «бронированный марш», «сердечная стынь», «смертный плач», «подлая ловкость», «пламя земное», «унизительный кныр», «призрачная марь», «огненная смерть», «занебесная суть», «тлетворные радости», «гиблые страсти», «тёмная будущность», «небесная тропа», «небесный глагол».

Он насыщает поэтическую речь архаизмами, диалектизмами: «огнь», «ворожья угроза», «велико вольны», «наследный бастард», «чёрные люди», «глаголити», «загоил раны», «завсе», «В храме ношашеся сюду и сюду...», «не хочу», «се привилось», «лепота», «россов питомцы», «майны Чудского», «обольстиша», «восхотел»; церковнославянской лексикой, придающей фразе торжественность: «Эти поступки оправданы Богом, / Не Саваофом – бездушным Сварогом...»; «Володимир иде на тя, / Пристраивайся противу битися...»; «Господь, сотворивый землю и небо, / Призри на новыя люди сия, / Дажь веру им, как небесного хлеба...»; «Се есть Христос, искусивший меня...»; «Архистратига небесная рать».

Кроме эпитетов, словесная ткань его стихов вобрала в себя фольклорные и развёрнутые метафоры, народные сравнительные обороты: «слух растекался, как чёрная лава!»; «пепел на жемчуге, как седина»; «и прегрешения станут золой»; «скопища злых языков»; «лязги мечей, словно скрежет зубовный»; «слезинка свечи вековой»; «И Александр “неверному краю” / Копьём на челе смог печать возложить»; «на теле Державы Орда, как рубец»; «ветер эпохи», «вырвал из сердца сомненья стрелу»; «грехи улетали, как воронов стаи»; «Одежды больных полоскал южный ветер, / Палатки съедал очистительный дым»; «русские пушки на весь мир басят»; «на перекрёстках жестокого века».

Истинный талант поэта-новатора сказывается в словотворчестве. Поэтому по всему тексту рассыпаны различные сложные слова, уменьшительно-ласкательные суффиксы: «младенчики», «витязи-други», «Новгород-воин», «бездуховно-безбожный», «церковь-семья», «пустынножителство», «нет ни водицы, ни хлеба краюхи», и др.

Но главное то, что его сонеты написаны простым и ясным языком. Подумаем: почему человек независимо от возраста тянется к сказкам, народным песням, пословицам и поговоркам? Прежде всего, потому, что народное творчество несёт в себе многовековую мудрость, свет идеала, что оно укрепляет нравственные силы человека, чувство прекрасного. То же можно сказать и о поэзии Юрия Богданова: она возвышена до высокой простоты народного искусства и адресована людям. Думается, что эти слова легендарного Александра Невского известны с детства каждому русскому человеку:

В сече за Русь каждый мне кровный брат.
Слышит он глас: «Кто с мечом к нам придёт –
От меча и погибнет».

А слова Серафима Саровского слышатся, как народное предание, для которого характерно повествование от третьего лица, когда действие отнесено к прошлому, и рассказчик не является очевидцем событий, но поэт там, рядом с «великим прозорливцем»:

Сею всю данную Богом пшеницу
На благодарной земле и песке,
Сею на камне Божьей десницей...

Юрий Богданов в этой значительной работе, уникальной по исполнению, явил себя тонким стилистом. Стихотворные формы являются для него способом передачи духовной информации. Язык его разнообразен с тяготением к высокой лексике, восходящей к молитве, как, например, в думах князя Владимира, прародителя духовности русичей: «Общая вера – Державы оплот!» или «Господи, наши молитвы услыши / Да сохрани православный народ». Преподобному воину Фёдору Ушакову «приверженность к вере отцов»

Давала уверенность в будущей жизни:
Служить всегда с честью любезной Отчизне,
Родину чтить, словно Божью святыню...

В венке, посвящённом князю Андрею Боголюбскому, при котором Владимиро-Суздальское княжество достигло значительного могущества и было сильнейшим на Руси, а впоследствии стало ядром современного Российского государства, Юрий Богданов восклицает:

*Русь Божья Матерь взяла под покров –
И воссиял в сей земле свет Христов.*

Юрий Богданов – выразитель растущего из земных глубин древнего народного творчества. Вполне естественно то, что характерной особенностью Короны является контаминация образов и понятий, восходящим к традициям православия. Поэтому для автора очевидно: «Если власть не от Бога, – / Русь заплутает в языческой мгле»; «Вовек не покинет Спаситель того, / Кто мир сей оставит ради него»; «Тем, кого Бог приглашает на пир, / Знать должно Новый Завет и Псалтирь». В третьем венке, посвящённом князьям Борису и Глебу, поэт от имени пращуров восклицает:

*Но предавать веру в Бога нельзя –
Се с колыбели доподлинно знали
Пахарь, дружинник, чернец и князь.*

Важнейшая черта поэтики Юрия Богданова – обращение к традициям *духовной поэзии*, где слово «верить» играет ключевую роль, как у С. Есенина в его маленькой поэме «Певущий зов»: «Кто-то учит нас и просит / Постигать и мерить. / Не губить пришли мы в мире, / А любить и верить». Мотивация духовного человека определяется ощущением сострадания к людям. Решение стать совершенной личностью ради счастья всех людей – вот, что находится в основании мотивации подлинно духовного человека и определяет его реальное поведение. В тексте произведения этому множество примеров: «Тени сожжённых вовек не сгорят / В Храме Христа в тихом свете лампад»; «Жить друг для друга – это отрада»; «Божия вера без дела мертва». Описывая житие князя Андрея Боголюбского, поэт показывает неразрывную связь между молитвой и верой:

*Был по молитвам сердечным угодным
И воплощал в жизнь духовную цель.
.....
Вера в Спасителя преодолеть
Может болезнь да телесную смерть.*

Александр Невский разбил тевтонцев не только умом и военной силой, но и силой духа, и, может быть, это главная сила русского воинства в жестокой сече:

*...Бог прославил угодника Божия,
Вороги русский народ не стреножили,
И по сей день он духовно богат.*

Заканчивая рецензию, надо сказать, что вот уже более двух столетий живёт сонет в русской поэзии. Есть некая магия в этой, вроде бы случайно возникшей, форме, которая продолжает увлекать и поэтов, и читателей. Сонет непросто, но гармоничен, классически ясен и требует, как вообще настоящая поэзия, таланта, вдохновения, значительности мысли и безупречной техники владения стихом.

Поэтика Юрия Богданова – это и есть, прежде всего, поэтика мысли и естественности интонаций. В поэтической строке слова плотно прижаты друг к другу, логика мысли и логика ритма взаимно друг друга дисциплинируют. Его поэзия – похвальное слово миру, истории, языку. Не будет преувеличением сказать, что поэт Юрий Богданов достойно продолжает великие русские традиции и своим творчеством дарит читателю всю прелесть классического сонета и больших поэтических форм на его основе.

ПРОЗА

Александр ЮДИН

Дама червей

*Червовая дама означает трагическую перемену.
Старинная гадательная книга*

Однажды вечером в дом к пенсионерке Анне Федотовне Червонной постучали. Шаркая валяными чунями, старушка вышла в сени.

– И кто там? – спросила Анна Федотовна.

– Следственный комитет, откройте!

«Какого лешего?» – пробормотала пенсионерка, отворяя входную дверь.

– Старший следователь по особо важным делам Иван Германович Нарумов, – представился сухопарый мужчина лет тридцати-тридцати пяти и показал удостоверение. – Разрешите войти?

Тщательно изучив документ через круглые бифокальные очки с диоптриями, Анна Федотовна молча провела незваного гостя в комнату.

– А что, бабуся, – спросил следователь, похозяйски усаживаясь за покрытый бумажной скатёркой стол, – чайком не угостите? С самого утра, как говорят, на ногах...

– Вишь, чего захотел! – плаксивым голосом отвечала старуха. – Нет у меня чаю и ничего такого, и печь не топилась сегодня. Говори, зачем пришёл, а то мне недосуг.

– Ладно, гражданка Червонная Анна Федотовна, – перешёл на официальный тон Нарумов, – она же Анна Сидоренко, она же Элла Гогенцоллерн, она же Людмила Помидорова, она же Изольда Большова, она же Дама червей. Так?

Старуха сложила руки на груди и, ни слова не говоря, уставилась на гостя. В её мутном взгляде не отражалось ни волнения, ни страха.

– Сводня, воровка, неоднократно судимая, на левой руке наколка в виде червовой масти и надпись «Regina»... Кстати, это ведь означает «Королева»?

– Она самая, – выдержав паузу, обронила Анна Федотовна.

– О! Вы бы присели, Ваше величество, разговор у нас, боюсь, выйдет долгим.

Александр Юдин – 1965 г.р., москвич. Публиковался в журналах «Изыскания словесности», «Полдень XXI век», «Полдень» (СПб), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Бельские просторы» (Уфа), «Север» (Петрозаводск), «Сура» (Пенза), «Юность», «Знание-сила: Фантастика», «Наука и жизнь», «Искатель», «Мир Искателя», «Наука и религия», «Тайны и загадки», «Ступени», «Хулиган» (Москва), «Шалтай-Болтай» (Волгоград), «Космопорт» (Минск), «Я» (США), «Edita» (ФРГ), и др., а также в сборниках «Настоящая фантастика-2010», «Настоящая фантастика-2011» («Эксмо»), «Самая страшная книга-2014» («АСТ»), и др. Автор романов «Пасынки бога» («Эксмо», 2009) и «Золотой лингам» («Вече», 2012, в соавторстве с С. Юдиным).

Живёт в Москве.

– Не об чем мне с тобой говорить, барбос. Своё я давно отбарабанила. А нового за мной ничего нету и быть не может. Выкладывай, чего хотел, да и лети себе на все четыре...

– Ошибаетесь, Анна Федотовна, – заявил следователь, достав из портфеля и кидая на стол пухлую папку-скоросшиватель, – тема для разговора имеется. Но вы правы, ваши текущие прегрешения меня мало волнуют. У меня до вас интерес иной... личный.

Он раскрыл папку и принялся листать какие-то документы, искоса поглядывая на старуху. Та тяжело опустилась на продавленный диван и наблюдала за ним с прежним равнодушием.

– Видите ли, Анна Федотовна, я уже не первый год работаю над кандидатской диссертацией. При моей должности учёная степень очень способствует продвижению по службе. Так вот, в этой связи мне приходится изучать массу старых давно забытых дел и документов. И знаете, порой, попадаются весьма любопытные! Как-то раз в архиве нашей областной прокуратуры я наткнулся на уголовное дело за 1961 год, фигурантом которого являлась девица двадцати трёх лет Анна Сидоренко. Она проходила по делу как содержательница притона и фактический главарь воровской шайки. Это в двадцать три года! Понятно, меня заинтересовала столь харизматичная особа, я увлёкся и тщательно изучил все материалы. Персонаж оказался и впрямь колоритнейший. Красавица-брюнетка крепко держала бразды правления целой шайки. Матёрые, прошедшие огонь и воду воры слушались её беспрекословно. Погоняло у этой самой притоносодержательницы тоже было примечательное – Дама червей, вероятно, из-за наколки на левой руке. Но меня больше заинтересовала другая её особая примета: большая бурая буква «У» на правом предплечье. Дело в том, что моя диссертация посвящена различным способам идентификации преступников в российской уголовно-исправительной системе, начиная с времени восшествия на престол Иоанна IV и вплоть до наших дней. Поэтому мне хорошо известно, что с 1691 по 1863 год в качестве одного из таких способов применялось клеймение. Однако единообразные клейма ввели лишь в 1840 году, а до того за каждое преступление полагалось особое клеймо. И хотя клеймили только мужчин, для убийц делалось исключение – душегубов обоёго пола «пятнали» литерой «У», причём именно на правом предплечье... Вам не интересно?

Старуха безучастно молчала.

– Дальше будет интереснее, вот увидите. В XVIII веке клеймили так: палач накладывал на нужную часть тела пластинку с иглами и ударял по ней деревянным молотком, а потом втирал в рану чёрный порошок. Порошинки глубоко проникали под кожу, поэтому такое клеймо невозможно было ни удалить, ни обесцветить – оно оставалось навсегда. Именно порошок придавал клейму характерный бурый цвет. Но, как я точно знал, с начала XIX века вместо пороха стали использовать высушенную смесь охры и чернил. Откуда же, подивился я, у этой Червовой Дамы взялось клеймо двухвековой давности?

Любопытство моё ещё больше разыгралось, и я стал искать другие дела, где бы фигурировала осуждённая с аналогичными приметам. И нашёл! Аж два дела: за 1977 и 1982 годы. Скупка краденого, сводничество, воровство – те же привычные составы. По каждому из дел Червовая Дама, понятное дело, проходила под иным именем и фамилией, но совокупное наличие двух упомянутых мною особых примет – наколки червовой масти и старинного порохового клейма убийцы, а также совпадение антропологических характеристик

позволяли с уверенностью допустить – речь идёт об одной и той же особе... А дальше пошли несостыковки. По делу 77 года возраст осужденной Людмилы Помидоровой определён в 25 лет, хотя, если она и Анна Сидоренко одно лицо, ей бы должно было стукнуть 39. Ладно, думаю, паспорт-то поддельный. Можно же и в 39 на 25 выглядеть, чего не бывает? Но и в деле за 82 год возраст квартирной воровки Изольды Большой, обчистившей хату одного теневика – опять двадцать пять! Согласитесь, сложновато сорокачетырёхлетней матроне изображать из себя двадцатипятилетнюю девушку. Что за петрушка?

Я отыскал ещё несколько дел за разные годы, где фигурировала гражданка с теми же приметам и антропологическими данными, но возраст её опять же ни с чем не коррелировался. Обнаружил даже дореволюционное дело, помнится за 1901 год, об ограблении и убийстве одного купчика. У проходившей по нему наводчицы, мещанки Эллы Гогенцоллерн, вновь зафиксированы те же приметы! И червонная масть на левой руке, и буква «У» на правом предплечье. Чертовщина какая-то! Ведь тогда вас, Анна Федотовна, и в природе ещё не могло быть. Что скажете?

Старуха лишь пожевала бескровными губами и, полуприкрыв глаза, принялась покачиваться направо и налево. Казалось, она вот-вот уснёт.

– Ладно. Прошло время, и я почти забыл об этой загадочной чехарде с возрастными и приметам. Как вдруг однажды – я тогда подбирал нужные для моей диссертации материалы в Государственном архиве древних актов – среди бумаг Сысского приказа, который в XVIII веке занимался розыском по делам о богохульстве, расколе и волшебстве, попалось мне на глаза дело аж за 1740 год. Оно касалось подьячего Андрея Безобразова, но вместе с ним проходила мещанка Анисья Фёдорова, обвинённая в отравлении посредством волшбы и заговора крестьянина Якимя Сыромятина (кстати, доносчика по этому делу), а также в хранении старопечатного Часослова и, среди прочего, в том, что варила для своего полюбовника Безобразова некое снадобье бесовское, обозначенное в материалах дела как зелье «вечного живота», то бишь вечной жизни. Подьячий, между прочим, был оправдан, причём, по всей видимости, стараниями любовницы, а вот саму Анисью приговорили к смертной казни. Но в последний момент сняли с плахи, «запятнали» литерой «У» и сослали в каторжную работу. А когда я прочитал, что у этой самой Анисьи на левой руке имелась хорошо знакомая мне татуировка в виде красного сердца и надписи «Regina», в голове у меня что-то щёлкнуло. Ведь если допустить, что этой самой ведьме Анисье Фёдоровой и впрямь известен рецепт вечной жизни, тогда становится понятна вся последующая неразбериха с возрастными. Ну что, Анна Фёдоровна, угадал я?

Пенсионерка по-прежнему сидела, беззвучно шевеля губами и покачиваясь, словно в трансе.

– Будете и дальше в молчанку играть, гражданка Червонная? Не советую.

– Чего ты хочешь-то от меня, голубь? – нехотя спросила бабка.

– Эликсир вечной жизни, разумеется, – поднял брови следователь, – чего же ещё?

Старуха издала схожий с кашлем смешок:

– Перезанимался ты там в своих архивах. Тебе бы не эликсира, а капелек каких успокоительных.

– Зря вы так, – покачал головой Нарумов, – я ведь могу вас привлечь к ответственности.

– Это по какой же статье? – прищурилась Червонная. – Нет, не страшно. Вали-ка ты отсель, мусорок, я за свой век пострашнее тебя дознагчиков видывала.

– М-да... и думаю, не за один, – пробормотал Нарумов. И вдруг, резко вскочив, выхватил из-под пиджака пистолет «Макаров» и направил на старуху.

– Так я ж заставлю тебя, старая ведьма!

– Ох, ох, боюсь! – подняла руки Червонная, как бы заслоняясь от выстрела. Но тут же снова зашлась кашляющим смехом: – Опять не страшно. Застрелишь меня? А что это тебе даст? Ещё и в тюрьгу загремишь. Как пить дать.

– Попробовать всё равно стоило, – пожал плечами Нарумов, пряча пистолет обратно в наплечную кобуру. – Послушайте, Анна Федотовна, давайте по-хорошему. Ведь вы можете сделать меня счастливым, и это ничего не будет вам стоить. Для кого вам беречь свою тайну? Ни внуков, ни других родственников у вас нет, я проверял. А я человек энергичный, неглупый и знаю цену жизни. Уж я бы сумел распорядиться вашим эликсиром. Ну!..

Старуха покачала головой:

– Мотай, говорю, подобра-поздорову, откуда пришёл. Пошутил и будет.

– Этим не шутят, – зло возразил следователь. И вдруг рухнул на колени: – Откройте мне вашу тайну, бабушка! Если она сопряжена с какой-нибудь чертовщиной, с дьявольским договором, я готов взять грех ваш на свою душу. Умоляю вас как родственник!

Лицо старухи впервые выразило заинтересованность.

– Это какой такой родственник? – спросила она.

– Кровный. У Анны Сидоренко, она же Дама червей, с которой я начал разговор (это ведь были вы, признайтесь?) на воле остался сын Герман, по слухам родившийся от какого-то иностранца. После её осуждения, мальчика сдали в приют, а когда Анку лишили материнских прав, ребёнка усыновили бездетные супруги Нарумовы. ...Этот Герман – мой отец. Так что я прихожусь вам внуком... Бабуля!

– Вот с этого бы и начинал, а то пистолетом грозить... Выходит, ты мне родная кровь? Это меняет дело.... По правде-то, я сама пыталась сыскать кого-нибудь из родни, секрет свой передать. Много лет искала, да всё без толку. И вовсе уже уверилась, что последняя я в своем роду... Батю твоего я от одного западного немца прижила, во время Всемирного фестиваля молодежи в 57 году. Потому и Германом назвала. А ты, значит, сын его? Вроде, сходится все... Что ж, угадал ты, внучек, знаю я тайну великую «вечного живота». Самой-то мне она ни к чему – пожила довольно, пора и честь знать. Да и умаялась за четыреста годков, покоя хочу. Вечного.

– Так вам четыреста?! Я думал только двести семьдесят.

– Даже чуток поболее – я ещё князя Пожарского помню, того самого, что с Кузьмой Мининым ляхов из Москвы прогнал. Меня тогда тоже едва не порешили. Ну, не про то речь... Значит, внучек, хочешь ты вкусить моего зелья «вечного живота», жаждешь, стало быть, жизни вечной?

– Жажду! Жажду, бабушка! – вскочив со стула, воскликнул Нарумов.

– Добро. Так слушай: «вечный живот» это... холодец.

– Хо... холодец? В смысле, студень? Вы издеваетесь что ли?!

– Так ведь непростой холодец, милок, а особенный. В рецепте секрет.

– Ингредиенты что ли нужны какие специальные?

– Вот, вот, ингредиенты, это ты правильно сказал, – закивала старуха. – И ещё особый ритуал требуется соблюсти.

– А потом что с этим холодцом делать? Есть? – недоверчиво спросил Нарумов. – Так просто? И я, поев вашего студня, стану жить вечно?

– Я ж тебе толкую – в рецепте секрет. И в способе приготовления. Так что не всё просто. А как съешь, да – полвека молодым будешь, без старости. Но через пятьдесят лет надо повторить, иначе снова примешься стареть. И быстро.

– А я? Сам я смогу приготовить этот холодец по вашему рецепту?

– Куда тебе! Но не кручинься, мы его с тобой вместе сготовим.

– Когда?

– А прямо сейчас и сварим. Чего тянуть? – заявила Червонная, поднимаясь с дивана. – Ну, пошли во двор. Там у меня холодный погреб – ледник, сейчас в него спустимся...

– В погреб? – нахмурился следователь. – Зачем?

– А из чего я холодец стану варить? Из топора? А там у меня всё уж припасено: и окорок десятилетней выдержки, и ножки свиные, и лягухи солёные и эти... нетопыри сушёные, ну и ещё кой-чего. Пошли!

Анна Федотовна отвела Нарумова в самый конец огорода, где возвышался небольшой холм с дощатой дверью.

– Вот он мой ледничек, – показала старушка. – Спускайся первым, да свет там включи, а то я, не ровён час, кувырнусь в потёмках. Да подай мне вон тот полешек... Да, да этот.

Следователь распахнул грубо сколоченную дверь, и в лицо ему повеяло прямо-таки могильным хладом. Он наклонился, чтобы пролезть в низкий лаз, но в тот же миг получил сильный удар по затылку и кубарем скатился по крутым земляным ступенькам вниз ...

Очнувшись, Нарумов увидел над собой бревенчатый потолок; он со стоном покрутил головой: стены помещения были обложены кубами речного льда. Нарумов попытался приподняться, но не смог двинуть ни рукой, ни ногой. Оказалось, он лежит на чём-то вроде большого тележного колеса, к ободьям которого накрепко привязаны его запястья и щиколотки. Что за дьявол!

– И-и! Не рыпайся, фраерок, – раздался позади него голос Анны Федотовны. – Даже не пробуй.

– Вы с ума сошли! – закричал следователь. – Развяжите немедленно! Ну! Да я вас...

Старуха Червонная склонилась над ним и грубо затолкала ему в рот, по самые гланды, какую-то вонючую тряпицу.

– Это ты, видать, вовсе малоумный, – насмешливо произнесла она. – Тебе бы опречь, щенок, подумать, отчего я, владея секретом вечной молодости, в старухах хожу. Ну, ничего, сейчас растолкую.

Старуха прошла в тёмный угол и завозилась там, загремела чем-то железным.

– Ага. Сгодится... Ну, слушай. Про холодец я тебе правду сказала. Только не всю. Холодец тот не из свиньи варить надо, а из человечины. И не всякий человек для «вечного живота» годится, а только кровный родич. Так-то! Скумекал? Чего ты там мычишь? Ничего не разберу. Ладно, слушай дальше. За четыре века я, почитай, всю родню свою извела – всех сожрала. Думала, конец мой настал... А тут ты, внучек ненаглядный, нарисовался! Вот подфартило, так подфартило. Я тебе сначала ручки-ножки поотрубаю, а после и

голову. А больше мне ничего и не нужно. Ливер свиньям отдам – они схарчат за милую душу, а прочее в огороде закопаю. Эх, наварю себе холодца и снова на полвека молодницей стану! Силы, правда, у меня не те, что прежде, так что потерпи – рубить стану долго. А анестезии у меня, хе-хе, нет, уж не обессудь, сударик мой. Да и нельзя её использовать, анестезию-то. Боль, она химический состав мяса меняет нужным образом... Ферштейн, как твой дедушка говаривал? Что же, внучек мой сладенький, начнём, помолясь.

И Дама червей тяжело замахнулась ржавым колуном...

ПОЭЗИЯ

Галина БУЛАТОВА

Галина Булатова – родилась в г. Горьком, окончила Куйбышевский институт культуры. Автор книги стихов и поэтических переводов «Сильнее меня» (2017). Лауреат международного поэтического конкурса Премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия» (2015, 2018). Победитель и призёр ряда конкурсов поэтического перевода. Стихи и переводы публиковались в журналах «День и ночь», «Юность», «Новая юность», «Сетевая словесность», «Зарубежные задворки», «Новая реальность», «Истоки», «Русское эхо», «Аргамак. Татарстан», «Идель», «Казанский альманах», «Нижний Новгород», «Дальний Восток». Член СРП. Стихи переведены на сербский язык. Работает литературным редактором журнала «Идель».

Живёт в Казани.

«Я верю: всё будет в порядке...»

Пушкин

Вольной русской речи
Катится река.
Александр Сергеич,
Я – издалека.

Знаю из рассказов,
Писем и картин:
Вы – голубоглазый
Смуглый господин.

Воспеватель воли
И дитя до слёз
В русом ореоле
Вьющихся волос.

Пишут, что не шибко
Рослый – пять вершков.
Но хронист ошибся:
Вы на сто голов

Выше даже века,
Смявшего звезду...
Вот сирени ветка,
Как у Вас в саду.

Та же шевелюра
Буйного цветка,
Вашего прищуря
Свежая строка.

Стало быть, пригожий
Этот райский сад
Оказался горше,
Чем Дантесов ад.

Не сломала срока
Магия камней:
Подчинились року
Ваши семь перстней.

Там, от Чёрной речки,
Обжигая лёд,
Вольной русской речи
В жилах кровь течёт.

Блаженная мати Матрона,
В платочек упрятав чело,
Сидит за тетрадкой влюблённо,
Не видя вокруг ничего.

Февраль застегнётся – и выйдет,
А март распахнёт облака, –
Она ничего не увидит
В содружестве стен-потолка.

Но что там, на доньшке глаза,
Ни ты не ответишь, ни я.
Ползут по стене метастазы,
И блюдца в серванте звенят.

Окликнет чужое пространство,
Накроет её с головой, –
Испуганной птицей прекрасной
Ложится она на крыло.

Ах, мама, не дай им ответа,
Не верь чужеземцам, не верь, –
Уже вышивает на ветках
Пасхальницу новый апрель.

И будет яичко к обеду,
Кулич и тепла благодать.
А я непременно приеду...
Чтоб вскоре уехать опять.

Я верю: всё будет в порядке,
Как прежде, от сих и до сих,
Пока ты рисуешь в тетрадке
Молитвы о чадах своих.

Сызрань

Сызрань – сыздавна, сызмала, сызнова...
Деревянное кружево крыш...
Кисть берёзы окошки забрызгала,
У которых с восторгом стоишь –

Человечишко перед вершинами –
Лепотою высокой объят.
Бирюзовая арка с кувшинами,
Где бывшее, как вина, хранят.

Сызрань – сызнова... Бросит украдкой
В Крымзу солнце – сверкают круги –
И протянет с кремлёвской печаткою
Пятиречье, как пальцы руки.

Сызрань – сыздавна, сызмала, сызнова
Белой птицей уходит в полёт
И, мелодию вечности вызная,
На земле в красном камне поёт.

То светло, виновато печалится,
Не скрывая морщин на челе.
И берёза в окошке качается:
Удержись, утерпи, уцелей!..

Жив лишь только молитвами деревца
И, быть может, отвагой своей,
Там балкон до последнего держится
С благородством купецких кровей.

Симбирск

Сим-сим, откройся!
Ларцом Владимирского сада
с его златоволосой нимфой
в неспешном шелесте фонтана.

Води мостами, как смычками,
звучи виолончелью Волги!
Вчера ли в кружеве ранетка
с тобой стояла под Венцом?

Катись, свияжское колечко,
тори причудливое русло,
вдевай – мостам на удивленье –
фату тончайших облаков.

Весь день бродить по разноцветным
половичкам сплетённых улиц,
ах, загляжусь – коньки резные
летят под дугами крылец!

Симбирск, откройся!
Щеколдой двери деревянной,
ключом, оброненным Маришкой,
скользнувшем в лоно подземелья...

И честной карамзинской музой,
и русской мыслью Гончарова,
и одному тебе присущей
мемориальностью имён.

Но сколько света и надежды
у птицы Спасо-Вознесенья,
у пьющих небо голубое
золотоклювых куполов!

Ты знаешь, Нижний стоит мессы,
как возвращения – гнездовье.
Я полюбила эту местность,
как птица, первую любовью.

«Я отыскала первослово...»
у стен макарьевского храма,
я полюбила этот говор
(он до сих пор остался с мамой).

Там бродит время тихой сапой,
и молоко в подойник брызжет,
там живы дедушка и папа,
и тётя Настя с дядей Гришей.

Они идут из комнат, с лестниц,
глядят с портретов, не мигая,
они поют, и в этой песне
Ланцов из замка убегает.

Глухою керженской тропую
они уходят без оглядки,
оставив мне нести с собою
их вздохи, письма и тетрадки.

Всё глубже след и тень длиннее,
пищу в анкетах: *город Горький*
и не могу уйти с линейки
у обелиска на пригорке.

Время синих стрекоз

Там, куда я навскидку,
ерундой забрела,
синий мостик раскинул
два речные крыла.

Речка, речь волопаса,
ты впадаешь куда?
Впасть в наивность и пафос –
небольшая беда.

Это счастье: разиней
на неспешном ходу
оказаться на синем
стрекозином мосту,

где и полдень высокий
к водной глади прирос,
где течёт над осокой
время синих стрекоз.

Рассказы

Смерть Кондрата

С тех пор, как не стало Серафимы, убедился в никчёмности утюга... Серафима не любила теперешних легковесных и по старинке держала в хозяйстве тяжёлый матушкин, на угольях. Пусть простит меня Сима... приладил его в погреб вместо гнёта в кадушку с огурцами.

А нынче незадача получается. Тот самый случай, когда утюг позарез нужен. Каждый год числа пятого-шестого мая собираются у обелиска на митинг. Все как есть... от мала до велика. Как же в такой день и без нас? Без меня, Кондрата, без двух друзей моих – Миколы и Тихона? Как записались добровольцами в начале войны, так бок о бок до самого Рейхстага пёхом... до последней минутки...

Не стало на деревне нашей фронтовиков... ушли один за другим. Только мы, три кряжа, и остались. Может, потому и коптим ещё небушко, что всегда горой друг за друга: и под пулями, и хату поставить пособить, и бакшу вспахать.

Вчера вот Тишина Петровна причепилась, занеси да занеси рубаху. Выглядит, мол. А то как же на такой праздник да в мятой?

Чего утруждать? Пусть Тихона своо обряжает. Сам справлюсь. Нехитрое дело... Утюг Петровна всучила. Полочки потру, а со спины и не видать – костюм надену.

Костюмчик у меня, конечно, знатный... Спасибо Ивану, сынку. Почитай, лет пятнадцать костюму-то? А то ещё поболее... Приехал как-то в отпуск, подарки выкладывает. Матери, Серафиме-то, – шаль закудрявистую пуховую – носи, не жалей. Сестре Людке – отрез букетистый крепдешинный на платье. А мне – этот самый костюмчик. «Негоже, – говорит, – фронтовику, да с тремя орденами Славы, кой в чём перебиваться. Примерь-ка, батя!»

И надо же – в пору, как по мне шит! Сразу по душе пришёлся: иссиня-чёрный, в тонкую полосочку... А сын: прими, мол, от шахтёра-орденоносца. Он тогда уже орден Трудового Красного

Татьяна Ивановна Грибанова – родилась в деревне Игино на Орловщине. Окончила факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института. Работала преподавателем иностранного языка. Автор четырёх поэтических книг «Апрель», «Процённый день», «Сказ о Судбищенской битве», «Соль», книги деревенских рассказов «Лесковка» и книги лирических очерков «Колыбель моя посреди земли». Печаталась: в журналах «Наш современник», «Родная Ладога», Роман-журнал «XXI век» и др.; на сайтах: «Росписатель», «Великороссы», «Камертон», «Русское поле», «Славянские традиции», «Славянская лира» и мн. др. Член Союза писателей России. Лауреат многих литературных конкурсов.

Живёт в Орле.

Знамени имел... И обувку мне справил. Премию получил... Как он там теперя? Почтальонша чтой-то не заглядывает. Дошла ли посылка-то? Как Тихон увидел его по телевизору у шахт на голодовке, притопали с Миколой ко мне тут же. Сидят, мол, горняки, касками об асфальт бьют, порядку требуют.

Собрали мы им посылочку... Всё домашнее: сальца, самосадику, первачку (не без этого) в бутылку из-под «Буратины» накапали. Петровна сушки какой-то насыпала, лепёшек наварнакала – в общем, по-свойски. И записочку прописали: «Держитесь кучнея, мы с вами. Кондрат, Микола и Тихон».

Ну вот... Рубаха на загляденье... Обувку ещё вчера надраил... Сима не преминула б шпильку вставить: «Аль на Красную площадь на парад нацелился?» А что? Мы ежели втроём... И по Красной пройдем, не стушуемся. Мы ещё о-го-го!

Ах ты, проказница, Жулька! Ты как тут оказалась? Кто тебя впустил? Опять вертушок в сенцах подкусила? Ну ладно уж, коли такая смышлёная, проходи, чего уж там... Только сиди смирно, не шкодничай! Чтой-то ты вторые сутки не отходишь? То тебя не докличишь, а то ластишься, как котёнок. Ай, что у тебя неладно? Не захворала ненароком?.. И ночью спать не давала: то под дверьми скулила, то выть удумала... Накось жамочку. Тиша с району привёз... Мятная... Ешь, не кочевряжься. По нашим с тобой зубам, во рту тает...

Смотри, об утюг обожжёшься. Вот лизнёшь не мою руку, а его... Что я с тобою делать стану? Поди на половичок приляг, жамочку помумли...

Где он тут, костюмчик-то?.. Шкаф мылом земляничным пропах... Сима моли не терпела. Не так свои кофтёнки берегла, как Иванов подарочек, костюм мой парадный. Под праздник, бывало, в саду на сучок повесит, проветрит, почистит... Награды фланелькой, смоченной в конопляном масле, натрёт – горят!

Господи! Да где ж они, ордена-то?.. Замест наград – три дырочки. Куды ж они запропалились?.. Ить я костюм с Симиных похорон не доставал, почитай что год... Сами-то они не сымутся... Кому они нужны?.. Кроме Миколы да Тихона никто и не заходит. А у них и своих хватает. И фронтовые, и мирные... Вот ведь остальные и у меня на месте. А трёх орденов Славы – как не бывало!

Жулька! Беда-то какая! Ну разве ж я фронтовик теперя? Средь мирного дня боевые награды потерял! А ещё думал, перед смертью внуку, сыну Людкиному вручу. Пусть помнит, какой дед у него был, равняется... Род-то наш бравый! У отца мово Георгиевские кресты имелись. В музей на сохранность передал ещё лет двадцать назад. А свои не сберёг... Горюшко-то какое! Как же я на митинг-то? Через час Микола с Тихоном зайдут. Что им скажу?

Чтой-то мне нехорошо, Жулька... жжёт в груди... Ух! Точь-в-точь, как у Сими на похоронах...

Ничего... пройдёт. За час отпустит... Пока побреюсь, оденусь, глядишь, и вспомню, куда ордена запропалились. Память, видно, совсем прохудилась... а штопать уж и некогда... Чужих с поминок не было... последними уезжали Людмила с сыном... Душно было... пиджак я снял... в шкаф повесил... Нет, не помню, чтобы награды прибирал с костюма... Раньше Сима их в шкатулке на Божничке держала... Пустая шкатулка-то...

Что ж так под сердцем печёт? Спасу нет! Счас... счас валидол под подушкой... Мне б только Ивана дожидаться. Обещался по весне подскочить. Холмик осел, пора Симушке памятник ставить... Да и Людмила, может, заглянет...

Ох, и не по нраву мне этот её новый ухажёр. Больно прыток. Дела настоящего мужицкого не знает. «Я – коммерсант», – говорит. Какой ты к такой матери коммерсант? Спекулянт, самый наипервейший. И Людку с панталыку сбивает. Дома баба не живёт, снуёт с сумарями по Польшам-Турциям. Совсем Витьку-сына забросила. За ним глаз да глаз нужен – восемнадцать. Как без пригляду в большом городе?

Просил на лето ко мне спровадить, а она: «Хвосты телушкам крутить? Ему с друзьями тусоваться надо, а тут ни клуба, ни вечеринок, ни молодёжи». Избаловуха растит... Сама к лёгкой жизни тянется и сына туды ж... Боится, как бы дед в деревне малою работой не утрудил, не испортил. Бугай вон какой вымахал, а толку с того?

Муторно на душе... Хотел собрать всех на майские... Может, Иван повлият бы на Витьку. У него-то хлопцы на загляденье: один – подводник, уж майор, другой – строителем будет, университет заканчивает. Правда, Людка и сама особо мало к кому прислушивается. Сколько Иван бился, чтобы образование получила... К себе на Украину забирал. Одевал, обувал... Тогда ещё зарабатывал неплохо... Бросит и бросит учёбу Людка. Похлопочет Иван, опять восстановит... Так и не дотянула до диплома... пустышка... Витьку родила. До школы Сима за им приглядывала, у нас был. Но Людмила наехала, не позволю, мол, чтоб телушкам хвосты крутил. И чего она к этим телушкам привязалась? Вон сколько ребятишек с нашей школы в люди вышло... Нет... Не легчает... И Жулька опять жмётся, скулит...

Ну, вот и нарядился... Только жжёт всё сильнее... как раз под тремя дырочками на пиджаке... А костюм-то выгорел... Там, где ордена были, ткань яркая... Дышать невмоготу...

Пойдём, Жулька, на воздух, под черёмушку... Скоро уж Микола с Тишей подойдут... в голове мельтешат какие-то обрывки мыслей... Не продыхнуть...

Словно из тумана выплывают две сторбленные фигуры... приближаются к лавочке...

Что происходит? Зачем они тормозят меня?.. Почему я не слышу их голосов?.. Рты открывают, будто рыбы... Почему я не чую запаха черёмухи? Тихон плачет... и разом осунулся Микола... Не надо плакать! Мне легче... Я совсем не чую боли. Вот смотрите: встану, и пойдём к обелиску. Там, наверно, уже заждались...

Облокачиваюсь о плечо склонившегося надо мной Миколы, и легко, как в молодости, делаю несколько шагов вперёд. Оглядываюсь... И вижу себя, сидящего на лавочке... в пахнувших ваксой ботинках, в выцветшем костюме. Отчётливо темнеют три дырочки на левой стороне пиджака. Внезапно обостряется слух, и я улавливаю дрожащий голос Миколы: «Кондрат! Как же мы без тебя? Что же ты наделал, Кондрат!» Утирая слёзы рукавом, Тихон садится прямо на землю и всхлипывает: «Очнись же, Кондрат! Надо спешить! Нас ждут... Как они без нас?..»

Я всё-таки умер! Не дождался своих. А ведь как просил Иван: «Крепись, батя, скоро свидимся!» Оказывается, это совсем не страшно: я ещё с вами, я тут. Я вас вижу, слышу, только не могу сказать: «Ну что, старые вояки, распустили нюни? Не к лицу вам это вовсе!» Да, голос пропал, зато слух какой, даже мысли читаю. Вот сейчас Микола подумал: «Всё кончено... Утрись. Надо похоронить как следно».

Через двадцать минут, наносив родниковой воды, Микола с Тихоном раскинули клеёнку в сенцах на полу. Сняв пиджаки и закатав рукава, товарищи обмыли меня. Вода у нас в ключах ледяная, аж до ломоты в зубах, но я совсем не почувал холода. Я уже остываю...

– Надо побыстрее одеть в чистое, – засуетился Микола.

– На нём и так всё чистое... праздничное, – всхлипнул Тиша.

Меня снова облачили в недоглаженную рубаху и в Иванов костюм.

С тех пор, как на фронте осколок задел позвоночник, у меня побаливала спина, а с годами мучения усилились. Когда-то я сколотил из сосновых тесин лежак, военврач предупредила: «Спать на жёстком!» Тихон вспомнил о нём и, вытащив из-под матраца, мужики водрузили щит посередине горницы на табуретки. Застелили покрывалом и уложили меня.

Тиша всё никак не мог связать мне руки на груди. Он постоянно утирался промокшим платком, отсмаркивался. Микола молча отстранил друга и закончил дело. Пока он занавешивал окна, Тихон отыскал в Симином сундуке какой-то чёрный подшалок и прикрыл им зеркало. Микола знал порядок в таких делах. Полгода назад схоронил Пантелееву.

Подойдя к иконостасу, зажгёт лампаду. В солонку насыпал соли и воткнул зажжённую восковую свечу. Покопавшись в карманах, отыскал столик и положил на тумбочку. Тихон, перекрестившись на Божничку, вынул ещё один и положил рядом... Вот ещё удумали! Свои ведь!

Смерть моя за какой-то час состарила и без того немолодых моих друзей. На мгновение они присели... Слышно было, как тяжело вздыхал один, как по минутно шмурьгал носом другой. «Ну, расслаживаться некогда», – скомандовал Микола, и они вышли... Я расслышал, как брякнула щеколда, и Микола сказал: «Я – к Петру, а ты – на митинг». Я догадался: отправился в столярку гроб заказывать. А Тихон объявит сейчас прилюдно о моей смерти... прямо на митинге. Испортит праздник... Ну, такой уж он был всегда, День Победы. И радость, и слёзы вперемешку.

Оставили одного... Как знали... попрощаться без чужих глаз с хатой надо... Всё на месте... Прабабкины иконы в тяжёлых окладах, пожелтевшие карточки в рамках под стеклом, вязаная с голубками скатёрка. Только Симы нет... Теперь и меня не станет... Тишина давит так, что если б был жив, наверно, разболелась бы от её гула голова.

Протяжно завывла Жулька. Её привязали за амбаром, чтоб не мешала, не путалась под ногами.

Послышались шаги, и горница начала заполняться людьми.

Народ, не закончив митинг, потянулся к моей хате. Односельчане входили с зажжёнными свечами, стояли некоторое время, выходили, на их место заступали другие. Старухи расселись по лавкам, помоложе – засуетились на кухне.

Часа через три на подводе подкатил Петро, привёз обтянутый алым сатином гроб. Принесли соломы, разбросали по полу. В гроб уложили тюфячок, тоже набитый соломой. Петровна, покопавшись в Серафиминых ларях, каким-то своим, бабьим, чутьём отыскала всё необходимое. Не могла уйти Сима, не стотовив смертное и для меня. Здесь было и белое церковное покрывало, и образок, и связка восковых свечей, и ещё куча погребальных принадлежностей. Казалось, Сима и с того света волнуется за меня, заботится обо мне по-прежнему.

– Май месяц, а лето летом, – шептались старушки.
 – С похоронами не задержишься. Жара.
 – Ивана бы дожждаться. Людка-то опять в Турциях. Микола до Витьки дозвонился... прибудет.

Ну вот, даже проститься шептунья не явится. Может, хоть Витёк соизволит. Иван, конечно, с женой постарается. Только бы не закопали раньше срока. А с другой стороны – чего теперь меня беречь? Вон как припекает! Будь что будет, терять уже нечего, всё потеряно...

Жаль только, не успел узнать, куда всё ж таки ордена задевались. Как-то нехорошо... Будто я их сам перед смертью от глаз людских спрятал... застыдился ими. А стыдиться мне нечего! Вся жисть перед нашенскими на ладони. И на фронте, Миколай с Тихоном помнят, за мной ничего дурного не водилось. Вшей кормил, грязь хлебал, промерзал до самого сердца, пули не раз ловил вместе с ими...

Прожито много, но как подоспел весна, кажется, всё вот-вот только и начнётся. И жисть будто целая ещё впереди. И помирать страсть как не охотно! Май-то нынче какой! Сады в кипении, год урожайный, должно, будет. Эх, пожить бы! Ну, ещё хоть годок-другой. Пусть даже печёт в груди и темнеет в глазах, всё равно – жить!

Проснуться от крика петушиного, от тьяканья Жулькиного, выйти с крыльца, вздрогнуть от утреннего холодка, пофыркать рукомыником, согнать Зорьку в стадо. Да мало ли что ещё! И желания-то самые простецкие: пройтись с литовочкой по лугу росному, подышать цветом липовым, хрумкнуть яблочком яровым.

Писал же мне Иван: «Сходи к медичке. Пусть от сердца чего-нибудь пропишет». А что ходить-то? На девятый десяток перевалило... Видать, срок подоспел... Чего зазря лекарства изводить?

Давно в моей хате не было столько народу. Как дети разлетелись, мы с Симой словно осиротели, даже говорить стали вполголоса. Да нам и говорить не надо, с полвзгляда друг друга понимали, с полнамёка.

Вошла Никаноровна. Бабки потеснились, уступили местечко поближе к гробу. Никаноровна раскрыла «Псалтирь» и забубнила по привычке себе под нос. Никто на деревне не знает, сколько ей лет. Я ещё мальчонкой бегал, а уж она и тогда старухой была. Церкви у нас нет, потому и батюшки нет, отпевать некому. На случай похорон призывается Никаноровна со своей древней, как и она сама, «Псалтирю». Коли вздумает кто подтрунить над бабкой: мол, когда сама помрёшь, кто ж тебя, старая, отпевать станет? – на это заготовлен у Никаноровны ответ: «Не дождесси!» Назначенную самой себе службу старушка справляет добротнo. Знает, когда в течение ночного бдения разрешается покемарить, когда перекусить не помешает, когда свечки зажечь, когда погасить. На неё полагаются, и установленные ею порядки принимают за церковные.

Никаноровна прервала чтение, вспомнив о чём-то, всплеснула руками, мол, нехристи вы, нехристи, и приказала задвинуть Симины фикусы куда подальше – не место живым цветам у гроба.

Микола помогает бабам по хозяйству. Тихона спровадил в район за провизией и в военкомат за оркестром. Похороны будут скорые, на завтра передали +25.

Ну вот... теперь точно Иван не успеет. Он же у нас за границей живёт! Когда это было, чтоб Украина чужой страной называлась? Таможня, граница...

Тьфу ты! Разодрали страну на части, ни детям к родителям не добраться, ни родителям их не дожждаться.

Односельчане идут и идут. И все ко мне... Даже как-то неловко. Не привык я к такому вниманию. Да и к тому, что умер, тоже пока не привык... Может, я просто сплю? Ведь вижу же я, как Сенька-баламут под шумок будильник мой с подоконника потырил и за пазуху пихнул. Вижу... точно вижу. Слышу, как плачет закрытая в будке Жулька. А поделать ничего не могу: ни Сеньку по рукам шлёпнуть, ни Жульку вызволить. Тело не моё, не подчиняется мне больше.

Видать, я всё же умер... Душа только никак не успокоится... А как тут успокоишься? И ордена не сыскались, и с могилой не определятся. Места, сомневаются, рядом с Серафимой маловато. Ишь, чего выдумали! Не могу я вдали от жены лечь. В тесноте – не в обиде. Шестьдесят годков под одной крышей теснились, а уж там Сима ради меня подвинется. И Ване полегшее будет... траты какие... Памятник уж теперь один на двоих поставит.

Вот Сима-то обрадуется... Дождалась-таки. Я, как в холода её хоронил, места себе не находил. Сон последний год совсем пропал. Как вспомню, что одну в холодной ямине оставил!.. Всё просил гроб постилками шерстяными укрыть, не пожалеть, только потом уж землицей присыпать.

Хотел с Ваней потолковать... Оставался бы он дома. На кой ляд ему эта Украина, коли такой расклад у них пошёл? Никого своих там нету... Опереться не на кого. Дети далеко, в России. Переезжал бы уж на дедовский корень. И нам с матерью спокойнее б лежалось... под его приглядом... Шахты рушатся. Не ровён час, завалит... Вишь, праветель ихний никудышной какой... Напрочь с Россией расхристаться вздумал. От нас отбилси, а один не справляется. Мы рядышком, вот они, а Америка евонная, где это она? За морями-океанами. Когда-то помочи с неё дождётся.

За окнами стемнело. Зажгли ещё больше свечей. Тени расползаются по стенам, снуют из кухни в сенцы.

Командует Тишина Петровна. Жарится, парится, готовится поминальный обед.

Последняя ночь дома... Как я буду без него? Сима же смогла... и я, наверно... смогу. Всю жизнь тянулся к ней... и за ней... Как увидел её в гостях на Казанскую, так и украли она моё сердце. Ни на кого никогда не взглянул... Куда им до моей Симы! Видать, и я ей приглянулся. Сватов заслал – не отказала. Правда, никогда не слышал от неё «люблю». Всё «жалкий мой» да «жалкий мой». Вон меж окон карточка довоенная. Я на стуле сижу, на руках Ванюшка годовалый, а Сима рядом стоит... Краше во всей губернии не сыскать.

Никаноровна помурлыкала, помурлыкала и прикорнула. А бабки наско-ро пробежались по тем, кто не был рядом, быстрёхонько обсудили проблемы местного и международного масштаба.

Перемыли и постель, и косточки Лидке-фельдшеричке. Мол, почему это на медпункте бесплатных лекарств для инвалидов и престарелых нет, а за деньги – бери любые.

Досталось и Сидоровне, что дурманит мужиков некачественным самогонном. Подсыпает димедрол. Того гляди, траванётся кто-нибудь.

Пробрали Стёпку-тракториста. Вспахал по пьяни «Дорогу жизни» – единственную шоссею, ведущую в деревню. Теперь автобусник ездить отказывается, а ремонт никто не собирается заниматься.

Иногда старухи вспоминали обо мне, притихали, крестились и сожалели, как тому и полагалось: «Хороший был Кондрат, царствие ему небесное!»

Ближе к утру, разобравшись с делами, к бабкам присоединились Микола и Тихон. Микола из нашей троицы – самый молодой. Тихон – самый добрый. А я... Я был на пару лет постарше.

Странно, почему, когда видишь себя в гробу, так остро хочется жить. А в запасе нет уже ни секунды, ни мгновения! Стою у черты... Передо мной, как в ускоренном кино, мелькает моя жизнь... Кадр за кадром, день за днём. Я не успеваю разглядеть картинок. В основном они чёрно-белые, лишь изредка – цветные.

Да, действительно, праздников было маловато... В большинстве – серые, беспросветные будни... Полуголодное детство... Война... Смерть трёх детей... Работа... работа... работа...

Лишь иногда вспышки... Отец вернулся живой с Финской (уже не надеялись, пропал без вести)... Сима, свадьба наша... Рождение Ивана... День Победы... И снова Сима... беременная дочерью... Вот, пожалуй, и все радости...

Светаёт... У крыльца резко тормозит легковушка. Слышится голос внука. Надо же... Не знал, что водит машину, да и вообще, что она у него есть.

«Витя, Витенька! – Петровна кинулась к двери, – нету больше Кондратушки! Что ж, мамке-то сообщил?» «Где за ней угоняешься? В Грецию за шубами отбыла. Будет через неделю». Внук, задержав взгляд на моём пиджаке, на том самом месте, где должны были красоваться ордена, прошёл к иконостасу, поправил лампадку и по-деловому, чего никогда за ним не замечалось, закомандовал похоронами.

«Жарень! Хоронить надо сегодня, часа в два. Дядька Иван всё равно не успеет», – Витёк заходил по хате, поторапливая баб со стряпнёй. Сам вызвался сколачивать с Тихоном столы во дворе. Поминать будут в саду под грушежкой.

А что? Место самое подходящее. Бессемянка в цвету, пчёлки жужукают, рай земной, да и только. Сады гудьмя гудят. Нынче мёд уже в мае качать можно. С вербы взяток хорош... теперь яблони пошли, вишни, груши, черёмуха. Только трудись, пчела. Да ей подсказывать не надо. Она, проныра, всё сама наперёд знает...

Да... что станется с моими улюшками?.. Может, Микола догадается, подберёт. Хотя... Ему бы со своими управиться. Вот Жульку Тиша точно не кинет. Он сердобольней... С курями Петровна уже распорядилась – бабы щиплют. Ну и правильно, чего беречь-то? На помин души хозяйской пойдут.

Петровна – бабонька хлопотная. Стряпать умеет, хохлушка. Тихон её из Германии привёз. На работу немцы из-под Киева угнали. А как освободили, она в нашем эшелоне домой возвращалась. Пока ехали, обзнакомились они с Тишей да и поженились. Свадьба у них на колёсах прошла... весёлая... победная...

Микола, тот всю войну по училке, что в сороковом к нам в деревню прислали, сох. Вернулся и не отступил, будто прилип. Не устояла Елизавета Матвеевна. Трёх сынов ему родила, выходила. Только свили Миколины орлы не в

наших краях гнёзда, не стало Лизы, доживает друг мой Микола в опустевшей хате со щеглом Фимкой да котом Филькой. Хоть с ими словом перебросится... Я его понимаю... От одиночества и онеметь не мудрено.

Сам, бывало, затоскую, в пору Жульке подвывать. Сбирюсь... и к Миколе... Посидим... выпьем по стопочке, другой, помянем Симу с Лизой... потолкуем, вспомнить-то есть о чём, а там – и на печку пора.

Хорошо всё-таки, что Витёк подъехал. Вишь, как старается, организовывает. А то Микола с Тихоном из сил выбились, годы-то какие...

Привезли венки, расставили вдоль стен. Лесом запахло, смолой. Даже не ожидал такой красоты. Как магазинные. В сенцах от крышки и креста тоже свежей сосёнкой пахнет.

Бабки раскопали Симины рушники. Ещё из приданого. Вот ведь когда пригодились! Один завязали на крест. Отобрали самые длинные – гроб в могилу опускать... Там и останутся... Вот и ладно. Вышивала их Симушка. Опустятся на гроб, словно она руками ко мне на прощание прикоснётся.

Часам к двенадцати начал сходить народ. Откуда столько взялось!

Ах, да! Праздничные дни. Гости понаехали. Вот и привалили со мной проститься. Спасибо, конечно... только не по себе мне от этого... Да уж ладно, потерплю напоследок. И самому всех увидеть хочется... проститься...

Витёк весь день с телефоном ходит. Придумали же игрушку: без проводов, маленькая, карманная, а в дальнюю даль дозвонишься. Иногда Витёк кричит так, что слышно даже в хате. Вот опять: «Не торопи ты меня. Сказал – привезу, значит, привезу». Деловой Витька стал... Видать, поумнел... Даже радостно как-то... и помирать спокойнее...

Подошёл грузовичок. «Лапник, лапник тащите!» – поторапливает Витёк постовых-пионеров. Пристроившись на лавках в палисаде военкомовский оркестрик настраивает инструменты.

К часу дня Витёк объявляет, что пора заканчивать прощание. Оркестр играет «Славянку». Гроб выносят из дома и ставят на грузовик.

Душа моя разрывается, мечется между осиротевшей, всхлипывающей сеной дверью, хатой и ещё не определённым на вечный покой, но уже готовым ко встрече с Господом и Симой, телом.

На кузов поднимают крышку, венки и крест. У изголовья – Микола с Тихоном. Витёк усаживается в иномарку. Жители деревни идут следом пешком.

Кладбище наше прямо за околицей. Грузовик еле ползёт вдоль улицы... и я... прощаюсь... с каждой хатой... с каждой ракилкой... с каждой скворечней.

Так муторно, а тут ещё этот оркестр! Как ударит своими тарелками! Кто только придумывает такую музыку... Так жалко вдруг стало себя... Поскорее бы, что ли, всё закончилось. Хотя... Вот снова невыносимый приступ – нестерпимо хочется жить! Ещё чуть-чуть! Прокатиться с Витькой на его новой машине, повспоминать чего-нибудь из фронтовых передрыг школярам. Да просто поболтать ни о чём с незнакомцем.

Встать бы сейчас и сказать во весь голос, прямо с машины: «Любите друг друга, прощайте друг другу, общайтесь, заботьтесь друг о друге! Нет ничего дороже этого. Потому что это и есть жизнь, и ничего нет прекраснее её! Даже самые невероятные жизненные тяготы – радость и счастье по сравнению с могильным покоем».

А Ивана так и нет... Может, телеграмму не получил? У них там стачки-забастовки. Досадно, не успел даже записку черкануть, чтоб ордена поискал. Не могли же они бесследно из хаты исчезнуть?

Людка возвратится, приедет на могилку, выть станет. А что теперь выть-то? Мы для неё обуза. Всегда старалась подальше держаться. Семьдесят километров до города, а приезжала в полгода раз, а то и реже. Какой ей от нас прок? Пензия крошечная. Она за день такую сумму спускает. Научилась спекулировать у своо Вовки-Вольдемара.

У кладбищенских ворот притихшие было музыканты заныли снова, и бабы зашмыркали носами. Мужики подхватили гроб и понесли через погост в дальний левый угол.

Душа моя вдруг почему-то заторопилась. Опередила односельчан и, воспарив над погостом, наблюдала, словно старалась запомнить лица пришедших, расслышать их редкий шёпот, сосчитать их шаги до ожидающей меня со вчерашнего дня могилы. С высоты голубинога полёта ещё печальнее казалась поникшая толпа. Медленно, будто нехотя, пробиралась она меж покосившихся замшелых крестов, расшитых молодым земляничником, осыпанных, словно крошками пасхального кулича, первыми мать-и-мачехами, могильных холмов туда, где совсем недавно сладил я тесовую лавочку, куда зачастил со дня Симиных похорон... Под рябинку... Песню жена про неё всегда напевала...

Когда гроб поставили на табуретки, из могильной утробы потянуло отсыревшей глиной, дохнуло кладбищенской горьковато-слащавостью, и провожающие невольно отпрянули, видно, почували, как из глубины свежевырытой домовины на них взглянула вечность. Мне показалось, я даже вижу красную материю Симушкиного гроба. Стало спокойней... Значит, всё-таки бок о бок...

Как я и думал, выпятив пузо горой, председатель Прилепкин выступил вперёд и завёл тяготиноу минут на двадцать. Даже я устал от его болтовни. Но тут выручил внук. Только Прилепкин надумал перевести дух, Витёк предоставил слово представителю военкомата. Тот был по-военному краток. Щёлкнули затворы. Два бойца, приехавшие вместе с оркестрантами, произвели салют.

Гроб наконец-то начали опускать в могилу. Сильнее запахло сосновой доской... и бездной... Вдруг мне ещё раз захотелось взглянуть... в последний раз... на Божий свет.

Микола и Тихон уткнулись друг другу в плечо и беззвучно рыдали. Петровна обняла их обоих и прижала к себе. Я искал внука. Зазвонил телефон, Витек дёрнулся в сторону, и я услышал, как он вполголоса сказал: «Успокойся! Дай хоть закопать. Ордена получил, получишь и иконы. Я тебя когда-нибудь обманывал?»

Что он сказал? Ордена?! Так вот где взял паршивец деньги на иномарку! Надо что-то делать! Не могу позволить, чтобы в его руках оказался Симин иконостас!

Витёк, не дождавшись, когда засыплют могилу, рванул в деревню. Но где ему на своей жестянке теперь угнаться за мной!

Это только тело! Я слышал, душа, если дела земные не завершены, остаётся на земле до сорока дней. Не всё потеряно! Надо что-то придумать! Надо успеть!..

Ещё издали я узнал его... К хате быстрым шагом с остановки приближался Иван. Значит, всё-таки приехал! Спи спокойно, Сима. Я скоро буду.... Теперь и ордена найдутся, и иконы твои никто не посмеет тронуть... Иван дома...

На крышку гроба глухо посыпалась земля. Очнулась Никаноровна: «Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежде живота вечнаго представльшагося раба Твоего, брата нашего Кондратия, и яко благ и человеколюбец, отпущаяй грехи и потребляй неправды, ослаби. Остави и прости вся вольныя его согрешения и невольныя, избави его вечныя муки...»

Фронтювчка

В детстве была у меня закадычная подруга Галка. Зимой мы до блеска укатывали – то на санках, а то и на пузе – Мишкин бугор. А летом в Жёлтом меж камней ловили руками пескарей да головастиков. Всё как у нормальных деревенских девчонок.

Одно меня всегда смущало. Бабку её «Колдучихой» звали. Для Галки она – родная бабушка, а мне боязно. Я вечером мимо её хаты и проходить-то боялась. Засижусь у подружки, а потом она меня от собственной бабки провозжает.

Полола я грядки на бахче (в деревне все с детских лет при деле). К вечеру сыпь на руке объявилась. Серпантинном обвила, и чешется... Подпрыгнула температура.

Хутор он и есть хутор. Ни врача тебе, ни фельдшерицы. Бабка Галкина за всех сразу.

Промучилась я ночь. Наутро, бойся не бойся, а идти к Колдучихе надо. Никогда раньше у неё не была, а вот пришлось.

...Хата под солому. На крыше поросль берёзовая. Мох шапкой набекрень наползает на ветхое крылечко. Поднимаюсь... Порожки поскрипывают, сердце ёкает... Что как околдует, не вернусь? Превратит в гусыню какую-нибудь.

В углу метла из бурьяна. «Вот, – думаю, – и транспорт её». А сама бочком, бочком от метлы подальше и в сенцы.

Полумрак. Маленькое окошко в паутине – свет еле проникает. Слышно, как на чердаке воркуют голуби. Зачувяв меня, выпархивают в круглое отверстие под самой крышей. Я вздрагиваю.

По стенкам плетушки, коромысло, пила двуручка, какие-то старые вещи. На пыльной полке старый медный самовар, керосиновая лампа да пара запасных пузырей.

Из угла в угол натянута верёвка. А на ней – связки сушёных грибов, яблок, пучки калины, всякого чертополоха.

– Вот из чего зелье-то она колдовское готовит, – смекнула я, – небось, грибочки – мухоморы да поганки.

Тихонько отворилась дверь. На пороге стояла Колдучиха.

Наверно, ещё по фронтювочке она коротко стриглась и, к удивлению наших баб, никогда не носила юбку. После возвращения с войны ходила в солдатской форме. А потом – летом в брюках, которые сама шила, а зимой – в ватных штанах да душегрейке, подбитой заячьим мехом.

Признавала только самосад. Сажала в палисаде. Разбавляла его душицей и баловала себя самокруткой. Пальцы цвета ржавчины. Кашляла, словно заправский курильщик.

– Что стоишь, заходи. Я тебя уж и заждалась.

Колдучиха проводила меня в горницу. Я обомлела: как так заждалась? Откуда она могла знать, что я к ней зайду?

– Проходи, проходи, что заторопела? Помогу тебе. Только лечить буду, как ягнёночка, ты же нехристь. Ну, Господь никого не оставлял в беде. Пообещай, что не отринешь Спаса нашего, придёшь к нему.

Я молча кивнула.

Горницу на две половины разделяла цветастая занавеска. Бабка, оставив меня, шмыгнула на вторую половину. Что-то заплескалось, и послышался неразборчивый шёпот.

От нечего делать я стала разглядывать «Избушку на курьих ножках». Хата как хата: печка с чугунами, ямки рядом, крылья гусиные на гвоздике загнетку обметать. На стене в одной большой раме фотокарточки, пожелтевшие от времени. Поверх рамы – расшитый рушник.

Я пригляделась: среди незнакомых людей – Колдучиха. Только совсем девчонка. Та же стрижка, те же глаза. Рядом такие же молоденькие санитарки. Стоят у танка, а на нём: «На Берлин!». Видать, правду в деревне говорят: всю войну в медсанбате отпахала.

На дощатом столе горой какие-то травки, корешки. «Работала», – подумала я. В углу под образами лампадка. Пахло чем-то очень приятным, неизвестным. Поразил иконостас. Казалось, такой древний, что лучше и не притрагиваться, рассыплется. Оклады потемнели, но лики виделись отчётливо. Почудилось даже, будто святые угодники за мною наблюдают, следят, как я без хозяйки себя веду.

Прислушалась: «...и запрети духу немощи, остави от неё всяку язву, всяку болезнь, всяку огневицу и трясавицу...»

Скрипнула дверь. От неожиданности перехватило дух. В горницу ввалился кот. Ну, как же в этой хате да без него?

– Потерпи чуток, сейчас тебе помогу, – послышался голос Колдучихи.

Кот, не обращая на меня внимания, пытался взгромоздиться на табуретку. Голова его была ничуть не меньше моей. Никак не мог устроиться. Наконец притворился, что затих, уложив только туловище на табуретке. Для головы, хвоста и лап места не хватило – свисали в разные стороны. Кот обтекал сиденье, щурился и зорко наблюдал за мной исподтишка. Казалось, даже ехидно ухмылялся, намекая на моё скорое будущее. Я боялась пошевелиться.

Вдруг громко закричал петух. Сердце моё оборвалось...

– Что вздрогнула? – послышался хриплый голос бабки, – это Стёпка баблует, петуха дразнит.

Я и не заметила, что в углу у окошка висела клетка, а в ней на сучке приютился скворец.

– Всех во дворе переснял, шельмец. Как начнёт выдавать! И за гусака шипеть может, и за курицу кудахчет, а уж птичьих голосов знает – не перечить! Уймись, Стёпа, что ты нашу гостью напугал. А ты, Таня, посыпь ему конопелек, он тебе и споёт, спасибо скажет.

Сыпанула из плошки, стоящей на подоконнике, зёрнышек. Скворец щёлкнул раз, другой и запел. И на душе у меня отлегло, даже повеселело. А тут и бабушка выглянула.

– Заждалась, небось? Ну, садись, голубушка, поближе к окну, посмотрим, что тут у тебя.

Я протянула руку.

– Да тебя ужако, милая, укусил. Редко, но бывает такое. Видать, ты его потревожила, сам-то он добрейший, не тронет.

Сполоснула Колдучиха мою руку водицей нашёптанной, дала напиток из бутылочки с Божницы, а на прощание сказала:

– А ты с Галочкой моей заходи, не пужайся.

Возвратилась я домой, смотрю: рука – здорова, температуры – след простыл.

Так я побывала на приёме у Колдучихи.

С этих пор, когда бы мы с Галкой ни забежали к бабе Насте – так, оказывается, Колдучиху звали – на чай, кот тут же сползал и уступал мне табуретку, а Стёпка – пересмешник, приветствуя нас, орал на все голоса.

Из воспоминаний фронтовика Степана Полынкина

1.

Аккурат за неделю до начала войны рядовой Степан Полынкин получил отпуск. Служил он на западной границе. Домой, на Орловщину, ехать – только время терять: ни папани, ни матушки, ни родных, ни ближних. Сколь годков, как к храму прихоронены. А тут, на соседнем с заставой хуторе, – полячка Ядвижка, вдовушка молоденькая, так и сверкает озорными глазёнками, так и заманивает.

И заквартировал у неё Степан. Присушила бабонька, что, ей Богу, коли не поломали бы Степановы задумки фрицы проклятущие, ни за какие коврижки не расстался бы парень со своей Ядвигой. Хоть цену себе знал, а согласись вдовушка – шабаш! Не стусевался б, в примачи пошёл.

Степан, сиротствуя с малых годков, – не балованный, к работе привычный, соскучился по крестьянским заботам, кинулся помогать по хозяйству. Как не помочь? В нахлебниках не привык. Задарма лоб не разлысывал, на чужое губы не раскатывал. Смахнул не одну опушку для Ядвижкиной коровёнки. Июнь стоял знойный. Зарёй скосишь, в полдень поворошишь, а к вечеру уж и на двор вези.

Ночи и те жаркие. Справная, гладкая Ядвига стелила на вольном духу. Но разве с такой уснёшь! К утру сложенная с вечера копна размётывалась по двору, а счастливая молодка, босая, в одной исподней, расшитой убористым крестом рубахе, с осыпанными свежим сеном, размётанными в землю косищами, всё не унималась.

В короткие передышки, когда Степан спускался с копны, подальше от греха, курнуть, когда мог видеть хоть что-нибудь ещё, кроме жгучих Ядвижкиных очей, числа с пятнадцатого, парень начал примечать, как в долине, по-над Бугом, по течению реки, с юга на север, по несколько раз за ночь барражировали странные летательные объекты.

– Это что ж такое, Стёпан? – уже и Ядвига всматривалась в озарённое над Бугом небо.

– Что, что?.. У нас таких сейчас нету... Скорее всего, немецкие самолёты-разведчики. Поговаривают, мол, сгрудились, подвалили с той стороны, – Степан мял папиросы, в частую затягивался, доставал непечатую пачку, смолил одну за другой, – хотя... слишком уж необычный фюзеляж... и какая манёвренность! Не подходит ни для одного известного самолёта, ни нашего, ни немецкого.

Пограничник – он и в отпуске пограничник. Степан метнулся к своим, доложил замначальнику заставы. Тот поблагодарил за службу, но подливать масла в огонь, толковать с рядовым о том, что и сам уже знал, не стал.

2.

В необычных объектах, которые виделись, а может, пригрезились им с Ядвигой в самые последние мирные ночи, вспомнил старшина Степан Полынкин только в сорок четвёртом. И то по случаю.

Не до воспоминаний было. После войны будут воспоминания... А тогда!.. Чего тогда не пришлось перебедрать Степану!

Жутким рассветом двадцать второго июня, когда он, умаявшись Ядвигой любовью, казалось, только-только прикрыл глаза, взлетела на воздух рига с Бурёнкой, запылала свежие стожки сена, а мир взревел отчаянной нарастающей болью. Не успев сказать ни слова сжавшейся в комочек любимой (только мельком взглянул в её обезумевшие глаза), служивый рванул на вздыбленную от взрывов заставу...

Отступление под распластанными над сенокосами, над лесами и болотинами Белоруссии бесчисленными, помеченными свастикой, крыльями стервятников...

Трёхмесячный плен... Побег... Легко сказать!.. Слава Богу – натолкнулся на своих! Слава Богу – поверили!.. Партизанил... Повезло – в сорок третьем, уже в регулярных частях, в разведке, освобождал родные места, бился с врагом на Курской.

А в сорок четвёртом военные дороги, рытвины и ухабы привели его в Заполярье, на побережье Баренцева, сто семьдесят километров от Мурманска.

Не зря попал сюда старшина Полынкин. Места эти – секретные, а он – фронтовой разведчик, бывший пограничник.

Летуны наши донесли: мол, обнаружили какие-то непонятные строения. С воздуха всего не разглядеть, надо бы направить наземную разведку.

Подобались морем, иначе – никак. Шибко засекреченный объект. Сколько ребят полегло! Но так и не подступились. Ещё бы! Охрана – ни много ни мало, элитная дивизия СС «Эдельвейс» – со своей задачей справилась блестяще. За пять лет присутствия гитлеровцев в этом районе сюда не смог проникнуть ни один разведчик.

Жалко Степану друзей терять, приблизились они, насколько могли, засели на сопке, вооружились биноклями, неделю безвылазно сидели. Ноябрь в Заполярье – зима зимой. Закоченели, задубели совсем, но кое-что всё-таки выяснить удалось.

Как по возвращении из рейда докладывал старшина, на каменистом плацдарме чуть поодаль друг от друга расположились восемь огромнейших загадочных сооружений кольцеобразной формы. Окрестили их «бетонные блюдца». Одни – недостроенные, другие, казалось, совсем готовы. К чему? А бог их

знает! Тайна тайн, попробуй – раскуси! Мужики – круть-верть, очень уж хотелось эти штуковины распонять, язви их... покумекали и сошлись на том, что «блюдца» эти имеют, должно быть, артиллерийское предназначение. Скорее всего, фашисты разработали новые дальнобойные орудия.

Но возникли сомнения. Как же так, посты боевого прикрытия смотрели в прямо противоположную сторону, не туда, откуда могли нагрянуть корабли Северного флота? Разведчики заметили, конечно, и тщательно продуманную, мастерски выстроенную оборону всех этих объектов. Вокруг каждого из «блюдца» – не менее пяти дотов! Попробуй, сунься! Железобетонный дот с вмонтированной танковой башней позволял контролировать всю округу, обеспечивал круговой обстрел всей прилегающей территории. Степан тогда ещё подумал: «Слишком мощная защита для артрасчёта... пусть даже и сверхдальнего орудия».

Когда наши, с большими потерями, всё-таки выбили фрицев из этих мест, целый месяц потом стояла часть, в которой служил Степан, под Мурманском. Старшина не раз бывал у тех фантастических колец. Может, начальство и разгадало их назначение, только кто ж простому старшине раскроет такую военную тайну?

Прошли годы, и память вдруг сама собой преподнесла Степану подсказку. Среди ночи – шарах! Те аппараты, что барражировали над Бугом перед войной, точь-в-точь повторяли форму колец, возведённых в заполярных сопках! Припомнилось: диски-блюдца имели равномерные входы, словно это отвод газов от дюзов какого-то стартующего летательного аппарата. До старшины дошло: эсэсовцы хранили тайну нового немецкого Wunderwaffe – чудо-оружия!

Заполярные диски не соприкасались с краями котлована, а значит, им невозможно доставить боеприпасы, и снизу подачи тоже не было. И так, уверился Степан: стартовая площадка для летательного аппарата!

Воспоминания цеплялись одно за другим, выстраивались в последовательную цепочку. Степан напряг память. Ведь знает... точно знает! Но откуда? Может, из фронтовой газеты, а может, как-нибудь обмолвился командир? В сорок втором... или в начале сорок третьего?.. на Балтике, на одном из островов, немцы обустроили полигон. Испытывали ФАО-2. Охрану, кажется, доверили тоже «Эдельвейсу». Но что-то там пошло наперекосяк, и фрицы разработали мобильные установки. Получается... с этих площадок должно было взлетать... что же с них взлетало, если так идеально выравнивались не только сами бетонные кольца, но и вся громаднейшая площадь перед ними?.. Тысячи кубов бетона! А если учесть, что под ними – гранит и кварц?.. Для чего же немцам понадобился такой мощнейший фундамент?

И так раскидывал Степан умом, и эдак... О чём-то догадывался, что-то мог лишь предположить. Но не мог он знать, что площадки, требующие такого основания, предназначались для аппаратов дискообразной формы, вертикального взлёта и посадки, которые собирались немцами на заводе в Бранденбурге. В Заполярье происходили испытания этих летательных аппаратов. «Блюдца» – их посадочные площадки.

Откуда мог знать старшина об одной из самых загадочных организаций Третьего Рейха – Ананербе, под неусыпным глазом которой проводились эти разработки, о рассекреченных документах, где чёрным по белому сообщалось, что всего было построено семнадцать «тарелочек», что ими произведено

восемьдесят четыре пробных полёта, что к концу войны у фрицев имелось аж 9 (!) научных предприятий, где разрабатывались подобные «блюдца». Из захваченных архивов следовало, что с конца сорок четвёртого (немцы торопились) эти аппараты поступили бы в серийное производство. Слава Богу, что-то не срослось!..

Захваченные архивы подтвердились сенсационным фактом – на Шпицбергене норвежцы обнаружили обломки странного объекта дискообразной формы...

ПОЭЗИЯ

Василий ЛОВЧИКОВ

Василий Дмитриевич Ловчиков – родился в 1935 г. в городе Воронеже. В 1957 г. окончил Высшее военно-морское инженерное радиотехническое училище в г. Гатчине. С 1957 по 1964 гг. служил в Военно-морской и Дальней авиации (ДА) на разных должностях. В 1967 г. окончил Военно-дипломатическую академию (ВДА). Работал в Москве, за рубежом и в ВДА. Кандидат военных наук, доцент, академик Международной академии духовного единства народов Мира. В настоящее время – профессор Военного университета МО РФ. С 2000 г. член Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии. Автор 24 сборников стихов и поэм. За литературную деятельность награждён 6-ю медалями, в том числе: Владимира Маяковского, Михаила Лермонтова и Александра Пушкина.

Живёт в Москве.

У родного крыльца

Родина

Россия милая, люблю тебя до слёз!
 Люблю твои поля, твои леса и реки,
 Багрец рябин и белизну берёз,
 Пленившие однажды и навеки!
 О, мой народ! Поклон душе твоей –
 Доверчивой, надёжной, терпеливой,
 Снискавшей славу стойкостью своей
 На поле брани и над мирной нивой.
 И ты, земля, вскормившая народ,
 Которым невозможно не гордиться,
 Цвети и знай, что богатырский плод
 На скудной почве не родится!
 Ты, богатырь, люби, храни, как мать,
 Ту часть земли, что Родиной зовётся!
 Её любить – всего себя отдать
 И даже жизнь, если придётся.

С чего начинается Родина?

С чего начинается Родина? –
 С родителей – скажет любой,
 Связавших, что ясно всем вроде бы,
 Гражданством тебя со страной.
 Три истины без искажения
 Нельзя подменить и отнять
 У всех, это: дату рождения,
 Страну, где родился, и мать!

Они всем судьбою предписаны,
Их можно формально сменить,
И всё же, от всех независимо,
Без них всем на свете не жить..
Грузин, что в России родился,
Конечно ж, по маме грузин,
Но как бы к родне ни стремился –
Российский судьбой гражданин.
Душа всем нам Богом даётся,
А с ней: Мать и Родина – Мать,
И этим цель жизни куётся:
Чем Бог наградил – не терять!

В тисках ностальгии

Вдали от родимого тына,
Невольница воли чужой,
Грустит одиноко рябина
Средь пальм, подпирающих зной.
Не в радость земли плодородье
И вечного лета тепло.
Ей помнятся: звон половодья,
В сугробах родное село,
Короткого лета объятья
И осени яркий наряд,
Когда её сёстры и братья
Багрянцем заката горят.
И чуждый уклад не приемля,
Она с ним затеяла спор,
Одна с октября до апреля,
Как дома, роняет убор!
И преданно более века
Всё грезит Россией своей,
И холодом белого снега,
И стайкой родных снегирей..
Я сам был в тисках ностальгии,
Был узником боли и грёз,
И в трюме из милой России
Невольнице снега привёз!

Российский край

Эдем – швейцарская земля:
Сверкают серебром вершины,
Цветут альпийские поля,
Ликуют горные стремнины.
Лесов зелёных – кружева,
Блеск декораций – скал и склонов,

А изумрудная трава –
Ковёр для королевских тронов.
Природный рай швейцарских Альп –
Приют для вычурных туристов:
Здесь меркнут горе и печаль,
В объятьях праздности игристой.
Но я из этих мест спешил,
Без размышлений и сомнений,
В свой край, которому служил
Как летописец сам Есенин,
Воспев, не знающих границ:
Простор лесов, степей безбрежных,
Приют для перелётных птиц,
Раздолье для метелей снежных.
Спешил и я в свой русский край,
Влюблёнными воспетый всеми,
Который променять на Рай
Так не хотел Сергей Есенин!

Домой в Россию

Много стран в своей жизни проехал,
Много дивных чудес повидал,
Но нигде тех раздолий и снега,
И рябин, как у нас, – не встречал.
Колесил по дорогам Китая
От Харбина до южных границ,
«Тадж-Махал» – клад индийского края
Процедил через сито ресниц.
В разноцветьи тюльпанов голландских,
Словно в кущах Эдема, витал;
По плечам серпантинов швейцарских
Размотал не один перевал.
Был в плену вернисажа Монмартра,
Поглощая с восторгом Париж;
У «Ла Скала» – легенды-театра
Брал на память обрывки афиш.
Любовался красой Сингапура,
В Эмиратах арабских потел..
Но везде, уж такая натура,
Я домой – я в Россию хотел!..
Своих путей не выбирая,
Немало стран я посмотрел,
Но из красот чужого рая –
Домой, в Россию я хотел!

Возвращение на родину

Родной земли коснулся самолёт,
 Преодолев большое расстояние.
 Окончен зарубежья эпизод
 И ожиданий с Родиной свиданья.
 Иду через кордоны не спеша,
 Не огорчают ни жара, ни слякоть;
 Так стосковалась по Руси душа,
 Что не стыжусь при встрече с нею плакать.
 Повсюду свой приветливый народ,
 Родная речь со всех сторон несётся.
 Душа, встречаясь с этим всем, поёт;
 И сердце от волненья чаще бьётся.
 Россия милая! Желанный отчий край,
 Для всех открытый, всех принять готовый –
 Меня, как сына верного, встречай и знай:
 Я рад домой живым вернуться снова!
 Святая Русь, любимый дом родной –
 Я к вам стремлюсь всегда и отовсюду,
 Везде себя я вижу сиротой,
 Мне нет нигде без Родины приюта!

Малая Родина

Не забывается Малая Родина,
 Где б ни родился и где бы ни жил,
 Что-то к ней близкое в сердце находится,
 Видно, с чем рос, и мужал, и дружил.
 Дом и родители, парта заветная,
 Первый по парте товарищ и друг,
 Чувство любви покорившее, светлое –
 Всё, с чем вырос, принимая вокруг!
 Школа и ВУЗ, и зарплата, что матери
 Ты, заработав, впервые принёс,
 И боевые друзья, и приятели,
 С кем, расставаясь, страдаешь до слёз.
 Всё это связано с Малою Родиной,
 Даже когда ты вдали от неё,
 Всюду нам близкое что-то находится,
 Чем-то знакомое с детства, своё.
 Где бы ни жил и в родимой отчизне,
 Как бы ни мил был приветивший край –
 Малая Родина ближе всех в жизни,
 Тянет магнитом к себе – приезжай!
 И, покоряясь негласному зову,
 Мы на свиданье в край детства спешим,
 Чтоб поклонится и дому родному,
 Праху усопших и в гости к живым!

Воронеж

В просторах степей черноземья,
 Омытых притоками Дона,
 Поднялся, смущая кочевья,
 Форпост православного звона.
 Здесь стрелы татарские пели,
 Сверкали казацкие пики,
 Здесь пилы на верфях звенели,
 Царь Пётр становился Великим!
 Отсюда под стены Азова
 Ты флот снарядил знаменитый,
 Ты первым услышал Кольцова,
 Тобой вдохновлялся Никитин.
 Тебя не сломили фашисты,
 Хотя превратили в руины,
 И снова красивый и чистый
 Живёшь ты не хлебом единым.
 Летят над страной самолёты,
 Твои унаследовав крылья,
 Ты даришь на память пилотам
 Лесов и полей изобилье.
 Ты песней звеня, оживаешь
 Открытой народной душою,
 В разлуке мечтать заставляешь
 О скором свиданьи с тобою.

Прощание с родительским домом

Я сегодня прощаюсь с тобою,
 Мой заветный родительский дом.
 Ты мне был путеводной звездой,
 И я с болью жалею о том:
 Здесь отец меня больше не встретит,
 Не согреет улыбкою мать,
 И очаг самый тёплый на свете
 Перестанет по-прежнему звать.
 Он уга! За могильной оградой
 Ждут и смотрят с надгробной доски
 Лица добрым родительским взглядом,
 Полным вечной любви и тоски.

У родного крыльца

Опять стою перед родным крыльцом,
 Куда, как сын, я каждый год стремился,
 Хотя уже был много лет отцом,
 И с отчим домом навсегда простился.

Здесь ждал отец, слезу роняла мать;
И их тоска сюда звала сквозь дали,
Да я и сам не мог не тосковать,
Прекрасно зная, как меня здесь ждали...
С утратой их я сразу старше стал,
Теперь никто не ждёт меня как сына,
Об этом с дрожью мне шумит листва,
Ещё отцом посаженной осины.
Да тополя, волнуясь, ждут меня,
Звенят листвою, встречая у могилы;
Родителям они о том звенят,
Что к ним пришёл, кто чтил и не забыл их...
Ещё не раз вернусь к тебе, крыльцо,
Куда тоска меня звала сквозь дали,
Где боль утраты омрачит лицо,
Лишь только вспомню, как меня здесь ждали!..

Путеводная звезда

Затуманились в памяти дали,
Отстучали свой гимн поезда,
И застыла в тревожной печали
Путеводная в небе звезда.
Не спешить мне к родимой калитке
Под весёлый колёс перестук,
Не изведать счастливой улыбки,
И объятий родительских рук...
Уж давно за седым небосклоном
Старый сад, засыхая, грустит.
И напрасно с учтивым поклоном
В окна тополь с надеждой глядит.
Заколочены досками рамы,
И не скрипнет забитая дверь.
Лишь рябина свечою багряной
Ждёт у скромной могилы теперь.
И я еду туда, где зимою
К ней на тризну спешат снегири.
Так, что снова звезда надо мною
Слушай песню колёс и гори!

ПРОЗА

Раиса ТЛЯКОВА

Стоянка поезда две минуты

«Поезд прибывает на первый путь. Стоянка поезда две минуты». Знаете ли вы, что поезду, чтобы остановиться на станции на две минуты, нужно потратить десять минут дополнительного времени? Это время, потраченное на плавное торможение и на новый набор скорости. Так же и человеку, чтобы начать новую жизнь, порой нужно пройти определённые этапы: осмысление и выбор курса в направлении своей цели. Таким образом, перрон небольшого вокзала, где большинство поездов – проходящие, для кого-то становится трамплином в будущее, а для кого-то просто началом и возвращением из путешествия. И раз это не конечная станция, уехать можно было бы в обе стороны. Но, как известно, «все дороги ведут в Рим», поэтому в основном люди едут в столицу.

Поезд, проезжающий днём – скорый, и на этой станции не останавливается. С протяжным рёвом тащит локомотив свой состав мимо полупустого перрона. В окнах мелькают любопытные лица пассажиров, вероятно, замечающие одинокую женщину, которая взглядом провожает каждый вагон. Уже не первый год, и зимой, и летом, приходит она на этот вокзал. Просто и опрятно одетая, небольшого роста, лет тридцати пяти, она вызывает у окружающих людей, знающих её историю, молчаливое сочувствие. Иногда можно услышать, как она говорит: «Я так давно жду этот поезд, а он всё не едет и не едет...» А ждёт она поезд, который привезёт её мужа, уехавшего однажды от неё навсегда. Была ли эта причина потери ею разума, или муж уехал от обезумевшей жены, точно не знал никто. Но эта история уже стала городской легендой.

Ну а поезд, который останавливается на этой станции, приходит вечером. Перрон постепенно заполняется людьми. Подходят целыми семьями, с детьми, с друзьями. Провожаящих гораздо больше, чем уезжающих. В основном это радостное событие, поэтому всюду слышится смех и весёлые разговоры. Вот вдалеке появился свет

Раиса Анваровна Тлякова – родилась в Самаркандской обл. (Узбекистан). По профессии экономист. Сейчас на пенсии. Творчеством увлечена более пяти лет. Является Победителем VII Московского открытого конкурса-фестиваля духовной лирики и авторской песни «Вербохлест», лауреат нескольких литературных конкурсов. Имеет ряд публикаций в литературных изданиях.

Живёт в Москве и в деревне Владимирской обл.

прожектора, это приближается поезд. Люди, охваченные волнением, начинают суетиться, переставлять чемоданы, пытаются угадать, где же встанет нужный вагон. Радостно бегающие и прыгающие дети всем мешают, но их трудно уговорить, волнение взрослых передалось и им. Поезд делает «виляющий манёвр», перестраиваясь на первый путь, и вагоны, медленно проплывая перед людьми, наконец встают неподвижно.

Провожających внутрь не пускают. Везде слышатся громкие прощания, торопливые объятия, поцелуи. Эмоции, эмоции, одни эмоции! Уезжающие уже в своих вагонах, стоят прилипшие к стёклам, провожающие кричат им последние слова, но в закрытые окна ни черта не слышно. А они всё равно их выкрикивают, помогая себе жестикуляцией. Поезд трогается, и дети, соревнуясь с ним, начинают свой бег на короткую дистанцию. Скорость быстро нарастает, и вот уже огни последнего вагона исчезают вдалеке. И только тогда люди начинают расходиться. Перрон пустеет... На город постепенно надвигается ночь. В свой ночной дозор вступают фонари на перроне. Он будет безлюден всю ночь. А каким завтра будет день? Придёт ли женщина встречать свой скорый поезд, или же никто никогда её больше не увидит? Но вечером обязательно, как всегда, опять придут люди провожать тех, кого позвала дальняя дорога.

ПРОЗА

Виктор КАШКИН

Виктор Михайлович Кашкин – член МГО СП России. Известен по публикациям в газетах, журналах, коллективных сборниках. Автор книг «Я берега свои искал» и «Всего дороже».

Живёт в Москве.

«Меня подкараулит осень...»

*...Поверю ли я в свой талант
Пока не повторю орнамент,
Который осень роце дарит,
Когда та смотрит на закат...*

Недалеко до листопада,
Когда, дождём не загасив
Заполыхавшего наряда,
Сорвёт, его не пощадив,
И в обнажении себя
Явлением зелёных сосен,
За непокорность их любя,
Меня подкараулит осень.
Когда дожди, прошелестев,
И пламя рыжего наряда
Исчезнут после листопада,
И лес замрёт, осиротев.

жене

Такой сюжет не для меня –
Лечебный корпус горбольницы...
Растает снег Покрова дня,
И убегу за край столицы.

Обратно хочется в леса,
В ещё невыцветшую осень,
Где рыжая её коса
Мелькает в хороводе сосен.

Берёза, дуб, рябина, клён –
 Всем осень раздаёт обновки,
 И я из жёлудя кулон
 Тебе доставлю из Сосновки.

Деревни той на карте нет,
 Но кто найти её не хочет?
 Я сочиню о ней «куплет»,
 Пусть нас топограф не морочит.

И золотым прозрачным днём,
 Прощаясь с осенью, что в цвете,
 Мы на Сосновку набредём
 И бабье лето вместе встретим.

Берёза, клён, акация – соседи.
 Не думал, что живём в одном дворе,
 Когда бы не доспехами из меди
 Меня смутила осень в октябре.
 Когда не обожгло бы обнажение,
 И не приговорил лесной пример
 Инстинктом своего самосожжения
 Влюбиться в жизнь как в высшую из мер.
 Берёза, клён, акация – соседи.
 Я подружился с ними в октябре,
 Когда, шурша «доспехами» из меди,
 Роняла осень листья во дворе.

День рождения

Да разве ж это не примета,
 Когда снимает дождь осаду,
 И дню рождения поэта
 Готовит солнышко засаду,
 Когда на голубом подносе
 Упавших в берега небес
 Рисует золотую осень
 Познавший вдохновенье лес,
 Когда унялся в танце ветер,
 Гася рябиновую грусть...
 Возможно, так Есенин встретил
 Свою берёзовую Русь.
 И разве это не примета –
 Шагать к излучине Оки,
 Туда, где на земле поэта
 Не иссякают родники.

Вот и осень прощается с парком,
 От куста наклоняясь к кусту.
 Ель зелёным своим полушалком
 Прикрывает берёз наготу.
 Клён, как рыжий парнишка, зарделся
 На растерянных глядя подруг.
 Не на них ли и я загляделся,
 Коротая свой зябкий досуг.
 Расставанья неловкий свидетель
 Всё никак забывать не спешу
 Эту сценку, что в парке я встретил
 И теперь о которой пишу.

Предзимье

Скучное небо. Поля лишены
 Птичьего гвалта. Режим тишины.
 Зеркало спящего в коме пруда
 Шёлковой калькой предзимнего льда
 Осень накрыла. Ни звёзд, ни планет
 Ночь не дарила. И серый рассвет
 Солнца не выдал... От лавки до пня
 Парк ожидает студёного дня.

Гроах

О вдовы, все вы таковы...
А.С. Пушкин «Каменный гость»

Полное прозвище её звучало как леди Гроах Ногинская, возраст – два с половиной года, рождена безымянными родителями в деревне Ногино Тверской области. Когда бы владельцам такого рода существ вменялось в обязанность заводить паспорта вроде собачьих, то в графе «особые приметы» или «экстерьер» – автор не помнит достоверно, что именно указывается в подобных паспортах – так вот, в какой-нибудь подходящей графе значилось бы без сомнения: частичное отсутствие хвоста, нехарактерный охристо-бурый с зеленоватым отливом окрас и неестественная величина. Но для литератора, поэта или любого иного человека, наделенного большим художественным воображением, достаточно оказалось бы одного взгляда на леди Гроах, дабы записать в ту же гипотетическую графу: поразительное сходство с видом homo sapiens.

И действительно чудилось нечто извращённо-человеческое в этой тупорылой и щекастой усатой морде, больших розовых лапках, до странности смахивающих на ручки младенца, и прежде всего – в выпуклых, похожих на маслины чёрных глазках, в коих явственно теплилась искра разума. Гроах даже дремать предпочитала, сидя на мощных задних конечностях, сложив передние на внушительном животе. Да и вообще мало чего наблюдалось в ней от бессловесных тварей. Соображала она на удивление быстро; жадно и цепко впитывала любые, пусть и мимолётные, впечатления; отличалась завидной способностью к рассудочной деятельности. Впрочем, и бессловесной назвать Гроах можно было лишь условно. Писк её поражал слух широчайшим диапазоном тональностей и модуляций: от кошмарных звуков, напоминающих скрип железа по стеклу, до каких-то переливчатых трелей, вызывающих в памяти упоительное птичье щебетанье в весеннем лесу.

Сергей Валентинович Юдин – 1965 г.р., москвич, публиковался в журналах «Урал» (Екатеринбург), «Изысканная словесность» (СПб), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Нижний Новгород» (Нижний Новгород), «Бельские просторы» (Уфа), «Северомуйские огни» (Северомуйск), «Менестрель» (Омск), «Великороссы» (Московская обл.), «Искатель» (Москва), «Зеркало» (Тель-Авив), Слово/Word (США), и др., а также в сборниках «Святочные рассказы, XXI век» (ИД «Русь-Олимп», 2010), «Тёмные» (АСТ, 2016).

Автор романа «Золотой лингам» («Вече», 2012, в соавторстве с А. Юдиным).

Живёт в Москве.

Такова была эта странная тварь, прижившаяся в благоустроенной двухуровневой квартире на Фрунзенской набережной, занимаемой в описываемые времена почтенным и ничуть не странным, а напротив, самым что ни на есть обыкновенным, можно сказать, рядовым московским семейством Медогоновых-Гозманидзе.

Но прежде стоит, наверное, коротко остановиться на предыстории появления её по означенному адресу.

Как-то осенью Людмила Никаноровна Медогонова-Гозманидзе обихаживала садово-огородные плантации на задах дома в упомянутой тверской вотчине. Возможно, «обихаживала» – не совсем подходящее слово, ибо разумеется, Людмила Никаноровна или Людочка, как называли её близкие знакомые и как впредь, на тех же правах, станем именовать нашу героиню и мы, не пачкала рук навозом, не издевалась над маникюром, пропалывая какие-нибудь ягодные культуры, или (упаси боже!) не копала гряды, готовя их к посадке озимого чеснока, – для всех подобных работ по местным деревням слонялось достаточное количество спившихся, но ещё способных к несложному физическому труду представителей вымирающего племени селян, – нет, досуг её занимал куда более возвышенный процесс составления роскошного букета из осенних астр, хризантем и золотарника, живописные купы которых в обилии произрастали вдоль невысокого забора и среди разного рода декоративных кустарников. И вот, в тот самый момент, когда Людочка проходила мимо нелюбимых ею топинамбуровых джунглей, что заполнили южный, ближайший к реке угол участка, и кинула рассеянный взгляд в их сторону, в глаза ей бросилась не видимая ранее из-за травы звериная нора. Не заметить её было сложно. Теперь, когда пожухлые злаки лишь слегка скрадывали очертания норы, круглое отверстие её, достигающее в диаметре не менее сорока сантиметров, так и зияло устрашающей чёрной пастью среди выперших наружу корней и клубней земляной груши. Людочка отчего-то заинтересовалась и решила рассмотреть нору поближе. Но едва она подошла к буйным зарослям топинамбура и склонилась над норой, как новое происшествие заставило её взвизгнуть и уронить почти готовый букет. Не замечая, что ступает прямо по срезанным цветам, Людочка резво метнулась в сторону, зажала рот обеими ладонями, чтобы остановить ещё один готовый сорваться с губ пронзительный крик, и уставилась на нору расширившимися от страха глазами...

Если читатель предвкушает, что мы во первых же строках повествования угостим его какой-нибудь увлекательной жутью, то, увы, заблуждается. Ибо, на наш взгляд, одна только субтильная женская психика могла найти нечто страшное в заурядной старой крысе. Да, всего-навсего крысе. Именно её узрела Людочка выползающей прямо из широкого зева огородной норы. Безобразно огромная, тощая как смерть и абсолютно седая тварь медленно, с видимыми усилиями выбралась на божий свет и замерла у самого входа в своё логово. Людочка заворуженно наблюдала за омерзительным существом, когда внезапно конечности крысы объяла мелкая дрожь, тело её несколько раз изогнулось в предсмертных конвульсиях, и тварь околегла.

Брезгливо передёрнув плечами, Людочка собралась было уйти, но вспомнила про цветы. Она осторожно приблизилась к норе и, стараясь не смотреть на крысиный труп, по-прежнему внушающий ей необъяснимый ужас и вполне понятное отвращение, принялась собирать обронённые растения. Она ещё не успела закончить, когда внимание её привлекло еле слышное попискивание. Людочка решила, что тварь против ожидания до сих пор жива, и вновь

стремительно отскочила. Оказалось, однако, что дело вовсе не в этом, старая крыса была вполне и окончательно мёртвой, мертвее не бывает, из норы же один за другим появились три крошечных крысёныша.

Тельца их, едва опушенные серыми, пока ещё мягкими волосками, дрожали словно от холода, хотя погода на дворе стояла вполне себе тёплая; уже не слепые, но явно совершенно беспомощные детёныши неумело косолапили на хилых, кривых ножках, тыкались мордочками в неподвижное тело старой крысы и жалобно пищали. Короче, если и не душераздирающее, то достаточно неприятное зрелище. Особенно для впечатлительных и склонных к рефлексии натур. Да и вид едва народившихся и уже обречённых на смерть маленьких существ способен тронуть любого. Даже если загодя известно, что очень скоро из очаровательных малышей вырастут весьма неприятные, зловередные и агрессивные особи. Рассадники эпизоотий и природные резервуары всяких опасных инфекций. Впрочем, сами понимаете, сказанное характерно не для одних только грызунов.

Людочка поспешно отвернулась и заторопилась к дому, подальше от этого наглядного примера дарвиновского естественного отбора. «Надо велеть Прохору выкорчевать к чёртовой бабушке проклятый топинамбур и всё там перекопать, – подумала она, ставя букет в майоликовую вазу. – Не хватало мне только крыс на участке!»

После обеда, во время которого ей буквально кусок в горло не лез, Людочка пошла-таки посмотреть на крысиный выводок. Вернее, собиралась-то она совершить послеобеденный моцион, просто побродить вдоль реки, однако, ноги будто сами принесли её к давешней норе. Тем паче, что калитка, ведущая к берегу Сабли, располагалась аккурат подле зарослей земляной груши.

Рядом с трупом старой крысы лежали два дохлых крысёнка; по их телам уже деловито сновали рыжие муравьи, тут же медлительно насыщалась парочка тучных, оранжево-чёрных жуков-мертвоедов. Третьего крысёныша нигде видно не было.

Покинь Людочка тотчас это место, ничего бы не произошло, и нам, собственно, не о чем было бы рассказывать. Но случай – вековечный движитель эволюции и всегдашний союзник беллетристов – вторгается в жизнь даже самых заурядных особей, а судьба – непрошенный попутчик – ведает тысячи способов сотворить многострадального Иова из любого Суллы Феликса, а то и Радаманта из первой попавшейся заблудшей овцы. В нашем случае вмешательство фатума выразилось в лёгком касании лодыжки героини. Что-то холодное и мокрое ткнулось в ногу Людочки; она вздрогнула, опустила глаза и узрела последнего оставшегося в живых крысёныша – тот копошился прямо у её правой ступни, тщетно пытаясь перебраться через неожиданное препятствие.

О серых крысах (они же – пасюки или *Rattus norvegicus*) Людочка почти ничего не знала. Смутно помнила только, что создания эти весьма умны, вроде бы снискали себе сомнительную славу каннибалов, обладают незаурядными физическими данными, практически невосприимчивы к радиации и зачастую переносят чуму и иные неприятные болезни, типа загадочной содоку. Как бы то ни было, первым побуждением Людочки было отшвырнуть маленькую тварь ударом ноги куда подальше или даже раздавить подошвой лакостовского пантолета, украшенного логотипом в виде симпатичного зелёного крокодилчика. Но то ли побоялась она испачкать стильную французскую обувь, то ли чувство жалости взяло верх, но вместо того, чтобы одним

движением избавить мир от ещё одного пасюка, она неожиданно для самой себя присела и протянула крысёнышу палец.

Вот с этого произвольного движения всё и началось. Крысёныш немедленно ухватился за палец обеими передними лапками и ловко взобрался на ладонь Людочки. Взобравшись же, пискнул, склонил набок мордочку и уставился своими чёрными бусинами прямо ей в глаза. Удивительное дело – взгляд этот показался Людочке не только совершенно осмысленным, но и как будто оценивающим. Во взгляде крысёныша не читалось испуга или вообще страха, напротив, он словно изучал новое для себя человеческое существо, внимательно всматривался и запоминал черты склонившегося над ним лица. Продолжалось таковое рассматривание всего несколько секунд, затем крысёныш зевнул, обнажив розовый ротик, снабжённый покуда крошечными, но уже острыми зубками, свернулся клубком и заснул прямо на людочкиной ладони.

Людочка оказалась в затруднительной ситуации: одно дело – уничтожить на месте преступления шныряющего где не положено вредителя и совсем другое – лишить жизни доверившееся тебе существо. Тем паче, доверившееся столь бесхитростно и оттого ещё более трогательно. При всех недостатках (они же – достоинства) женской природы на подобное вероломство Людочка способностей в себе не ощущала. Она отнесла крысёнка в дом и с осторожностью, стараясь не нарушить младенческий сон, уложила в высокую шляпную коробку.

Дальнейшее – очевидно.

Юрий Карлович, доктор исторических наук, профессор, представитель плодovitого и разветвлённого рода Медогоновых-Гозманидзе, являл собой тип законченного интеллигента в четвёртом поколении. И диссидента – в третьем. Один из дедов Юрия Карловича боролся с царизмом, отец и мать – с коммунизмом. Некогда, в кровожадную хрущевско-брежневскую эпоху, оба родителя его состояли неперемненными членами всяких разных хельсинских и инициативных групп, входили в состав всех возможных правозащитных фондов, комиссий и объединений. Изведали гонения, даже ссылку (не то в Красноярское, не то в Краснодарское захолустье) и мелочно-пристальный интерес компетентных органов. Правда, отсидок в мордовских и якутских лагерях не удостоились. Избежали и лап карательной психиатрии. Бог миловал. Ну так ведь и тогда далеко не каждый стремился довести меру собственных страданий до эдакой крайности. Единицы, подвижники и страстотерпцы. Уезжать Медогоновы-Гозманидзе не хотели, хотя и были такие предложения (или, скорее, настоятельные рекомендации) от властей предержажих. Покинули постылое отечество лишь после девяносто первого года. Сейчас оба жили в Северной Америке: отец – в Лос-Анджелесе, мать – в Торонто.

Сын, натурально, пошёл по стопам предков. Вот только времена изменились. Чересчур вегетарианские настали времена. Политические преследования инакомыслящих сделались до обидного редки. Самиздат превратился в смешное ретро, интересное разве букинистам. Литературу распространяй какую душе угодно. Правительство не хает только ленивый. И что? И ничего. Это особенно раздражало Юрия Карловича. Ибо для любого мыслящего человека было очевидно – режим-то не поменялся, кровавый, насквозь

прогнанный антидемократический режим. А репрессии? Где они? Какие-то выборочные, несерьёзные, малахольные даже репрессии. И как тут, скажите на милость, не возненавидеть родные осины? Как не затосковать по героическим временам глобального противостояния систем и мировоззрений?

Нет, Юрий Карлович, конечно, не сдавался, боролся... Ну, не то чтобы боролся, но в СМИ, по крайней мере, выступал и высказывался охотно и регулярно. Со всей бескомпромиссностью. Дабы оставаться рукопожатным в кругах людей честных и демократически настроенных. Любил порассуждать о «фантомных имперских болях», тотальной лжи на правительственных телеканалах и продажности официальной прессы. Ну и вполне естественно, будучи историком, основной упор делал он на обнаружении и развенчании извечно-захватнической, мракобесно-имперской политики любимого отечества. Ясно ведь, что применительно к России даже и патриотизм – есть явление сугубо отрицательное, вредное и абсолютно неприемлемое, не что иное, как тупая агрессия, лапотное тщеславие. Сплошной барабанный бой.

По жизни, среди друзей и знакомых, Юрий Карлович тоже слыл вполне симпатичным человеком. Не красавец, но бонвиван, жизнелюб, жуир и большой ценитель удовольствий, в том числе и женщин. Женщины, со своей стороны, не оставались равнодушны к импозантному профессору. То есть буквально липли. Вот и Людочка как-то прилипла. Встретила его на курорте в Южной Италии и прилипла. А после, обладая решительным и твёрдым характером, спешно женила на себе годящегося ей в отцы учёного мужа. Но едва миновал медовый месяц, как новобрачная, увы, совершенно охладела к избраннику своего сердца. Выяснилось, что профессор – непримиримый, кристально честный и неизменно последовательный в борьбе за либеральные ценности – в личных отношениях предпочитает придерживаться несколько иных, точнее, прямо противоположных принципов.

Но что того неприятнее – профессор оказался жутко ревнив. Учитывая, что сам он не слишком обременял себя правилами морали, был даже слегка безалаберен в быту, это может показаться странным. Тем не менее, подобное сочетание отнюдь не редкость. При развитом (если не гипертрофированном) собственническом инстинкте Юрий Карлович полагал к тому же, что ответственность за поддержание домашнего уюта и упрочение семейного благополучия целиком лежит на плечах супруги. Искать радостей на стороне – не женское дело, но полностью мужская прерогатива. Людочка не разделяла взгляды мужа, и атмосфера в доме равномерно накалялась, периодически доходя, как водится, до точки кипения. Впрочем, обыкновенно зачинщицей скандалов и истерик становилась сама Людочка. Так сказать, задавала тон. Ибо Юрий Карлович в любой ситуации старался себя блюсти, сохраняя холодную вежливость и язвительную учтивость среди всех домашних бурь. Понятное дело, такое поведение лишь распалало гнев Людочки и, в конечном итоге, усугубляло растущее обоюдное отчуждение.

Не следует думать, будто Людочка обладала депрессивным или мнительно-тревожным характером. Совсем нет. Но много ли уравновешенных особ женского пола встречали вы на своём веку? Автору, по крайней мере, нечем похвастаться в этом смысле. Вместе с тем, Людочка уважала порядок. Даже любила. Законы, нормы, запреты и ограничения (особенно – запреты и ограничения!) – суть костяк, становой хребет любого общества. Если, разумеется, речь идёт о правильном обществе. На всю жизнь запомнила она слова отца, сказанные ей в детстве: «Убери из самого занюханного и законопослушного

городишки органы правопорядка, детка, и увидишь – через день каждый станет плевать и мусорить на улицах, а через два – воцарятся хаос и смертоубийство». Отец был прав. Некогда он принадлежал к верхушке партийно-хозяйственной номенклатуры, руководил крупной добывающей отраслью, а значит, сам устанавливал правила. Хотя бы в этой отдельно взятой отрасли.

Как и многие, во времена студенческой юности Людочка отдала дань бунтарству. Быть может, и скудную дань, но для неё достаточную. Однажды ходила даже на какой-то митинг к памятнику Пушкину. По счастью, это быстро прошло. Едва годы учёбы в университете подошли к концу, мысли и чувства Людочки приняли совсем иное направление. Теперь она отчётливо осознавала, насколько правы власти в своей решимости обуздать всякую расхристанную вольницу, всякое неустройство. Отныне Людочка всей душой, с энтузиазмом приветствовала репрессии в отношении курильщиков, пьяниц, нелегальных мигрантов и прочих лиц с вредными привычками («Одно ведёт к другому», – говорил отец, во всю жизнь не бравший в рот сигарет и спиртного). Дай ей волю, в этих репрессиях она пошла бы куда дальше: не остановилась бы перед принудительным лечением, насильственной стерилизацией и смертной казнью. Генофонд общества следует очищать от распущенных элементов. Здесь требуется скальпель, а не терапия. Хныканья тех из знакомых, которые не могли или не желали избавляться от гнусных пороков, вроде табакокурения, ничего кроме отвращения у Людочки не вызывали. Ей нравилось представлять себя в роли Главного санитарного врача или руководителя пенитенциарной системы – вот бы где она развернулась! К нарушителям порядка сердце Людочки не знало жалости. Юрий Карлович порядок не ценил – разбрасывал по квартире носки и нижнее бельё.

Надо сказать, окружающими разлад в семействе Медогоновых-Гозманидзе практически не замечался. Ибо, помимо Людочки и Юрия Карловича, в квартире обитал только ангорский кот Агасфер. Наличествовала ещё домработница Глаша, – тучная неразговорчивая особа, – но та приходила исключительно по средам. На людях же супруги старались соблюдать приличия.

Агасфер – животное в сущности добродушное, даже ласковое, но подверженное всем порочным инстинктам своего кошачьего племени – являлся любимцем профессора, слушался только хозяина и игнорировал хозяйку, которую за таковую не признавал. Совершенно естественно, при появлении на его законной территории дополнительного квартиранта, кот стал проявлять к крысёнышу нездоровый – пищевой и охотничий – интерес. Первое время он вообще мог часами сидеть перед клеткой с новым питомцем, ел того глазами, не мигая и почти не шевелясь, лишь едва слышно повякивая от возбуждения. Крысёныша такое избыточное внимание, казалось, нисколько не смущало; он невозмутимо и деловито шнырял по просторной, купленной Людочкой в староарбатском зоомагазине клетке (двухуровневой, как и квартира), не страшась проскальзывать перед самой мордой природного врага. Словом, не обращал на потенциальную опасность ни малейшего внимания.

Вообще-то поначалу он ни на кого не обращал внимания. Вернее, не делал особых различий между Людочкой и Юрием Карловичем, с одинаковым равнодушием воспринимал их присутствие, охотно брал корм как из женских, так и из мужских рук, а в ходе частых и порой очень бурных супружеских скандалов сохранял несокрушимое спокойствие. В отличие от Агасфера, которого приходилось даже закрывать в чулане на время ссор, – вспыльчивый

ангорец немедля бросался в бой, норовя вцепиться когтями в самое лицо Людочке, стоило той чуть повисить голос на его обожаемого повелителя.

Поведение крысёныша удивляло и обижало Людочку. Все-таки она спасла это существо от верной гибели. Откуда же подобная индифферентность? Явное отсутствие привязанности, не говоря о симпатии и вполне естественных для любой домашней твари предпочтений? А ещё врут, будто крысы – едва ли не самые умные из четвероногих!

Но всё изменилось в одночасье. Внешним поводом, как и следовало ожидать, послужил всё тот же извечный антагонизм между семействами грызунов и кошачьих. Однажды вечером, во время мирного разговора по телефону с подругой, Людочка услышала пронзительный, полный отчаяния и боли писк, доносящийся со второго этажа. Бросив трубку, Людочка стрелой взлетела по винтовой лестнице и ворвалась в малую гостиную. Открывшаяся ей картина оказалась достойна кисти Эдварда Лира, а то и самого Ивана Грота: по одну сторону клетки – заходящийся в истошном писке крысёныш, по другую – Агасфер, намертво вцепившийся зубами в хвост несчастной твари. Не составляло труда догадаться, что наглый хищник воспользовался счастливым случаем – опрометчиво высунутым между медными прутьями длинным крысиным хвостом – и предпринял попытку сожрать недруга по частям.

Надо отдать должное молниеносной реакции Людочки: не теряя ни секунды, она сорвала с ноги тапок и что было мочи саданула каучуковой подошвой по жирному крупу. Агасфер, не привыкший к столь бесцеремонному обращению, подпрыгнул на месте, зашипел и пулей метнулся прочь. Зубы он так и не разжал, поэтому, когда Людочка повернулась к клетке, то увидела крысёныша, который жалобно пищал и, вертясь на месте, безуспешно пытался дотянуться мордой и лапками до изрядно укороченного хвоста.

Людочка тут же позвонила ветеринару. Не дожидаясь его приезда, она самостоятельно обработала окровавленный огрызок зелёнкой и забинтовала куском марли. А потом ещё целый час, до самого появления звериного доктора, бережно баюкала крысёныша на руках, опасаясь, что тот как-нибудь дерёт повязку и истечёт кровью.

Ветеринар полностью одобрил принятые хозяйкой неотложные меры, снабдил Людочку мазью-антисептиком и велел ежедневно менять бинты, вплоть до полного заживления. Он заверил Людочку, что потеря хвоста или его части – обычное дело для пасюков, жизнь которых на воле полна, как известно, тревог и опасностей, поэтому и беспокоиться особенно не о чем.

Вот сей едва не обернувшийся роковыми последствиями случай и явился той самой песчинкой, что перевешивает иные каменные глыбы, тем толчком, что разбудил в таинственных недрах дремлющего сознания крысёныша неизведанные доселе чувства. Отныне внутренний мир его, замкнутый до последнего времени, подобно гаду Уроборосу, исключительно на самом себе, значительно расширился, ибо вдруг, нежданно-негаданно обогатился новым объектом привязанности и даже поклонения. Каковым, само собой, явилась его спасительница.

С этих пор для крысёныша существовала только Людочка – единственное божество и кумир; на неё одну оказались направлены любовь и внимание, только она имела право кормить и ласкать своего питомца, чистить клетку и выгуливать. Прогулки эти становились всё более самостоятельны и обширны в географическом смысле, пока он не получил, наконец, право на всю жилплощадь. Поначалу негодующего Агасфера приходилось запирать на пару часов

в чулане, но по мере того, как крысёныш рос и матерел, необходимость в изоляции кота отпала сама собой. При этом значительную часть времени крысёныш проводил, угнездившись на плече хозяйки, да и спать вскоре повадился в её постели.

Нам не дано понять, отчего такая метаморфоза произошла именно сейчас, а не ранее, не в момент действительного спасения крысёныша от неминуемой голодной смерти. Да и какой смысл гадать? Чужая душа – потёмки. Тем более, если речь идёт о душе крысы.

Примерно в означенный же период крысёныш получил имя. До этого его так и звали – «крысёныш». Но во-первых, после визита ветеринара выяснилось (к великому удовольствию склонной к феминизму хозяйки), что это вообще-то самочка. И потом, Людочка справедливо решила, что если особи мужеска пола и могут обходиться без личных имён, то для девочек отсутствие таковых – верх неприличия. Имя было выбрано далеко не сразу. Людочка перепробовала самые разные варианты прозвищ и кличек, но все они не подходили – не ощущалось никакой ответной реакции. А Людочка твёрдо верила, что нужное имя существует только одно, и произнесённое вслух немедленно окажется признано владельцем.

Так и вышло.

Одним тоскливым осенним утром Людочка лежала на диване и от нечего делать просматривала не то некую монографию, посвящённую шотландской истории, не то комментированное издание Шекспира. И вот совершенно случайно наткнулась она на авторскую ремарку, свидетельствующую, будто знаменитую леди Макбет, верную и деятельную супругу Гламисского тана, звали Гроах. Что за странное имя! Людочка несколько раз повторила его про себя, а после – вслух с разной интонацией, точно проверяя на вкус: Гроах, Гро-ах. Буквы перекатывались на языке, как сухие горошины: Гр-р-о-ах-х. Внезапно Людочка с удивлением заметила, что крыса, до сих пор спокойно дремавшая в изножье дивана, сидит на её груди и внимательно прислушивается. Людочка повторила чужеземное имя ещё раз, крыса немедленно отреагировала – задрала мордочку и обнажила передние резцы, смешно шевельнув кисточками жёстких усов. Улыбнулась. Так крыса стала леди Гроах Ногинской.

Минул целый год, прежде чем, наряду со внезапно вспыхнувшей любовью к хозяйке, в сердце Гроах проникло, укоренилось там и дало ростки ещё одно чувство. По сути, оно явилось лишь закономерным продолжением, результатом первого – нет ничего естественнее соседства любви и ненависти.

Возможно, говорить в нашем случае стоит не о чувстве, а о страсти. Не менее вероятно также, что завзятый пурист упрекнёт автора этих строк в невежестве, в антропоморфизации бессловесных тварей – дескать, о каких-таких чувствах он толкует? Какие ещё чувства у животных, коих природа наделила единственно слепыми инстинктами? Ну так заявим сразу: автор выше мелочных придилок поборников логики и здравого смысла и не собирается свертать читателей в пучину бессмысленной дискуссии о терминах.

Так или иначе, этим возросшим на благодатной почве любви чувством оказалась самая жгучая ненависть к хозяину дома, к Юрию Карловичу Медогонову-Гозмандзе. Разумеется, катализатором стали бесконечные семейные

склоки, невольным свидетелем которых становилась Гроах и во время которых Людочка принуждена была регулярно выходить из себя, выплёскивать наружу море негативных эмоций, раздражаться слезами и выносить унижительно-вежливые упреки мужа в якобы имевшем место легкомысленном поведении, а то и в неверности. Гроах справедливо подозревала, что обожаемая госпожа её не находит со стороны супруга не то что благоговейной преданности, но и простого уважения, что тот вовсе не выказывает по отношению к ней должного почтительного трепета или, по меньшей мере, является причиной её слёз, страданий и испорченного настроения. Так что результат был предсказуем.

Сначала неприязнь Гроах выражалась лишь в том, что она всячески избегала Юрия Карловича, но вскоре приняла более осязаемые формы. Первой ласточкой стало неприятное происшествие с рукописью профессора. Юрий Карлович как раз работал над фундаментальным трудом по истории России. В нём, помимо философско-нравственных эзексисов в духе Пауло Коэльо, содержались убедительные доказательства того, что Россия виновата всегда и во всём уже одним только фактом своего существования.

И вот рукопись исчезла. Профессор как всегда оставил её на ночном столике подле кровати, – он любил творить вечерами, – а утром рукописи на месте не оказалось. Была среда, и на поиски бросили все наличные силы, включая Глашу. В конце концов драгоценный манускрипт нашёлся под комодом. Но – боже мой! – в каком виде! Часть листов превратилась в бумажную труху, часть – просто основательно погрызена, остальные – варварским манером загажены крысиными экскрементами. Никаких сомнений в виновности Гроах не возникало, улики были налицо, и явные улики. Но поскольку «манускрипт» представлял собой всего лишь компьютерную распечатку с незначительной рукописной правкой, инцидент удалось как-то замять, а скандал спустить на тормозах. Людочка, естественно, целиком и полностью приняла сторону своей питомицы, даже нашла повод попенять мужу, обличив в неаккуратности: «Вечно ты разбрасываешь где попало свои дурацкие бумажки, а после кто-то виноват!» Сам Юрий Карлович, хотя и жаждал крови преступницы, посягнувшей на самое святое, но в силу характера и врождённой интеллигентности не решился настаивать на немедленной расправе. Тем не менее, тягостное впечатление, произведённое на профессора крысиным демаршем, заставило его задуматься о возможных путях избавления от гнусной твари.

Дальше – хуже.

Надо сказать, к двум годам Гроах достигла поистине устрашающих размеров, превратившись в эдакого крысиного монстра, гиганта, байками о которых работники московского метрополитена запугивают доверчивых обывателей. С хвостом (вернее, его половиной) она тянула на метр с гаком, вес зашкаливал за полтора кило, а ростом Гроах почти сравнялась с Агасфером – не менее тридцати сантиметров в холке. Характер её также претерпел значительные и, в основном, пугающие изменения. Была ли тому причиной растущая день ото дня ненависть к профессору или что иное – неизвестно, однако в характере крысы проявились незаметные прежде, вовсе новые, неожиданные черты и особенности. Гроах на самом деле начинала походить на свою шотландскую тётку. Причём в последний, худший период жизни леди Макбет.

Если ранее это было весёлое, резвое и жизнерадостное существо, бойко шнырявшее по комнатам, вихрем носившееся вверх и вниз по крутой винтовой лестнице, соединяющей оба уровня квартиры Медогоновых-Гозмандидзе,

то теперь она сделалась мрачна и нелюдима, превратившись в эдакую сумеречную отшельницу. Днём Гроах всё больше спала в ногах людочкиной кровати (клетка уже не вмещала крысу-переростка и отправилась в чулан), ночами же серым молчаливым призраком бродила по квартире, шарила по углам и подолгу высматривала что-то на улице, сидя на широком подоконнике и прильнув тупорылой мордой к тёмному стеклу. В хозяйке она по-прежнему души не чаяла, а вот Юрий Карлович стал с некоторых пор относиться к Гроах с опаской: как-то раз, когда он по привычке вознамерился отпихнуть ногой внезапно выросшую у него на пути крысу, та ощерилась и попыталась цапнуть его за брючину. Жаловаться жене на недостойное поведение её любимицы профессор посчитал ниже своего достоинства, но ещё более утвердился в мысли о нежелательности совместного проживания с пасюком, выказывающим столь явную и ничем не мотивированную агрессию по отношению к главе дома.

А потом пропал Агасфер.

Никто из домашних не заметил, как это произошло. Просто в один воистину чёрный осенний день, когда профессор возвратился со службы из института, кот не встретил его по обыкновению в дверях. Юрий Карлович сразу заподозрил неладное. И раньше изредка бывало, что Агасфер по каким-либо причинам пропускал возвращение хозяина. Но сейчас сердце подсказало Юрию Карловичу, что произошло нечто плохое. Он немедленно обыскал квартиру, заглянул во все возможные углы и закоулки, где мог зашхериться его любимец – напрасно, – кот будто в воду канул. Людочка тоже встревожилась и присоединилась к розыскам; она отлично помнила – ещё днём, в обед, Агасфер спокойно дремал на холодильнике и никак не отреагировал на предложенный kitekat. Куда он мог, в самом деле, подеваться? Квартира располагалась на пятом и шестом этажах добротного сталинского дома, так что форточки и окна имели ограничители во избежание несчастных случаев с домашними питомцами. Но Юрий Карлович обратил внимание на открытую настежь форточку в большой гостиной и кинулся на улицу. Однако внизу, на газоне, ни кота, ни следов его падения не наблюдалось. В тщетных поисках прошёл весь этот и даже следующий день. Кот исчез. Юрий Карлович был безутешен – он прожил вместе с Агасфером долгих тринадцать лет. Несмотря на отсутствие очевидных признаков падения кота, в случившемся он всецело винил супругу – распахнутая форточка вопияла о допущенной тою непростительной халатности. Людочка обвинения отвергала как огульные, но выглядела явно смущённой. Ведь кот куда-то да делся! И надо же было этому несчастью случиться именно в то время, когда она сидела дома. Правда, часа на полтора она отлучалась – ходила по магазинам, некоторое время провела в ванной... Слабое оправдание.

Через день, в очередную среду, о своём увольнении неожиданно заявила Глаша. Ноги её больше не будет в доме, где вольготно шастают кровожадные пасюки-мутанты! В ответ на людочкино недоумение, Глаша торжественно предъявила окровавленный клочок кошачьей шерсти и поведала, будто обнаружила сей артефакт под кухонной раковиной, среди переплетения ведущих вниз сливных и канализационных труб. Не иначе, мол, выпестованное некоторыми чересчур сердобольными дамочками чудище уволокло несчастного кота в подвал, а там сожрало!

Людочка ни на йоту не поверила словам глупой бабы. Мало ли откуда мог взяться проклятый клочок! Но нехороший осадок на душе всё-таки остался. Шерсть она сожгла, мужу решила ничего не рассказывать – для чего ещё больше накалять и без того взрывоопасную атмосферу в доме, понапрасну расстраивать человека, он и так после исчезновения Агасфера ходит сам не свой, точно в воду опущенный. Что бы ни случилось с котом, Гроах не имеет к этому никакого отношения. Не может иметь. Она милая и совсем не кровожадная. Да и не справилась бы она с котом, куда ей. Немыслимо даже предположить обратное.

Так в доме Медогоновых-Гозманидзе поселился страх.

Атмосфера в доме и правда становилась всё более удушающей: Юрий Карлович, надолго замкнувшийся, ушедший в себя после таинственного исчезновения любимца, спустя месяц вроде бы немного оклемался от пережитого потрясения, но сделался совершенно невыносим. Он подхватил простуду и теперь целыми днями торчал дома, изводя Людочку мелочными придирками и язвительными упрёками по любому, самому незначительному поводу. Новой домработницы, взамен сбежавшей Глаши, найти пока не удавалось, и Людочке волей-неволей пришлось взвалить заботы по дому на свои плечи. Любезный её сердцу порядок не должен нарушаться. Юрий Карлович наблюдал за её деятельностью на сем поприще не без тайного удовольствия, подмечая каждый просчёт и каждое, даже и пустяковое, упущение. Обычно Людочка не привыкла сдерживаться, требовалось совсем немного усилий, чтобы вывести её из себя, но на этот раз она на удивление долго и с необыкновенным смирением сносила дурное расположение духа супруга. Человек потерял практически члена семьи, надо же дать ему время оправиться от такого удара судьбы. А ещё смутное чувство вины – непонятно в связи с чем и за что – нет-нет да и тревожило чуткую людочкину совесть. Но всё имеет свой предел, в том числе и терпение. Последней каплей, переполнившей чашу этого самого терпения, явился очередной хамский жест Юрия Карловича: он обнаружил, что Людочка забыла протереть пыль на полированной поверхности его рабочего секретера и начертал пальцем на самом видном месте: «Людмила Никанорова – дура!»

Последствия оказались несопоставимы с тяжестью пусть и хулиганской, но вообще-то, говоря между нами, вполне безобидной выходки профессора. Затяжная хандра и депрессия сыграли с ним злую шутку. Людочка буквально взорвалась. Увидев надпись, она бросилась в спальню и принялась с остервенением кидать вещи в спортивную сумку. Хватит с неё! В этом дурдоме и у сумасшедшего крыша поедет! Юрий Карлович не предпринял попыток успокоить супругу или извиниться, он молча, скрестив руки на груди, с кривой усмешкой наблюдал за сборами. И совершенно напрасно. Людочка не шутила. Она немедленно, сейчас же уезжает в Ногино! Её нервы дороже всех котов на свете! Вернётся не раньше, чем через три дня – возможно, к тому времени он придёт в норму и перестанет строить из себя Сулеймана Великолепного, лишившегося любимой наложницы! Юрий Карлович молча развернулся и покинул комнату.

Людочка с лихвой насыпала диетического корма в крысиную миску, добавила воды в питьевую ёмкость (грызуны и сутки не в состоянии обойтись

без воды) и собралась было уходить, когда из коридора послышалось напутственное пожелание профессора: «Скатертью дорога!». От возмущения у Людочки перехватило дыхание, она даже не сумела ответить достойным образом. Лишь через минуту нужные слова нашлись: «Пропади ты пропадом!» – крикнула она в пространство и схватила сумку. Уже на пороге комнаты, обернувшись, Людочка встретилась глазами с Гроах – та как обычно лежала в изножье кровати – и тут же отпрянула в испуге: крыса не спала, но, приподняв морду, смотрела куда-то вверх её головы; и на одно короткое мгновение Людочке почудилось, будто взгляд этот сверкает злобной и одновременно угрюмой радостью. Спустя секунду наваждение рассеялось – Гроах вновь свернулась калачиком и мирно засопела, смешно шевеля жесткими, как рыболовная леска усами.

«Езжай, езжай, – удовлетворённо проворчал профессор, заслышав оглушительное хлопанье входной двери, – а я покамест, даст бог, избавлюсь от твоего треклятого чудовища».

Чтобы успокоить расшатанные нервы, трёх дней оказалось мало. Для начала октября погода стояла неестественно тёплая, временами даже жаркая, так что Людочка задержалась в деревне на целую неделю. Возвращалась она в умиротворённом настроении, но с лёгким беспокойством за Гроах: как та пережила отсутствие хозяйки? Хорошо ли заботился о ней Юрий Карлович? Впрочем, и воды и пищи она оставила более чем достаточно, так что и волноваться вроде бы не о чем.

За всю неделю муж ни разу ей не позвонил; сама Людочка тоже не стала ронять достоинства и не спешила первой делать шаг навстречу примирения. Но молчание Юрия Карловича не особенно её тревожило – она знала характер мужа, тот предпочтёт дуться до тех пор, пока не забудется самая причина ссоры. Или покуда какая-нибудь новая аспирантка или студенточка не завладеет его падким до мимолетных чувственных удовольствий вниманием, не отвлечёт от суетных забот и треволнений.

На звонок в дверь никто не ответил – видимо муж вышел-таки на работу – и Людочка с облегчённым вздохом достала ключи.

Плотная волна густого сладковатого смрада буквально отшвырнула Людочку прочь и едва не сбила с ног, стоило ей только распахнуть тяжёлую металлическую дверь квартиры. Вонь стояла страшная. Приторная сладковато-тухлая вонь не то гниющих фруктов, не то разлагающихся животных отбросов. Не очень соображая, что делает, Людочка достала из кармана надушенный платок, прижала к лицу и вошла внутрь. Свет в прихожей горел; как сомнабула, влекомая путём зловонных миазмов, двинулась она дальше – через кухню, большую гостиную и кабинет – к спальне мужа. Несмотря на погожий солнечный день, свет горел во всех помещениях. Но всюду было пусто. И жарко, словно под пологом тропического леса. Приоткрытая дверь спальни казалась заляпана какими-то мелкими чёрными кляксами, из-за неё доносилось приглушённое гудение. Людочка присмотрелась – кляксы на двери шевелились, передвигались с места на место; ещё шаг – и большинство из них с жужжанием взвилось в воздух. Мухи. Десятки, а может, и сотни жирных, зеленовато-чёрных падальных и мясоедных мух. Эпицентр тошнотворного запаха явно находился именно там, в спальне. Людочка толкнула дверь ногой

и, преодолевая отвращение, нарастающую дурноту и подкатывающие к горлу рвотные позывы, ступила через порог. Воздух казался липким и одновременно обжигающим от тлетворного, всепроникающего духа разлагающейся плоти. Огромное, обнажённое, раздутое гнилостными газами тело раскинулось на кровати; оно походило на нелепо искореженную, бугристую куклу из обожжённого до черноты пластика. Куклу, над которой угрожающе навис переливчатый гудящий полог, дьявольский шатёр, сотканный из летучих бойцов вельзевулова воинства – множества мушиных эскадрилий... Прежде чем сознание Людочки помутилось и спасительный обморок избавил её на время от кошмара действительности, с каким-то отстранённым равнодушием она успела заметить полчища омерзительных белёсых личинок, сплошным шевелящимся ковром облепивших бёдра и гениталии трупа.

Следствие по факту безвременной кончины профессора Юрия Карловича Медогонова-Гозмандизе затягивалось. Главным образом из-за того, что эксперты никак не могли прийти к единому мнению о причинах смерти. Слишком далеко зашли процессы разложения. Свою роль сыграли жара и наглухо закрытые окна. А также тот необъяснимый факт, что именно в означенное время коммунальные службы решили провести внеплановое испытание отопительной системы в целях подготовки к предстоящему зимнему сезону.

Собственно, выводы первоначального судебно-медицинского исследования были столь же однозначны, сколь неопределённые – внезапная остановка сердца. Отчего? Почему? Юрий Карлович никогда не жаловался на сердце. Но Людочку выводы вполне устраивали. Точнее, мало интересовали. Ей было всё равно. Суета сует. Время рождаться и время умирать. Законам природы следует повиноваться без рассуждений. На возбуждении уголовного дела и производстве дополнительных экспертиз настояли родственники. Разумеется, родственники Юрия Карловича, а не Людочкины.

В ходе комиссионной экспертизы выяснилось, что левая сонная артерия на шее трупа имеет повреждения, однако, носят ли они прижизненный или посмертный характер, обусловлены ли неким внешним воздействием или образовались под влиянием всё тех же процессов гниения – в этом вопросе члены комиссии разошлись.

Родственники не уgomонились; следовательно вынужден был назначить ещё какую-то комплексную экспертизу. Кажется, с привлечением специалистов по гистологии, судебной химии, бактериологии, рентгенологии и массе других служебных дисциплин с непроизносимыми названиями. Результаты её ожидалась не ранее чем через месяц. Впрочем, со слов следователя Людочка знала, что и комплексная экспертиза навряд ли внесёт окончательную ясность. Так что расследование в любом случае обречено на прекращение либо приостановление.

Если причины смерти мужа не слишком интересовали Людочку, – по крайней мере, поначалу, – то самый факт сей смерти преследовал её постоянно. Стоило закрыть глаза, в памяти снова и снова всплывал всё тот же кошмар – гора иссиня-чёрной плоти, возвышающаяся на грязных смятых простынях, тучи мух; даже запах тления преследовал Людочку ещё целую неделю после случившегося, где бы она ни находилась. «И в распухнувшее тело раки чёрные впились», – строки, и в школьные годы вызывавшие у неё дрожь невольного

отвращения. «Безобразно труп ужасный посинел и весь распух». Бр-р-р! Теперь она знала – поэт не преувеличивал. Напротив. Зрелище смерти может быть куда более отталкивающим, нежели любые поэтические фантазии.

Но как только стали известны выводы комиссионной экспертизы, – особенно, в части довольно противоречивых умствований специалистов о вероятностном механизме повреждения сонной артерии, – Людочка потеряла покой. От одного предположения, одной мысли о том, что же именно такое *на самом деле* могло произойти с Юрием Карловичем, у неё внутри всё обмирало.

Когда следователь предложил ей ознакомиться с заключением экспертизы, – в качестве вдовы покойного и, соответственно, потерпевшей по делу она имела на это полное право, – Людочка не решилась отказаться. Дабы не уронить высокое звание вдовы и просто из любопытства. Однако, ещё не дочитав до конца объёмный многостраничный документ, она горько пожалела о своей сговорчивости. Ибо почти физически ощутила, как в сердце просачивается страх. Противный, холодный и липкий. Тягостное, непередаваемо мерзкое ощущение. Точно проглотила огромного слизняка. И тот ползает теперь где-то внутри, подле самого сердца, пятнает его отвратительными студенистыми выделениями. Один из участвовавших в экспертизе патологоанатомов высказал мнение, что-де найдись исследуемый труп в каком-нибудь лесном массиве или хоть парке, раны на шее вполне можно было бы отнести к следам деятельности всяких разных хищников, а так – остаётся лишь разводить руками и списывать всё на чересчур позднюю стадию разложения. Ибо какие хищники в квартире? Людочке немедленно пришло на память выражение злобного торжества – то самое, что примерещилось ей перед отъездом из города в блестящих глазках Гроах. Невероятным, почти мучительным усилием воли Людочка отогнала от себя это видение, подавила страшную догадку. Правда, ненадолго.

О Гроах в тот роковой октябрьский день, разом превративший её из жены во вдову, Людочка вспомнила далеко не сразу. Лишь когда был подписан протокол осмотра, тело Юрия Карловича уже увезли, а полицейские, понятые и криминалисты перестали наконец слоняться вокруг нестройными толпами, Людочка ахнула и бросилась на второй этаж. Она забежала к себе в спальню и с облегчением выдохнула – Гроах мирно почивала на её постели, всё на том же месте, будто и не прошло целых семи дней с момента их расставания. Гроах слышала шаги хозяйки, подняла морду и зевнула. Людочка счастливо рассмеялась. Она не одна на свете – с ней по-прежнему её Гроах!

Теперь же Людочка боялась возвращаться домой, боялась встретиться глазами со своей Гроах и невольно прочесть в них подтверждение собственным невероятным догадкам. Покинув кабинет следователя, она долго бродила по вечерней набережной, потом заночевала у подруги. Благо та жила недалеко – на Комсомольском проспекте.

Сразу после памятного приезда из деревни ей уже пришлось несколько ночей провести вне дома, а крысу запирать в спальне – в квартире трудилась целая бригада самых квалифицированных уборщиков и дезинфекторов известной клининговой компании. Но сейчас – совсем иное дело, Людочке было элементарно жутко. Она просто-напросто сбежала. Сбежала, малодушно страшась взглянуть в лицо действительности. А может, и не действительности, а только своим фантазиям и страхам.

Минуло долгих три дня прежде чем Людочка сумела-таки заставить себя войти в родной подъезд и подняться на пятый этаж. Перед дверью она

замешкалась – правду сказать, её до колик в животе пугала фатальная неизбежность предстоящей встречи. Встречи с кошмаром, неотступно преследовавшим её все эти дни и ночи. Людочка взглянула на часы – десять утра; Гроах скорее всего спит. Стараясь производить как можно меньше шума, Людочка зашла в прихожую; сделавшимися вдруг странно непослушными руками сняла плащ, осторожно скинула с ног туфли. Снова эта подкатывающая к горлу тошнота, судорожное стеснение в груди и липкий, назойливый страх, тысячью ледяных мурашек ползущий от стоп к плечам и дальше – к кистям рук. Медленный подъём по винтовой лестнице – с каждой ступенькой сердце её начинало трепыхаться как пойманная в силки птица, а воля и решимость таяли. Вот наконец коридор и дверь в спальню. Людочка замерла, не в силах двинуться с места и преодолеть охватившее её оцепенение. Тщетно пыталась она встряхнуться и сделать шаг – ноги не слушались её, всё тело сотрясал неудержимый озноб. Она так и торчала бы здесь целую вечность, словно извояние, порождённое взглядом одной из горгон, но дверь в спальню открылась сама. На пороге стояла Гроах.

Да, то была несомненно её Гроах. Но, Боже, как она изменилась! Вместо упитанного, тучного животного перед Людочкой предстал какой-то обтянутый шкурой скелет, и не скелет даже – тень, иссохшие крысиные мощи. Ходячее анатомическое пособие. Зловещий призрак былой Гроах.

Людочка невольно отшатнулась – Гроах вздрогнула как от удара, чуть слышно пискнула и предприняла слабую попытку приблизиться. Людочка открыла было рот, пытаясь что-то сказать, но вместо этого вдруг развернулась и опрометью кинулась вниз по лестнице.

Опомнилась она только на улице. Мимо мелькали немногочисленные прохожие, умиротворённо рычали машины, откуда-то со стороны сквера на 2-й Фрунзенской доносились весёлые детские крики – обычная городская суэта. Людочка прислонилась к морщинистому стволу старого тополя, схватилась за голову – в висках оглушающими толчками пульсировала кровь. Что же делать? Она не может, не в состоянии находиться под одной крышей с этим ужасным фантомом, живым напоминанием о странной смерти мужа. Всякий раз, видя её, она станет думать, строить версии, теряться в догадках, что же именно произошло тогда, в те неестественно жаркие осенние дни в запертой квартире между крысой и человеком. Да и не придётся ли ей самой тоже вздрагивать по ночам в испуге, чуть заслышав, как гнусная тварь возится и копошится в изножье кровати. Разве кто-нибудь способен вынести подобную пытку? А ведь это может длиться долго, очень долго. День за днём. Годы... Нет! Проблему следует решить прямо сейчас, немедленно! Гроах сама во всём виновата, она нарушила правила. Правила надо соблюдать!

Людочка встряхнулась, взяла себя в руки и решительно двинулась обратно в квартиру.

Гроах встретила её на пороге. Как в былые времена встречал Юрия Карловича Агасфер. Едва распахнулась дверь, крыса затрусилась ей навстречу, смешно подбрасывая вверх исхудавший до самых мослов крестец. Людочка отлично понимала: стоит немного промедлить и последние капли решимости улетучатся окончательно. «Уходи прочь!» – с трудом выдавила она из себя первые попавшиеся на язык слова. Крыса вскинула морду, но с места не стронулась и как будто в недоумении уставилась на хозяйку. «Уходи! – теперь уже в полный голос крикнула, даже взвизгнула Людочка. – Убирайся! Вон из моего дома!»

Гроах съёжилась, сразу сделавшись как будто вдвое меньше ростом, робко кинула на своё божество последний, затравленный взгляд, медленно развернулась и поковыляла на кухню. Сзади она разительным смахивала на седую, страдающую радикулитом и суставными болями старуху. Чуть помедлив, Людочка зашла следом, но на кухне уже никого не было. Только приоткрытая дверца под мойкой хлопала от легкого сквозняка.

Больше Людочка никогда её не видела. Впрочем, говорят, в тот же день в районе Фрунзенской набережной сразу несколько прохожих стали свидетелями удивительного зрелища: огромная, неестественной величины и худая как смерть крыса пересекла проезжую часть, каким-то чудом избежав попадания под колёса мчавшегося по всем полосам транспорта, запрыгнула на гранитный парапет и мгновенно сиганула в Москву-реку. Наиболее любопытные из очевидцев подскочили посмотреть, как крыса станет переплывать реку. Известно ведь – эти твари плавают не хуже дельфинов. Но узрели лишь широкие концентрические круги, нехотя расходящиеся по маслянистой, глянцево-чёрной воде.

ПОЭЗИЯ

Евгений ХАВАНОВ

ЕВГЕНИЙ ХАВАНОВ

Евгений Иванович Хаванов – родился в 1935 г. в Ульяновской области. В Сызрани окончил нефтяной техникум, в Новокуйбышевске работал на нефтеперерабатывающем заводе. Четыре года служил во флоте. Затем работал в областной газете «Волжская коммуна», где заведовал отделом культуры. Окончив Куйбышевский пединститут, учился в Академии общественных наук, в аспирантуре, в Федеральной академии государственного управления при МВД ФРГ. Доктор исторических наук. Доктор бизнес-управления (США). Профессор Московского городского педуниверситета. Автор книг и статей по проблемам молодежи, антифашистского Сопротивления, общественных движений. Заслуженный работник Высшей школы РФ. В поэзии – со времени военной службы. Член Союза писателей.

Живёт в Москве.

«Идём, чтоб в Историю влиться...»

Ждёт Россия мессию

*Если мы не дадим отпора алкоголизму..
то мы пропьем социализм и пропьем
Октябрьскую революцию.*

Л.Д. Троцкий, 1925 г.

*У нашего Куприяна
Все дети пьяны.*

В.И. Даль.

Пословицы русского народа.

И вроде не истуканы,
И вовсе не чудаки.
Но глянешь – везде стаканы
И прочие черпаки.

Трудяги ли, менеджеры,
Лётчики, рыбаки...
Просят наполнить фужеры
И бабы, и мужики.

И даже по части вокала
Или тех же стихов
Не обойтись без бокала –
Обычай у нас таков.

Словес, как обычно, избыток,
Но мысль как всегда одна:
Наш национальный напиток –
Водка? Да, это она.

Не спорьте с историей вы, мол.
И здесь у нас главный посыл:
Сам Солнышко князь Владимир
Ей путь на Русь проложил.

А утром весенним, росным
Рисковый был сделан шаг:
Царём Иоанном Грозным
Открыт на Руси кабак.

И должность пришла – виночерпий.
Царю он – слуга из слуг.
А для других, для черни –
И целовальник друг.

Признается мимоходом
Екатерина опять,
Что пьяным-то нашим народом
Легче и управлять.

Не холодно и не жарко.
Но мысль-то так и идёт...
Чекушка, мерзавчик, чарка
Втягивали народ.

Читаем про Куприяна,
Как все он, хоть есть изъян:
Потомство его всё пьяно
Поскольку сам он пьян.

На пальцах считать – не внове,
И просто всё, и хитро:
Двенадцать чарок в штофе,
А десять штофов – ведро.

И это что – разве точка?
Куда-то река течёт.
Сорок вёдер ведь бочка.
Не бочка ли ждёт народ?

Но ржавые цепи рвутся.
Красный зажётся свет.
В Россию пришла Революция
И водке сказали НЕТ.

Думать – своими мозгами.
Кружки, стаканы – в загон.
Ходить – своими ногами.
В России – сухой закон.

Не цацкаюсь и не чваняюсь,
Познали своё естество:
На год – по литру на нос.
Голод? Да нет, ничего.

И так вот и жить? Всухую?
«Я свой не отдам стакан!
К чёрту мне жизнь такую!» –
Взбесился старик Куприян.

Но флаги на мачтах рвутся.
Сдаться – значит упасть.
Сдадимся – пропьём Революцию,
Пропьём Советскую власть.

Не змию – труду во славу
Воссоздавали страну –
Великую нашу державу,
И выиграли войну,

В себе побеждая косность,
Но были всегда сухи.
Зато покоряли космос
И сочиняли стихи.

И как нас судьба ни мотала
В потоках путей и идей,
Чего-то порой не хватало,
Но прежде всего – вождей.

Мыслей глубоких и резвых –
Хотелось увидеть таких –
Умных и, главное, трезвых,
И старых, и молодых.

И как в какие-то веки
Верил в мессию народ.
Мыслились нам генсеки,
Что нас поведут вперёд.

Гадали: а кто же всех выше?
Наш ли он или не наш?
Пока не явились Миша
И Боря – главный алкаш.

Вот так закрутилась лента.
Венец? Совсем не венец
Два субчика, два президента.
А с ними и сказке конец.

Случается всяко, но надо же –
С намёком на наше нутро –
По десять литриков на душу.
Да это ж почти ведро.

Такая сложилась палитра,
Историю чтя на ветру:
При Сталине было по литру,
А Миша тянет к ведру.

И будет когда-нибудь точка?
Утром, ещё не пьян,
Снова вспомнил про бочку,
Затылок скребя, Куприян.

Такого набрались опыта,
Такого не видывал свет.
Уж и Революция пропита
А наши Советы? Их нет.

Как прежде, мы праздникам рады.
Чарками площадь залей!
Бравурные любим парады,
Скрывая от глаз Мавзолей.

А мы-то всё ждём мессию,
С дверями открытыми ждём.
Хотели спасти Россию
И верим в то, что спасём.

Кто он? Не Бог, не кудесник.
Его ни о чём не проси.
Он стойкий кремлёвский трезвенник,
Хранитель древней Руси.

Прямой, вдохновляющий, радующий
И что-то в нём от легенд –
Верховный товарищ командующий
И господин президент.

Может, и есть он мессия.
К делам переходим от дум.
Встречай, принимай, Россия!
Россия, берись за ум!

Лица

Не Волге раздольной литься,
Не ветру могучий ток –
Лица, лица и лица,
Широкий людской поток.

Вот он идёт столицей –
Платок не положишь на рот –
Тысячерукий, столицый.
Это и есть народ.

В единую массу слиться,
Лицо за лицо – горой.
Такие твои лица,
Труженик и герой.

Гордость за эти лица,
В делах и думах размах.
Едва восток заалится,
Они уже на ногах.

Плоды не успели налиться,
Но добрый труд уважай!
Верю, глядя на лица, –
Богатый грядёт урожай.

Хотел в нашу землю врыться
Злой и коварный враг.
Но разгромил фрицев
Гордый советский флаг.

В жизни своей все лица
От мелочей далеки,
Но отдыхать, веселиться
Мы тоже не дураки.

Внимание: в небо лица.
Но только кто ж идиот?
Какая-то небылица
Оттуда на нас снизойдёт?

Клевещут на наши лица:
Ни совести, мол, ни души.
Мол, лишь самогону литься,
И все как один алкаши.

Но ихний Осёл с Ослицей
Прямой разговор завёл:
Кто вздумал на русских злиться,
Тот неумный осёл.

А нам-то не краской залиться,
Не нам сгорать от стыда.
Честью стоять за лица,
Как прежде, будем всегда.

Не прячем стыдливо мы лица,
Не валим беды на рок.
Да, не умеем молиться,
Но создал такими нас Бог.

Читаем по хохмам лица.
Народ своего поймёт.
Выпить, опохмелиться
Чарку всегда нальёт.

Всматриваясь в лица,
Я мыслил своё бытё,
Как в эту массу влиться.
И стал частичкой её.

ОНИ – говорил я про лица.
Теперь говорю МЫ.
Ну а куда нам литься,
Пусть скажут наши УМЫ.

Нашей эпохе длиться,
Шансы у нас велики.
Но только зачем делиться,
Резать страну на куски?

Такие вот наши лица.
Идём, чтоб в Историю влиться.
Живите, родные лица.

Осень

*Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора.*

Ф. Тютчев

Что это? Что-то сложное,
В большую корзину сложенное.
Небо сырое, ненастное
Вчера, а сегодня ясное.

Дни, говорю я, ведренные,
А ты говоришь – ветренные.
Утро, смотрю я, погожее,
А ты – ни на что не похожее.

Припомню соцветие вёсен.
А это? К кому мне с вопросом?
Сквозь ветви зелёные сосен
Приходит мне слово ОСЕНЬ.

Да всё, как я вижу, разное –
Ярко-зелёное, красное,
И серое, и гривуазное.
А в общем – отчаянно праздное.

Цвета не проходят мимо.
Хоть разное, но совместимо.
Вширь развернулась игра
Из золота и серебра.

В единое зарево слито,
Естественно, нон-финито.
Дождём и росами умыто,
Солнцу и ветру открыто.

В лесную ширь распростёрты
Пейзажи, панно, натюрморты,

Едва различимые диски,
Тени, фигуры, кубки.
Не сам ли Василий Кандинский?
Не сам ли Франтишек Кубка?

Горит колесо как лассо?
Не сам ли Пабло Пикассо?
Улыбкой озарено –
Так ярко и так озорно.

О, добрый служитель пера!
Осень – твоя пора.
Про эту красу, про диво,
Поэт, напиши правдиво.
Во славу души и пера
Рожай свои строки. Пора!

Поэт и пиво

Скажи, что значит жить поэтом?
Как коротает он свой век?
Так много говорят об этом.
То ль бог? А то ли человек?

Всегда во власти искушенья.
Хотя и всякое порой...
Как в собственном стихотвореньи
Живой лирический герой.

Его строка – основ основа,
И где б он ни был и когда,
Ему в ответ всегда два слова
На все вопросы – есть и да.

И всюду всё ему открыто –
Глаза, и души, и сердца,
Что в памяти отца сокрыто,
То и рождается в юнца.

Но, может, главное не это.
Правдивы будем до конца –
Само присутствие поэта
Влечёт поэзию в сердца.

А кто ругает: очень скучно,
Не принимает, мол, народ.
Толкуют в лавках простодушно:
Она навару не даёт.

Однажды на большое вече
Поэта звал корпоратив.
Увы, не получился вечер –
Уж слишком был не тот мотив.

Вот – мнение у корпоратива,
Крутые, видно, мужички –
Добро бы коньячок иль пиво,
А тут какие-то стишки!..

Стаканами стучала зала,
Взрывался тостами банкет.
Ну, а поэзия сказала:
Меня здесь не было и нет.

И кто же она?

Годины – всё крепче и туже
Одну обнимаю – всё ту же.

Ничто не менял и даже
Жена у меня всё та же.

И кто ж она? – спросишь ты тише.
Да как кто, – отвечу. – Ты же.

От «Трактирщицы» до «Благословите женщину»

Прошло уже больше года после ухода из жизни замечательного режиссёра, актёра, писателя, общественного деятеля С.С. Говорухина. Самое время, чтобы осмыслить наследие мастера.

Его творчество велико и разнообразно, да и написано о нём уже много, но есть одна работа, которую хотелось бы выделить особо. Это кинолента «Благословите женщину» (2003 г.). Фильм поставлен по повести И. Грековой «Хозяйка гостиницы» (1976 г.). Название повести «Хозяйка гостиницы» отсылает нас к пьесе К. Гольдони (1752 г.) (*La locandiera*), которая в другом переводе называлась «Трактирщица». Пьеса неоднократно ставилась на русской и советской сцене, а также экранизировалась. Убеждённый женоненавистник, кавалер ди Рипафратта (кавалер – дворянин без титула, награждённый орденом) падает жертвой любви к молодой хозяйке гостинице Мирандолине, признавая свою полную неспособность противостать чарам умной, хитрой и деятельной женщины. Сам К.С. Станиславский сделал две постановки этой пьесы: первая, «Трактирщица», в 1898 г. и вторая, «Хозяйка гостиницы», в 1913 г., в которых он блистал в роли Кавалера. Мирандолина, героиня Гольдони, владеет гостиницей во Флоренции после смерти отца. Она молода, красива, прекрасно умеет обращаться с мужчинами, и при этом совершенно независима, самостоятельна. Глядя на Мирандолину, так и хочется спросить: «Это кто здесь слабый пол?». Ей ещё только предстоит выйти замуж за слугу Фабрицио, с которым она вместе управляет своей гостиницей. Муж ей нужен для социального статуса и для защиты от чересчур назойливых ухаживателей, а пока она наслаждается своей женской властью над мужчинами.

Автором повести «Хозяйка гостиницы», в отличие от Карло Гольдони, является женщина (И. Грекова, а точнее, Игрекова – творческий псевдоним Елены Сергеевны Вентцель, математика,

Евгения Васильевна Полякова – родилась в Москве. В 1982 г. окончила МГПИИЯ им. М. Тореза. Работала переводчиком, преподавателем. Замужем, имеет двух дочерей. Живёт в Москве.

доктора технических наук), и отношения между героями рассматриваются с женской точки зрения. Другая эпоха, другие обстоятельства. В центре повествования – история семейной пары Ларичевых, профессионального военного Александра Ивановича и его жены Веры. Юная девушка в начале 1930-х годов влюбляется в приезжего красного командира Ларичева и отправляется с ним из родного приморского города к месту его службы. Следуя всегда и везде за волевым, требовательным мужем, Вера полностью подчиняется его авторитарной, порой деспотической натуре и, кажется, полностью растворяется в любимом Шуничке. Испытания, которые подбрасывает Ларичеву «век-волкодав», в конце концов приводят к его преждевременной смерти. Вере кажется, что всё кончено, но оказалось, что жизнь, её самостоятельная жизнь, только начинается.

Пафос повести – утверждение животворящего женского начала. Трудности, переживания, сверхтребовательное, порой потребительское отношение мужа не сломили Веру. Наоборот, из юной, незащищенной, неопытной девушки она выросла в сильную, стойкую женщину, несколько не утратив при этом женской мягкости, добросердечности. Поверив в свои силы, Вера превратилась в настоящего «рыцаря света». «Бывают такие люди – источники света. Вот Вы – такой источник», – говорит ей Юрлов.

Экранизация произведения И. Грековой С.С. Говорухиным честно следует первоисточнику, но отнюдь не является простой иллюстрацией к повести. Автор киноленты – мужчина, к тому же известный своими фильмами, воспевающими силу, доблесть, отвагу как мужские имманентные качества («Вертикаль», «Пираты XX века», «В поисках капитана Гранта»). И вдруг повесть о том, как ломали, да только сильнее сделали жену профессионального военного Веру Ларичеву! Видимо, накопленный профессиональный и жизненный опыт заставили прославленного режиссёра многое переоценить, передумать. В чём же состоит истинная доблесть? Казалось бы, Александр Иванович Ларичев – герой, служака, золотой фонд нашей армии. «Гвозди б делать из этих людей...». Но есть и обратная сторона медали. Беззаветно преданный своему делу, Ларичев считает возможным приносить ему человеческие жертвы: заставляет Веру сделать аборт, забирает у неё своего сына от первого брака, когда она уже привыкла считать его своим ребёнком, безжалостно отрывает от Веры детей её подруги Маши Смолиной, которым Вера заменила мать. Прикрываясь чувством долга, Ларичев всё время режет по-живому, походя разрушает судьбы окружающих людей. «Неужели тебе нужен ещё кто-нибудь, кроме меня?» – спрашивает он Веру. Никто не может упрекнуть Александра Ивановича Ларичева в трусости, но что стоил бы отважный воин, если бы не ежедневное добровольное жертвоприношение жены? Невольно вспоминается диалог главных героев из повести Б. Васильева «Офицеры»:

- Чуб тот же.
- Только седой.
- Да орденов полна грудь.
- Половина её.

Умер, не успев сказать слов признательности жене, отставной военный Ларичев. За него это сделал режиссёр Говорухин, изменив название с «Хозяйки гостиницы» на «Благословите женщину».

Ларичев – герой в старом, «ветхозаветном» понимании, в мире людей, у которых «стальные руки крылья, а вместо сердца – пламенный мотор». Столкнувшись с ежедневной абсурдностью бытия, определившего

соответствующее сознание, Ларичев постепенно сдаёт позиции, а потом и вообще уходит из жизни. А Вера, оплакав его, начинает своё движение вперёд и вверх: обеспечивает благополучие своей семьи, устраивает жизнь ближних и дальних, растёт как профессионал на работе (администратор гостиницы). И всё это тихо, спокойно, без надрыва, без высоких слов. Для движения вперёд ей не нужно отталкиваться от других людей, используя их как точку опоры. У Веры есть то, что называется старинным словом «добродетель». Архимандрит Савва Мажуко в своей книге «Духовные упражнения» (М., «Никея», 2019) пишет: «Добродетель не дар природы, не врождённое свойство. Добро – результат тяжёлого, кропотливого, многолетнего труда. Не случайно в нашем русском слове два корня: “добро” и “делать”. Добродетель есть навык отвечать на вызовы судьбы делом, деланием добра».

Следуя, скорее всего, неосознанно, высшей христианской этике, Вера устраивает жизнь вокруг себя по принципу милосердия, служения ближнему. «Стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи». Все мы на этой земле только странники, временные постояльцы в мирской гостинице. Настоящий-то хозяин в ней – Господь, но действует он через таких людей, как Вера. Именно поэтому такой чуткий художник и глубокий мыслитель, как С.С. Говорухин, и призывает благословение на хозяйку маленькой провинциальной гостиницы Веру Ларичеву.

Фильм – мольба о прощении от лица сотен кавалеров, ларичевых и иже с ними, которые вдруг поняли, что выстроенная ими система отношений между мужчиной и женщиной – путь в никуда. В известном смысле они занимаются самоуничтожением. «Благословите женщину» – несколько запоздалая попытка изменить вектор движения. «Капли датского короля пейте, кавалеры!».

ПОЭЗИЯ

Сергей ГАЗИН

Сергей Юрьевич Газин – родился в 1953 г. в городе Казани в семье военнослужащего. Вырос под Киевом в городе Белая Церковь. В 1974 г. в городе Опочка Псковской области окончил Опочецкое Зенитно-Ракетное училище ПВО. В 1987 г. окончил Военную Инженерную Радиотехническую Академию ПВО им. Маршала Советского Союза Л.А. Говорова. Служил в войсках ПВО под Тернополем в г. Борщів, в Днепрпетровске, Харькове и Москве. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Член Союза писателей России. Автор десяти книг стихотворений. Лауреат московских областных литературных премий им. Ярослава Смелякова и Евгения Зубова, премии МОО Союза писателей России «Золотое перо Москвы» и др. Кавалер Золотой Есенинской медали. Член-корреспондент Академии Российской словесности.

Живёт в Москве.

«Я с предками крови единой!..»

Наследие предков

Вживаюсь в наследие предков,
Читаю былины и мифы –
Для памяти ставлю пометки,
Как жили бесстрашные скифы.

Хочу в старину погрузиться,
Пройтись по земле древнерусской –
Увидеть забытые лица,
Узнать их заботы и чувства.

И ворога не испугаться,
С дружиной уйти в чисто поле
И смело среди предков сражаться
За землю, за русскую волю!

Напиться воды родниковой
И вольного ветра степного,
Испить под заветное слово
Из братины мёду хмельного.

И сердце забьётся счастливей –
Я с предками крови единой!
Земли нет на свете красивей,
Что стала святою, былинной!

Русь былинная

Где луга раздольные,
Жизнь везде – привольная!
Запахи полынные
В Русь зовут былинную.

Где улитка тащится,
Где кузнечик прячется –
Лопухи и травушка,
Сочная муравушка.

Ветер клонит лютики,
Рядом утки в прудике, –
Где берёзки тонкие,
Там и птички звонкие!..

И вода кольшется,
Небом не надышится, –
Русский мир – естественный, –
Истинно Божественный!

Спящий витязь

Ой, ты не плачь, не рыдай обо мне, Россия –
Я твой голубь с небес, вражьей сражённый стрелою..
Ты прости, я упал с высоты некрасиво
На ладони твои да со своею бедою..

Не собрал земляники я в звёздной лазури,
Не достал и водицы, жаль – занебесной живой..
Чем тебя угостить? – кровь свою принесу ли?..
Дай же силушки мне своей от землицы сырой.

Верь! Я ещё поднимусь, вот увидишь, легко –
Светом белым имя твоё напишу в синеве!
Замелькает лучами далеко-далеко
Огонёк чистых глаз твоих да по мокрой траве.

Ой, ты не плачь, не рыдай обо мне, Россия!
Я твой витязь былинный, спящий в волшебной горе..
Будет время, дождёшься ты славного сына,
Засияет величье твоё в рассветной заре!

Ура!

Вольным ветром взлохматился Днепр,
Князь взглянул на дружину с задором, –
Русский Дух здесь свободой окреп,
Древним шляхом летя по просторам.

Скоро море, а там и Царьград –
Край богатой добычи и славы, –
Зазвенит в сече русский булат,
Богатырские ухнут булавы!

На ворота прибит будет щит,
Император откупится данью –
Не об этом ли чайка кричит
Над широкой днепровскою дланью?

Верный знак – это помощь богов! –
С нами правда, отвага и сила, –
И УРА! – от родных берегов,
Где Сварог и Перун, и Ярило!

Заплясали ладьи на волнах –
Разогнались на синих просторах,
Тучей стрел разлетается страх,
От УРА!!! – разбегаются ворог!..

Колёса времени

Скрипят колёса скифские,
Зовут в края неблизкие...
Извечный путь вневременный –
Ведёт нас в рай утерянный.

И сердце в упоении
Живёт в предвосхищении
Рожденья снов невиданных
И новых слов неслыханных.

Дурманит обольщение
В порыве вдохновения
Под скрип колёс несмазанных –
Мы счастьем жить обязаны!

И вот уж колокольчики
Для нас звенят сквозь ноченьки –
В небесном откровении
Поют колёса времени!..

Старая сабля

Облака разрубим саблей,
 Не дадим ей заржаветь, –
 Звёзды сотнями ансамблей
 Нам победу будут петь!
 Заблестит клинок старинный,
 Вспоминая о боях,
 Затрещит огонь каминный –
 Задрожат и швед, и лях!..

Ох, страшны атаки наши –
 Русский сабельный удар...
 И не просто саблей машет,
 Насмерть бьёт лихой гусар!
 Будто молния из тучи
 Вылетает вдруг клинок –
 Не встречаться в схватке лучше,
 С тем, кто с саблей, словно Бог!..

Кто ты?

Рассвета лучи сквозь листву тополей
 засияли на тёмной аллее,
 И проявили игрой светотеней
 на чистом асфальте лицо –
 Я вдруг увидел: живые глаза
 предо мной заблестели,
 В зеркале луж зазвенело седин серебро
 и столетий сомкнулось кольцо.
 Мне захотелось спросить его: Кто ты?
 Волшебник?
 Зачем появился?
 Смотришь на небо, но сам же на землю слетел
 вместе с ласковым светом...
 Молчал он.
 Лишь хоровод листвяной
 вихрем над ним закружился...
 И в душе моей раздалось:
 – Предок я твой.
 Помнишь ли род свой?
 Кто ты???
 Я пришёл к тебе за ответом...

Старый альбом

Вдруг смешались века, воскресив сразу всех –
 Фотографии старые будто живые...
 Там с прабабушкой прадед, я слышу их смех,
 И они молодые совсем. Мо-ло-ды-е!

Вслед за ними иду. Как прекрасны они!
 Так хочу посмотреть их венчание в церкви! –
 Буду тихо стоять невидимкой в тени,
 Чтобы свеч огоньки невзначай не померкли.

Незаметно для всех, прилетев ветерком
 Из железного нашего века случайно,
 Я святые иконы целую тайком,
 Чтобы счастье у них было вечно, бескрайно.

Снова снимок в руках. Как вернулся сюда?..
 Очень жаль, почему время так быстротечно?
 Их давно нет в живых, – пролетели года...
 Но душа говорит, память вечна!

Каменная баба

Прокудахтала курочка Ряба –
 Мол, в степи на высоком холме
 Ожила половицкая баба –
 Та, что в камне страдала во тьме.

Будто грянул с небес ясный пламень,
 Озарив на мгновенье восток,
 И не выдержал тягостный камень,
 И осыпался с девы песок.

И яичко золотое разбилось...
 Ковылём зазвенели поля!
 И царица степей пробудилась,
 Озарилась родная земля.

И пошёл я по травам высоким,
 По просторам с открытой душой,
 Поклониться очам синеоким
 И напиться водицы живой.

Зов Перуна

В тяжелошумящем море
Громыхает бог Перун,
Извлекает на просторе
Грозовые звуки струн.

Струн, натянутых из ветра
И тяжёлых, мрачных туч,
Где ни света, ни просвета –
Не пробьётся солнца луч.

Лишь гремят зигзаги молний,
И грохочет всё вокруг,
Грозно бьют в корабль волны,
Проверяя на испуг.

Коль набухли воды разом
От потоков буйных рек, –
В бурю – крепче, чем алмазы,
Станет сильный человек.

И увидит Громовержец
Свет души из толщи вод,
Что моряк – единовец
И Перун его спасёт!

Волны с пеной белой споря,
Отзовутся звоном струн –
Возликует в синем море
Громогласный бог Перун!

Элеонора Валентиновна Кузнецова – родилась в Москве. Окончила Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена. Работала в школе преподавателем биологии, рисования и черчения; заведующей в библиотеке, а также инженером-техническим художником в Московском институте теплотехники. Член Союза писателей России, а также ЛИТО «Отрадное», «Ясноцвет», «Казачка» и «Избранники муз». Публиковалась в журнале «Поэзия. Двадцать первый век от Рождества Христова» и Антологии одного стихотворения «Золотое перо Московии», в альманахах «Казачка», «Наша Отрада» и «Ясноцвет», «Лепта на храм» и газете «Московский литератор».

Живёт в Москве.

«О вечном с небом говорить...»

Завет

Я Господа за жизнь свою благодарю,
Что льётся из источника любви рекою.
Вложил Он кисти и перо в ладонь мою –
И я рисую, и пишу с открытою душою.

Я поняла давно, что если не любить,
В рисунках и стихах моих не будет света.
Без лика Божьего в душе нельзя творить –
Фальшиво будет и бездарно это.

Там счастье, где душа стремится с Богом жить,
Внимать Ему при пробуждении с рассветом,
И за любовь, Его в стихах благодарить –
И вечно жить Божественным заветом.

С любовью

Куда ни глянь, ни кинь свой взор –
Кругом любви живой источник...
Весь мир – божественный узор,
Им вдохновляется художник.

Любой цветок, любой листок –
Пример, как чудо совершенства.
Нам мироздания исток
Несёт надежду на блаженство.
Дана нам с детства благодать!

Хранить её? Или разрушить?
Идти за правдой или лгать?..
Рассудок или сердце слушать?

И мы живём – то свет, то тьма...
Любовь ведёт нас по дорогам, –
Она спасает всех сама,
Когда идём с ней вместе к Богу.

Русские окна

Неустанно стуча колёсами,
Поезд жизни несётся вперёд
По России с белыми росами –
Красотой насмотреться зовёт.

Необъятны просторы русские,
Потому и душа без границ, –
Не родятся здесь мысли тусклые...
Пред раздольем я падаю ниц.

Умоляю о счастье солнечном,
О любви бесконечной в душе
Даже в дальнем пути просёлочном,
Даже в самом крутом вираже.

Русь за окнами ясноликая –
Купола с благодатным огнём!..
Вся бескрайняя ширь великая
Умещается в сердце моём.

Не уппусти

Рассвет, земли целуя край
Прозрачной акварелью нежной,
Раскрасил чудно дивный рай
Живою кистью безмятежной...

И разноцветные лучи,
Отвесно падая слезою,
Зажглись светлее звёзд в ночи,
Дрожа небесною росою.

Не уппусти счастливый миг, –
Заря в душе нежнее розы...
Услышь сердечный тихий крик,
Пролей свои девичьи слёзы.

И оживлённый небосвод
Подарит сладкие мгновенья...
Взлетишь с мечтою в свой полёт,
Познав любовь и вдохновенье!

Осенняя палитра

В огнях живой палитры с дивной гаммой –
Деревьев кроны создают букет,
И не найти нигде достойной рамы,
Чтоб разместить в ней осени портрет.

Так много чувств и благости, и света
Нам осень безмятежная дала,
Что не находишь разумом ответа –
Откуда это в смутном мире зла?

И грустно нам порой в безумстве красок,
Но чистотою полнятся сердца, –
Открыты души – им не нужно масок,
Чтоб жить любовью вечного Творца.

Наедине

Я помню светлый чудный день:
Из веток у реки плетень,
И липу в сладостном меду,
И пчёл жужжание в саду.

Мне снится часто тишина
И неба синь, и вышина,
А за рекой вдали леса
И сочной радуги краса.

Переходила речку вброд –
Стрекоз там вился хоровод,
А в тонких крылышках слюды
Горели радуги следы!

Всё это в сердце навсегда!
И вот – опять пришла сюда
Мгновенья счастья повторить –
О Вечном с небом говорить...

Танцующая нежность

Танцующая нежность ощущений
В пространстве задушевной тишины
И шёпот давних милых впечатлений –
Мне бесконечно жизненно важны.

И в переливах этих излучений
В душе поёт потоком красота...
Хрустальный звон чарующих мгновений
И вечная живая высота.

И в этом мире с тайнами любимыми
Вся жизнь твоя до капли – как моя,
Со всеми точками и запятыми...
Как есть, всё будет пусть – от А до Я.

Чтоб в вышине небес ловили руки
Тот луч живой, что к нам пробиться смог,
И в радуге играли чудо-звуки,
Что дарят нам мелодию и слог.

Свет дружбы

Реально невозможно в прошлое вернуться,
Но вспомнить, пережить ушедшие года,
И к дорогому осторожно прикоснуться
Хочу всем сердцем, всей душой иногда.

Чтоб изменить что было? Нет, конечно.
Та жизнь моя – и до, и после мне важна,
Пусть даже и порой не безупречна...
Она у всех людей, как правило, сложна.

Судьба дала подружек преданных, немного,
И столько же надёжных, избранных друзей –
Благодарю за этот дар всем сердцем Бога,
Не знала никого по жизни их верней.

Давно их нет... Но всё, что было живо, –
И дружбы свет, и бескорыстие во всём
Храню в душе своей с любовью бережливо –
Они навек в сознании моём....

Памяти Евгения Ерхова

Ты – моё окончание детства,
Светлой памяти тонкая нить,
В наших встречах – само совершенство...
Мне тебя никогда не забыть.

Вспоминаю тебя как поэта,
Как прекрасного счастья – ручей,
Как источник чудесного света
Ясноглазых весёлых лучей...

Богатырские руки, как крылья,
И в плечах молодецкая стать,
А в речах нежных слов изобилье...
Как тебя мне ещё описать?

Из далёких миров занебесья
Ты во сны прилетаешь порой...
И звучит нашей осени песня,
Словно юности голос живой.

Мелодии рондо

Памяти Е.Е.

Плывёт в облаках надо мной сизый дым,
Укутавшись в думы, лечу вместе с ним...
И в сердце моём невозвратное время
В душе прорастает, как жаркое семя.

Я слушаю шёпот живой тишины,
И рокот на берег летящей далёкой волны,
Где были разлиты огни акварели
Во множестве радуг, что в сердце горели.

И в этой кантате сиянье звезды,
Мелодии рондо летящей воды,
Где Солнце с Луной ткали яркую пряжу,
Где юной любви – дорогая пропажа...

Крик сердца

Дождь холодный – стеной, но его я не вижу...
Шепчут губы слова. Почему-то не слышу...
Я в тумане от слёз пропадаю,
Но крик сердца душой понимаю.

И, как в беге волны при ударе о рифы,
Мысли брызгами падают в горькие рифмы...
Тороплюсь – всё, что дорого-близко,
Собираю в стихи и записки.

Волей Божьей проходят года быстротечно...
Как хотелось бы нам их прожить безупречно –
Не в страданиях утрат безутешных,
А в счастливых объятиях нежных.

Ранний старт (Илья Ильич Мечников)

З (15) мая 1845 года в селе Панасовка Купянского уезда Харьковской губернии в семье ремонтёра двух гвардейских полков помещика Ильи Ивановича Мечникова родился пятый ребёнок. Родители любили всех своих детей: дочь Катерину (1834), сыновей Льва (1838), Ивана (1839), Николая (1843). Последний, пятый ребёнок был личным подарком матери отцу, а потому был самым любимым её сыном и по её же настоянию названным в честь мужа – Ильёй Ильичом.

Мечниковы переехали в Малороссию (на Украину) в родовое имение Ильи Ивановича лишь три года тому назад. До этого времени их жизнь была связана с северной столицей России – Петербургом.

Илья Иванович происходил из знатного румынского рода Милешту. Его далёкий предок Спотарь Милешту находился на службе у царя Алексея Михайловича в должности драгомана (переводчика), а племянник Спотаря Милешту, Юрий Степанович Спотарь, исполнял обязанности судьи при Петре Великом, имея дворцовый чин «мечника». Таким образом, помещики Мечниковы всегда были на государственной или военной службе.

Военным был и Илья Иванович, отец Ильи Ильича. Он служил в гвардии, был хорошо сложен, прекрасно воспитан, имел приятное лицо голубоглазого блондина и темперамент эпикурейца: любил офицерские кутежи, карточные баталии, светские балы. На одном из балов товарищ по гвардии Невахович представил Илью Ивановича своей сестре Эмилии.

Эмилия была очаровательной: у неё был живой, весёлый и беззлобный характер, нежное и доброе сердце. Её еврейского типа красота была яркой и броской. Чудные тёмные и огненные глаза выдавали её весёлость, темперамент и выдающийся ум. Она происходила из семьи бывшего варшавского откупщика, который после крещения переехал в Петербург и в конечном итоге стал писателем Львом Николаевичем Неваховичем,

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

входившим в круг литераторов, водивших дружбу с А.С. Пушкиным и И.А. Крыловым.

В молодости все любили называть Эмилию Милочкой. А в пожилые годы Эмилия Львовна с удовольствием вспоминала, как однажды на балу А.С. Пушкин шепнул ей на ухо: «Que vous porter bien vorte non, mademoiselle!» (Как вам идёт ваше имя, мадемуазель).

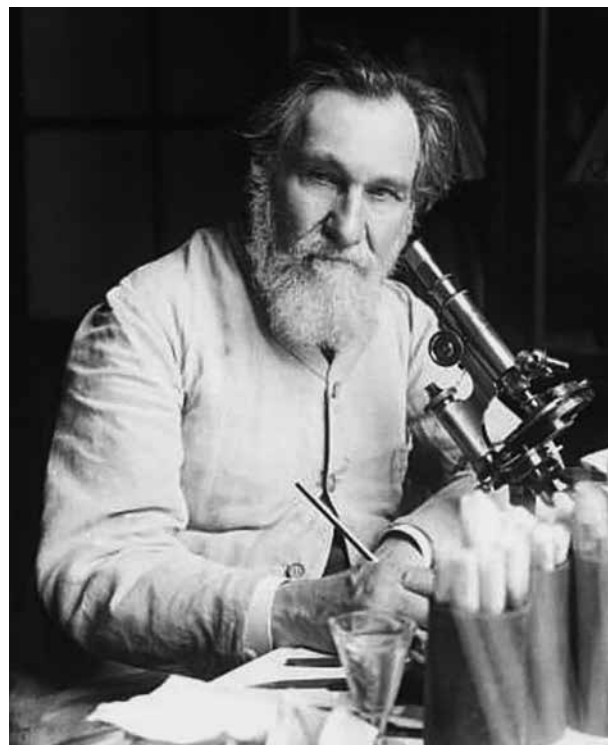
Довольно скоро после первой встречи на балу Илья Иванович почувствовал состояние, которое в среде гвардейцев именовалось «потерять голову». Вероятно, «потеряли голову» оба, так как его предложение руки и сердца Эмилия приняла без колебаний, сразу. В 1833

году отпраздновали свадьбу, и началась у Мечниковых весёлая и беззаботная жизнь в Петербурге.

Десять лет такой жизни пролетели совсем незаметно и закончились полным истощением приданого Эмилии Львовны. Тогда-то, оставив сыновей Льва и Ивана в пансионе в Петербурге для подготовки в лицей и в школу правоведения, Илья Иванович с женой, дочерью Катериной, тётёй жены и своим младшим братом переехал в деревню. Уже в деревне родились Николай (1843) и вслед за ним Илья (1845).

Илья Ильич в детстве был светленьким, тоненьким мальчиком с нежным цветом лица, серо-голубыми глазами, которые обрамляли шелковистые светлокаштановые волосы. Он был подвижен, как ртуть, впечатлителен, вспылчив, но его глаза постоянно искрились умом, живостью и добротой.

Когда Илье исполнилось 6 лет, из Петербурга привезли старшего брата Льва, у которого открылось туберкулёзное воспаление тазобедренного сустава – коксит. Когда Льву было уже 15 лет, а Илье только 8, на каникулы в Панасовку в качестве учителя старшего брата приехал студент-медик Ходунов. Есть сведения, что студент очень добросовестно учил старшего брата, старался привить любовь к ботанике, используя для этого не только застольные занятия, но и экскурсии в лес и в степь. Льва не очень занимала ботаника, её он изучал поверхностно. А вот маленький Илья неожиданно из простого соучастника прогулок сделался страстным собирателем и определителем растений, составителем гербария, истовым создателем сочинений по ботанике, собирателем книг по истории естествознания, экспериментатором-натуралистом и даже

Илья Ильич Мечников

импровизатором-лектором. По существу, главное дело жизни было избрано им уже в восьмилетнем возрасте.

В 1856 году младшие братья успешно сдали экзамены в Харьковскую гимназию. Коля поступил в третий класс, а Илья – во второй. Один год они жили в доме у одного из своих бывших учителей, а затем в пансионе Карла Карловича Шульца для «благовоспитанных детей».

Илья учился достаточно успешно по всем предметам, но к четвёртому классу появились у него особенно любимые и почитаемые: естественная история (история естествознания), ботаника и геология. В то время общего умственного брожения, связанного с острым интересом к материализму Фихте, Фейербаха, Бюхнера, Мошотта, на книжных рынках появилось множество переводных книг по естествознанию. Илья читал много и с жадностью. В четвёртом классе гимназии, в возрасте 15 лет, он впервые прочёл в русском переводе монографию Генриха Георга Бронна «Классы и порядки животного царства». Приложенные таблицы демонстрировали молодому учёному никогда ещё не виданный им мир микроорганизмов: инфузорий, амёб, корненожек. Илья испытал настоящее потрясение от открывшегося ему совершенно неизвестного огромного мира, окружающего человека. Вот тогда он твёрдо решил, что будет изучать проявления жизни в простейшей форме. Клеточки микроорганизмов, которые он рассматривал в книге, казались ему одновременно простыми, доступными и сказочно красивыми, совершенными.

Семнадцатилетний Николай и пятнадцатилетний Илья пошли в пятый класс гимназии, получив разрешение родителей поселиться на частной квартире. Теперь юноши считались вполне взрослыми и могли обойтись без попечения пансиона. Николай вне гимназии проводил время за картами, бильярдом и другими развлечениями, а Илья работал и работал, работал много и усердно. Вне занятий он увлекался музыкой и любил её страстно, а кроме того очень любил споры с товарищами на самые общие, даже отвлечённые темы.

Илью манила наука, он мечтал сблизиться с кем-нибудь из профессоров Харьковского университета, чтобы иметь возможность заниматься серьёзной научной деятельностью в лабораториях университета.

Первая попытка оказалась неудачной, даже безуспешной. Масловский, профессор сравнительной анатомии, по существу отчитал Мечникова за молодость. А вот молодого физиолога Щелкова, только что вернувшегося из-за границы, пылливый Мечников заинтересовал. Щелков принял Илью, уделил ему время, согласился давать гимназисту частные уроки по гистологии.

Илья не только много читал, анализировал, он всячески старался расширить свой кругозор. Так, вместе с Зелинским, а потом с помощью гимназического учителя естествознания и химии Тихоновича, Мечников переводил работу Грове «Единство физических сил», используя не оригинал, а её перевод на французский язык.

Ещё в третьем классе гимназии под влиянием глубокого изучения естествознания Мечников из очень религиозного человека, каким была его мать и каким он сам был в детстве, довольно быстро и осознанно перешёл на критические атеистические позиции. За «страстный атеизм» он получил от гимназистов прозвище «Бога нет». После этого тратить время на изучение закона Божьего ему было неинтересно. Как-то раз во время урока по закону Божьему Илья зачитался посторонней книгой и не заметил, как к нему приблизился преподаватель. Взяв из рук юноши книгу, священник совершенно озадачился, прочитав её название «О телах, содержащих кристаллы протеина».

Сочинение Радлькофера. Батюшка молча вернул Илье книгу и уже больше никогда не беспокоил его и не делал ему замечаний.

Студенты-медики помогли Илье обзавестись микроскопом. Сбылась его мечта – самому увидеть и исследовать одноклеточные организмы. Когда ему было пятнадцать лет, Мечников, исследуя инфузорий, понял, что сделал для науки открытие. Он написал свою первую научную работу по зоологии и отправил её в журнал «Бюллетень Московского общества испытателей природы». В ответ он получил письменное согласие редактора на публикацию. Илья, конечно, очень обрадовался, но очень скоро разобрался в своих исследованиях более глубоко и пришёл к выводу, что изложенные им в статье данные являются ошибочными. Он принял за размножение явление дегенерации. Мечников снова написал редактору – на этот раз с просьбой не печатать его работу. Однако сложилось так, что через некоторое время журнал видоизменился, приобрёл новую редакцию и новое имя, стал называться «Вестник естественных наук». Вероятно, просьба Мечникова не печатать статью затерялась. Через три года вышел номер, помеченный 1860 годом, но изданный в 1865 году. В журнале можно прочесть эту работу Мечникова под названием «Некоторые факты из жизни инфузорий» («Вестник естественных наук», 1860 (1865), т.7, 47-52, стб. 1564-1569).

При переходе в шестой класс гимназии (в 1861 году) 16-летний Мечников прочёл летом руководство по геологии харьковского профессора Леваковского. Поскольку Илья давно увлекался этим предметом, считал, что глубоко разбирается в нём, он написал рецензию на учебник и прислал рецензию в журнал. Рецензию напечатали. Так получилось, что по времени публикации это была самая первая научная публикация Ильи Ильича Мечникова.

Весной 1862 года, в 17 лет, Мечников окончил гимназический курс с золотой медалью. Илья сознательно добивался её, так как это давало возможность поехать для дальнейшего научного образования за границу. Несмотря на большие предстоящие расходы, отец и мать выкроили сыну деньги и снарядили его в путь в Германию. Однако оказалось, что Мечников приехал к немцам на шесть недель ранее начинавшихся по немецкому расписанию занятий (только с середины октября). Впервые очутившись на чужбине и оказавшись совсем один, Илья растерялся и после метаний из Вюрцбурга в Берлин, затем в Лейпциг, затем опять в Вюрцбург, бытовых неурядиц и неприятностей, Мечников бросил всё и уехал первым же поездом домой. Илья был слишком молод и впечатлителен, чтобы вынести полное одиночество на чужбине. Дома его приняли радушно и успокоили. Особенно радовалась возвращению своего любимца мать – Эмилия Львовна. Она с замиранием сердца отпускала сына за границу и благодарила Бога, что он так скоро вернул ей её «блудного сына».

Мечников привёз из Германии русский перевод книги Чарльза Дарвина «Происхождение видов путём естественного отбора», опубликованной в 1859 году. Илья тщательно проштудировал книгу и с этого времени стал убеждённым сторонником теории эволюции Дарвина.

Илья Ильич хотел поступать на медицинский факультет Харьковского университета, но мать отговорила его, мотивируя свой совет незащищённостью и ранимостью сына страданиями больных людей. Профессор Щелков отсоветовал с других позиций. Он понимал, что научный талант Мечникова будет более плодотворен на естественнонаучной ниве, чем при тщетных попытках лечить больных, не ведая сути большинства известных тогда болезней.

Мечников прислушался к мнению матери и своего первого научного наставника и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Харьковского университета.

Очень скоро, к сожалению, Мечников понял, что университет даст ему с точки зрения образования совсем немного. Тогда он решил пройти университетский курс в два года. Для этого он уволился из университета, поступил вольнослушателем и готовился вместе со студентами четвёртого курса к испытанию на степень кандидата. Экзамены Мечников сдал блестяще и окончил университет в 1864 году первым кандидатом в возрасте 19 лет.

Последующие 52 года жизни Мечникова в науке сопровождалось упорным трудом, исследованиями во многих областях естествознания, биологической науки, медицины. Илья Ильич не избежал нелицеприятной критики оппонентов, потерь и душевных драм. Но, вероятно, только такая жизнь и могла сопровождаться теми научными озарениями, за которые так любили и глубоко уважали Илью Ильича его научные коллеги, ученики, родные и близкие.

К окончанию университета Мечников был достаточно знаком с особенностями строения особей из низших отрядов животных. Сколько он наблюдал в микроскоп губок, червей и других, совсем простых беспозвоночных! Но если эволюционная теория Дарвина верна, то у более высокоорганизованных животных, в частности позвоночных, должны обнаруживаться черты, роднящие их с низкоорганизованными животными. Нахождение таких родственных черт при сравнительном анализе строения низко- и высокоорганизованных животных как раз и может подтвердить правоту идей Дарвина. Но, к сожалению, ко времени появления таких мыслей у Мечникова фактического материала было мало. А происходило это из-за того, что эмбриология позвоночных к тому времени была развита и изучена значительно лучше, чем эмбриология беспозвоночных.

Вот почему с такой готовностью, даже с радостью Мечников в течение 3-х лет занимался изучением эмбриологии беспозвоночных в различных странах Европы. Сначала он работал на острове Гельголанд в Северном море, затем в Гисене (возле Франкфурта) в Германии в лаборатории Рудольфа Лейкарта, а потом в Неаполе в Италии он сотрудничал с Александром Ковалевским. Итогом совместной работы Мечникова с Ковалевским стала премия Карла Эрнста фон Баэра. Оба исследователя пришли к выводу, что зародышевые листки многоклеточных животных демонстрируют структурное соответствие, или, выражаясь научным языком, являются «гомологичными». А именно так и должно быть у форм, имеющих общее происхождение.

В 1867 г., в возрасте 22 лет, Илья Ильич Мечников защитил в Санкт-Петербургском университете диссертацию на соискание учёной степени доктора наук, посвящённую эмбриональному развитию рыб и ракообразных. Защита диссертации позволила ему стать доцентом Санкт-Петербургского университета и 6 лет преподавать в нём зоологию и сравнительную анатомию.

В 1869 г., 24 лет, Илья Ильич женился на Людмиле Федорович. Они прожили счастливо 4 года, хотя у них и не было детей. Жена болела туберкулёзом, и, в конечном итоге, эта болезнь свела её в могилу. Мечников тяжело пережил гибель близкого человека. Выпив морфий, он предпринял неудачную, к счастью, попытку расстаться с жизнью.

Друзья уговорили Мечникова принять участие в антропологической экспедиции по обследованию калмыков, проживавших у Каспийского моря.

После экспедиции Илья Ильич уже не вернулся в Петербург. В 1873 г. он был избран доцентом Новороссийского университета в Одессе. Не только возможность жить в южном городе с более благоприятным климатом привлекла Мечникова. Главное было в том, что город располагался на берегу Чёрного моря, животный мир которого был чрезвычайно богат и разнообразен, но при этом изучен совсем неполно.

В 1875 г., в 30-летнем возрасте, доцент Мечников познакомился с 15-летней ученицей гимназии Ольгой Белокопытовой, к которой его наняли репетитором. Довольно быстро взаимная симпатия переросла в большое чувство. На одном из уроков Мечников признался своей молодой очаровательной ученице в любви и сделал предложение руки и сердца, которое было принято тотчас же, без размышлений. Хотя родители Ольги подняли скандал и были категорически против, в конце концов всё уладилось: талантливый учитель и способная ученица стали мужем и женой. Они были созданы друг для друга и сияли от счастья. Однако оно чуть было не закончилось трагически. Ольга поступила в университет и там же стала работать лаборантом бактериологической лаборатории. В один из дней она случайно заразилась из пипетки культурой брюшного тифа и тяжело заболела. Понимая, что он снова теряет дорогого, близкого ему человека, Мечников снова попытался свести счёты с жизнью. В этот раз он ввёл себе в вену культуру возбудителей возвратного тифа.

На этот раз судьба смилостивилась над преданно любящими друг друга людьми. Ольга осталась жива. Тяжело переболев, выздоровел и Илья. Душевные и физические страдания закалили Мечникова. Прошла его депрессия. И даже ухудшение зрения, наметившееся ещё в период работы с Ковалевским и вызывавшее резкую боль в глазах, отступило. После перенесённого возвратного тифа зрение даже улучшилось.

До конца дней своих Мечников сохранил возвышенное чувство любви и уважения к жене. У Мечниковых не было детей. И когда один за другим в течение года умерли родители Ольги, супруги без колебаний стали опекунами и воспитателями двух братьев и трёх сестёр Белокопытовых.

Хорошо жилось Мечниковым в Одессе.

Однако в России к этому времени усилились политические беспорядки, в том числе в студенческой среде. В ответ правительство предприняло целый ряд жёстких репрессивных мер. Работать в таких условиях стало невыносимо. Илья Ильич подал в отставку и переехал в город Мессины в Италию.

В этом городе Мечников проводил наблюдение за личинками прозрачных животных – морских звёзд. Он заметил, что если в организм звезды попадает или проникает чужеродное тело, его сразу же начинают окружать и поглощать подвижные клетки. Если чужеродные тела оказывались совсем небольших размеров, блуждающие клетки организма звезды постепенно поглощали их полностью. То, как звезда обороняла своё тело, совершенно не отличалось от того, что можно было наблюдать при воспалительной реакции организма человека. Однако до наблюдений Мечникова рассмотренное явление объясняли как способ распространения чужеродных веществ по всему организму большого животного через кровеносную систему.

Опыт эмбриолога позволил Мечникову взглянуть на это явление другими глазами. Блуждающие клетки организма морских звёзд не только окружали и поглощали объект вторжения, но и подвергали резорбции и уничтожению те ткани и клетки собственного организма, в которых он больше не испытывал

нужды. Мечников назвал эти клетки «фагоцитами» (от phagein – есть, пожирать и cytos – клетка).

Но фагоциты морской звезды и лейкоциты человеческого организма принадлежат гомологичным рядам, так как имеют общее происхождение из мезодермы. А это, в свою очередь, могло свидетельствовать только о том, что и лейкоциты по существу являются фагоцитами, что и они выполняют и защитную, и санитарную функцию в организме человека, обороняя его от внешних пришельцев и освобождая от продуктов их распада.

Анализируя впоследствии сделанное им открытие, Мечников писал, что «совершился перелом в моей научной жизни. До того зоолог, я сразу сделался патологом»...

Хорошим объектом для демонстрации явления фагоцитоза оказались и прозрачные водяные блохи.

Наблюдения, открытие и анализ, сделанные Мечниковым, позволили ему представить всю картину болезни в целом. Он представлял болезнь как борьбу между поступившими в организм патогенными бактериями, микробами и фагоцитами – «клетками-пожирателями» самого организма. Воспалительная реакция в этом случае есть не что иное, как признак схватки фагоцитов с микробами-пришельцами, а излечение – это окончательная победа макрофагов над микробами после определённой динамической схватки в виде воспалительного процесса.

Однако Мечников слишком смело вторгся в медицину. Научная общественность в течение ряда лет смотрела на гипотезу Мечникова, как на беспочвенную фантазию увлечённого зоолога, не имевшего к тому же медицинского образования.

В 1886 г. в Одессе организовался Бактериологический институт. Мечников вернулся в Россию по предложению возглавить вновь созданное научное учреждение. В стенах Одесского бактериологического института Мечников изучал рожистое воспаление и возвратный тиф, наблюдал действие фагоцитов кроликов, собак и обезьян на микробы, вызывающие эти воспалительные процессы. Сотрудники лаборатории, которую возглавлял Мечников, работали над созданием вакцин против сибирской язвы овец и холеры кур. Созданная вакцина против сибирской язвы овец оказалась неэффективной. Общественность, подогреваемая местными зажиточными врачами и падкими до сенсаций газетчиками, устроила настоящую травлю учёного, называя его необразованным прожектёром, проматывающим народные средства. В 1887 г. Мечников впервые доложил в Одесском обществе врачей своё открытие – явление фагоцитоза. Доклад выслушали со вниманием, но всей глубины теории не поняли. То, что доложил Мечников, восприняли как научное теоретизирование зоолога, посягнувшего без специального образования учить уму-разуму сведущих.

В этом же году Мечников вторично покинул Россию. Ему повезло, что в Париже его принял и выслушал Луи Пастер. Многочасовая беседа завершилась предложением директора создать новую лабораторию в Пастеровском институте и стать её научным руководителем. Мечников с радостью принял предложение, приступил к работе и работал в этом институте 28 лет, до самой своей кончины. Он продолжал детально изучать фагоцитоз, изучал также холеру, сифилис и многие другие инфекционные заболевания. Однако наиболее важный вклад, сделанный Мечниковым в науку, носил методологический характер. Целью всей жизни учёного было изучение иммунитета при

инфекционных заболеваниях с позиций клеточной физиологии.

Однако приверженцы гуморальной теории иммунитета отдавали предпочтение в уничтожении «микробов-пришельцев» не лейкоцитам-фагоцитам, а определённым биологическим веществам, содержащимся в крови. Мечников признавал существование антител и антитоксинов, которые открыл Беринг, но вместе с тем очень изобретательно и искусно защищал фагоцитарную теорию, находя для её подтверждения всё новые и новые научные факты, добытые в скрупулёзных и изящных опытах.

«Битва идей» завершилась тем, что апологетам фагоцитарного и гуморального иммунитета Илье Ильичу Мечникову и Паулю Эрлиху в 1908 году была присуждена Нобелевская премия по физиологии и медицине «за работу по теории иммунитета».

В начале XX века Мечникова глубоко заинтересовали проблемы причин старения человеческого организма. Свои идеи он сформулировал в придуманном им понятии «ортобиоз» – умении вести правильный образ жизни. В 1903 г. вышла из печати его книга «Этюды о природе человека». Наряду с другими идеями, Мечников очень большое значение придавал пище и питанию человека. Он рекомендует употреблять в пищу большое количество кисломолочных продуктов, в частности простокваши, заквашенной с помощью болгарской палочки. Кстати, Мечниковым изобретён один из популярных коммерческих способов изготовления кефира. Ни одного рубля гонорара и коммерческих отчислений за своё изобретение Мечников не потребовал и не получил.

Илья Ильич прожил яркую и счастливую жизнь в науке. В 1883 году он был избран членом-корреспондентом, а в 1902 году почётным членом Петербургской Академии наук. Мечников был избран почётным доктором Кембриджского университета, членом Шведского медицинского общества, членом Академии наук Франции. Среди его многочисленных наград – очень престижная медаль Копли, которой наградило его Лондонское королевское общество.

Мечников умер после нескольких инфарктов миокардов в возрасте 71 года. Это произошло 15 июля 1916 года в Париже. Исполняя волю учёного, жена и ученики кремировали его тело, а урну с прахом покойного потом торжественно водрузили на почётное место в библиотеке Пастеровского института.

Илья Ильич Мечников оставил глубокий след в науке своими научными идеями и своей многочисленной научной школой. Он из плеяды тех учёных, которыми гордится не только Россия, но и весь мир.

Очень точно вклад в науку, сделанный И.И. Мечниковым, оценил академик Н.А. Холодковский. В статье «И.И. Мечников как зоолог и значение его зоологических исследований для медицины», опубликованной в «Известиях Военно-медицинской академии» (1917, 1, С.С. 2-10), Холодковский писал: «ни один дипломированный медик не сделал для медицины столько, сколько сделал для неё химик Пастер и зоолог Мечников».

Примечания

Ремонт – исправление повреждений, поломок, устранение изъянов какого-либо предмета, проведение его в годное состояние, починка; пополнение убыли лошадей в войсках; в сельском хозяйстве – регулярное пополнение стада путём выращивания молодняка.

Ремонтёр – в дореволюционной русской армии – офицер, уполномоченный производить закупку лошадей по вольным ценам для ремонта.

Эпикур (341–270 гг. до н.э.) – древнегреческий философ, крупнейший материалист и атеист античного мира, идеолог рабовладельческой демократии. Эпикур продолжил и развил атомистическую философию Левкиппа и Демокрита. Он исходил из признания вечности материи и отрицал вмешательство богов в дела мира. Цель философии, по Эпикуру, – счастье человека, для достижения которого необходимо освободиться от предрассудков и овладеть знанием законов природы. Философия Эпикура была направлена против суеверий, мистики и религии. Поэтому церковники на протяжении двух тысячелетий стремились всячески очернить и оклеветать Эпикура, извратить его учение.

Драгман – в международном праве официальный переводчик при дипломатических и консульских представительствах, преимущественно в странах Востока.

Меч – холодное ручное прямое обоюдоострое оружие древних и средних веков, что ныне шпага, сабля, палаши, шашка.

Мечник – воин, палач, охранник с мечом.

Мечников – принадлежащий мечнику.

ПОЭЗИЯ

Надежда ОХРИМЕНКО

Надежда Николаевна Охрименко – член Союза писателей России и Союза журналистов России, член Международного Союза славянских журналистов, член Академии российской литературы. Окончила МВТУ им. Н.Э. Баумана и народный университет рабочих корреспондентов им. М.И. Ульяновой. Автор пяти поэтических сборников: «Парус сердца», «Радуга надежд», «Живая душа», «Синие сны», «Сполохи рассвета». Награждена диплом 1-ой степени и медалью «России верные сыны», памятным знаком «300 лет российской журналистике», памятными литературными медалями: «А.С. Грибоедов», «А.П. Чехов», «М.Ю. Лермонтов», орденом «В.В. Маяковский «Светить всегда» и др. общественными наградами. Шестикратный дипломант конкурса МПО «Галерея избранного стихотворения».

Живёт в Москве.

«Голос печальный в ночи...»

Вспомним!

Положу в твои ладони голову,
К ним губами нежно прикоснусь.
Вспомним, друг мой, как мы жили здорово,
Несмотря на нынешнюю грусть.

За окном и ветрено, и холодно,
Бродит там декабрьская зима.
Ей, колючей, думается смолоду,
Что она – владычица сама.

Но придёт пора – зима отвьюжится,
Постареет от своих забот;
С сединой, со слабостью подружится
И от наших отойдёт ворот.

А весной – весёлой и доверчивой –
Солнышко в глаза заглянет нам.
Первая гроза – весьма беспечная –
Дождиком прольётся по кустам.

Обернётся радугою дивною,
Засверкает бисером вокруг,
И припомним мы дорогу длинную,
По которой шли с тобой, мой друг.

Хоть судьба была не очень гладкою,
Но вдвоём... нам было хорошо.
Шли с тобой по жизни без оглядки мы,
И она казалась нам – большой.

Но, однако, пролетела соколом,
Никому её не возвратить!
Пролетела, но была высокою,
Ведь умели верить и любить.

...Положу в твои ладони голову,
К ним губами нежно прикоснусь.
Вспомним жизнь, что прожили мы здорово,
Несмотря на нынешнюю грусть.

Слышите?

Памяти Светланы Апанасенко

Заговорила, заголосила
память моя опять.
Сердце заплакало, сердце заныло...
Разумом не осознать
То, что была и тебя вдруг не стало.
Нет тебя, милая, ... нет!
Не засмеёшься, как раньше бывало,
и не зажжёшь в доме свет.
Не позвонишь ни знакомым, ни близким,
и не заглянешь в глаза...
Слишком жестоко-короткою вышла
жизни твоей полоса!

Как это? Как это? – всё не уложатся
мысли, что нет тебя, нет.
Множится, катастрофически множится
воспоминаний букет!
Скомкана память, сюжеты сминаются,
и, среди размытых картин,
Мне днём и ночью твой образ является,
твой только образ один.
То ты смеёшься, а то – улыбаешься,
«зайчики» светят в глазах.
Тихо зову тебя – не откликаешься...
Корчится разум в слезах.

Господи праведный! Праведный Господи,
 что ж ты невинных берёшь,
 Шлешь им на Землю одни только горести,
 радости им не даёшь?
 Так и уходят, ни в чём не повинные,
 с матушки бренной Земли.
 Слишком солёные, слишком обильные,
 Господи, слёзы прими!
 ...Как-то беспомощно пламя колышется,
 капает воск со свечи.
 Слышите? Каждую ночь стал мне слышаться
 голос печальный в ночи.

Ностальгия

Над селом уж солнце клонится,
 Золотятся облака,
 И звенит протяжно звонница,
 Как в далёкие века.

На пригорке вертит мельница,
 Словно крылья, колесо,
 И зерно спокойно мелется,
 Замедляя ход часов.

Поле льном небесным стелется,
 На душе моей легко,
 В жизнь особенную верится,
 Сокол вьётся высоко.

Тарантас пылит дорогою —
 Видно, гости едут к нам,
 И девчонкой босоногою
 Бродит память по лугам.

Букетик полевой

Синий, белый, голубой,
 Жёлтый цвет и красный...
 Мой букетик полевой
 Собран не напрасно:
 Поднесу его к губам,
 Нежно поцелую.
 ...Никому я не отдам
 Сказку полевую.

Литература — это путь к свободе

Книга Александра Андрияшкина «Статьи о литературе и истории» (СПб, «Издательство Светоч», 2019) — это «разговор о российской культуре в целом», в котором затрагиваются также вопросы истории, и не только истории России. В ней три раздела: «Статьи о литературе», «О Востоке», «Об истории». Их соединение представляет автора человеком, старающимся воспринимать мир целно во всей сложности взаимосвязей культуры, истории, политики и религии.

Эта позиция приводит его к выводу о непрерывности духовных традиций русской литературы XX века. А. Андрияшкин находит тому убедительные примеры, рассматривая произведения К. Федина, Л. Соболева, М. Булгакова, Б. Пастернака, В. Катаева и других писателей. В советский период крайне идеологизированных установок, обязательных для писателей, создававших образ нового человека, они, тем не менее, сохраняли «прививку правды», несли читателю «что-то от безоговорочной светоносности Пушкина, от невиляющей верности фактам Толстого...» (Б. Пастернак).

По большому счёту, нет причин не согласиться с этим взглядом А. Андрияшкина на литературу

Александр Васильевич Медведев — родился в г. Черняховске. Художник, писатель-прозаик, критик. Член союза художников и союза писателей России. Автор ряда книг и многочисленных статей по теории изобразительного искусства и литературе. Лауреат нескольких литературных премий.

Живёт в Санкт-Петербурге.

Александр Андрияшкин в последние годы получил известность как переводчик классической литературы с французского и немецкого, однако как литературный критик он публикуется с 1991 г., и с тех пор его статьи о современной русской литературе печатаются довольно регулярно.

Для этой книги были отобраны как лучшие статьи и эссе прошлых лет, так и новые. Отдельный раздел книги представляет собой статьи о культуре Востока. Книга предназначена для самого широкого круга читателей.

советского периода и с его предложением «считать всю середину и вторую половину XX столетия – алмазным веком русской литературы».

В то же время он выделяет в русской литературе прошлого века «два крыла или два направления: *христианское и не христианское по духу*», которые всё же не столь противоречат друг другу, как это могло бы казаться, а даже «до известной степени смыкаются», что скрупулёзно отслеживается им на примерах, хотя бы, лауреатов Нобелевской премии – Бунина, Набокова, Шолохова, Пастернака. Это очень важная тема – поиск соответствий, взаимных дополнений литературы дореволюционной, эмигрантской и литературы советской. «Всякое царство, – говорит Спаситель, – разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом», если разделится, скоро разрушится. Слишком долго Россию и её культуру делили на белую и красную, что было довольно легко делать самим русским людям, так как на то были глубокие исторические причины, и что было довольно выгодно «нашим партнёрам», как теперь принято называть исконных недоброжелателей России/СССР. Сегодня уже попросту небезопасно усердствовать в жёстком разделении отечественной литературы на белую-русскую и красную-советскую, отдавая при этом первенство и истинность белой – дореволюционной и эмигрантской.

Следует отметить, что придерживаться принципов объединения – исторического, культурного, религиозного – далеко не так просто, как этого хотелось бы. Особенно в вопросе «Россия и Европа». В историческом разделе книги автор касается болезненной темы «отвратительного духа насилия и чисто животного подавления одной особи другой», который «присутствует везде, где торжествуют немецкие “ценности”». «Уже в 18-м, а ещё болезненнее в 19-м веке, – пишет он, – стала очевидна и политика насильственного онемечивания всех подконтрольных Германии территорий, а главное, *онемечивание* самой немецкой культуры, т.е. её окончательный отход от магистральной, христианской линии развития человечества».

А. Андришкин в нескольких статьях о Германии обращает внимание на предельно важный момент, который традиционно упускали и упускают отечественные либералы-западники, стремясь, мягко говоря, преобразовать Россию по-западному – по немецкому – образцу, а выражаясь откровенно, призывая иноземцев: *придите, владейте нами!*

Сегодня, когда Россия испытывает значительное политическое и культурное давление Запада, подвергается экономическим санкциям, из России доносятся голоса, и голоса на самом высоком уровне, вторящие словам Достоевского о благоговейном отношении части русских людей к Европе. «Русскому Европа так же драгоценна, как Россия; каждый камень в ней мил и дорог... О, русским дороги эти старые чужие камни, эти чудеса старого божьего мира, эти осколки святых чудес; и даже это нам дороже, чем им самим!» («Подорожник»). Реакция первых лиц России, не говоря о волне желающих из разных слоёв общества внести пожертвования на ремонт парижского собора Нотр-Дам, пострадавшего от недавнего пожара, тому подтверждение: русским чужие – европейские! – камни чаще дороже своих. В такой сложной обстановке, когда России приходится отстаивать свои интересы, полагаясь на самоё себя, и в то же время не отказываться от приверженности европейским культурным и христианским ценностям, статьи А. Андришкина о Германии словно незримым эпиграфом осенены словами философа Ивана Ильина: «Россия спасётся только самостоянием, и нам всем надо блюсти свою полную духовную независимость!»

Быть независимым и самостоятельным, это с одной стороны, а с другой, не впасть в гордыню избранности, даже богоизбранности – России и русскому человеку не просто. Тут надо помнить о призыве преподобного Иоанна Лествичника ко христианам – следовать Царским путём: *придерживаться рассудительной умеренности, избегать и ревности не по разуму, но и человекоугодия.*

В статье «Илья Глазунов и атеистическая живопись» автор утверждает, что картины И.С. Глазунова «Великий эксперимент» и «Вечная Россия» «являются как бы полемикой со “Страшным судом” Микеланджело (в Сикстинской капелле в Ватикане); так же, как и в целом творчество Ильи Глазунова противоположно по смыслу и является, так сказать, “симметричным ответом” всей живописи итальянского Ренессанса».

Далее он пишет: «Появление Христа или Богоматери на картинах И. Глазунова это, так сказать, “разрыв естественного хода жизни”, прорыв через “полотно реальности” в сверх-реальность. И это – прямо противоположно тому, что делали художники Ренессанса, как их понимал А.Ф. Лосев и как понимает следом за ним автор этих строк. Художники итальянского Возрождения брали ту или иную ситуацию, когда-то имевшую сверхъестественный смысл (например, ту или иную сцену из Евангелия), и изображали её как *обычную бытовую сценку из жизни.*»

Самый поразительный пример здесь это так называемые итальянские “мадонны”, т.е. Богоматерь с младенцем-Христом, изображённая как самая обыкновенная мама с грудным сыночком. Вдумаемся: *может ли быть что-то кощунственнее чем это?»*

Понятны мотивы такого утверждения, им хотелось бы сочувствовать. И всё же видеть в творчестве уважаемого И.С. Глазунова «“симметричный ответ” всей живописи итальянского Ренессанса», значит, пользоваться некоей оптикой, искажающей и смысловой стержень творений Глазунова и самих художников-возрожденцев. А оптика эта есть не что иное, как подход к оценке одного исторического явления с позиций совершенно другого времени.

А.Ф. Лосев в «Эстетике Ренессанса» говорил о двух стихиях, пронизывающих всё искусство Ренессанса. Одна – безграничная сила и возможность художников в их попытке проникать в глубины внутренних переживаний и художественной образности. Другая состояла в том, что даже самые крупные из них всегда чувствовали ограниченность человеческого существа, его частую беспомощность в художественном творчестве и религиозных постижениях.

Похожая оценка творений итальянских художников Ренессанса прочитывается и у Н. Гумилёва, вспомним его стихотворение «Фра Беато Анджелико». Так, он отмечает ограниченность художников-титанов:

*Но Рафаэль не греет, а слепит,
В Буонаротти страшно совершенство,
И хмель да Винчи душу замутит,
Ту душу, что поверила в блаженство*

А так он указывает на приземлённость, сквозящую в образе Богоматери и Богомладенца:

*Мария держит Сына Своего,
Кудрявого, с румянцем благородным,
Такие дети в ночь под Рождество
Наверно сняты женщинам бесплодным;*

Но вот, главное:

*На всё, что сделал мастер мой, печать
Любви земной и простоты смиренной.
О да, не всё умел он рисовать,
Но то, что рисовал он, – совершенно.*

– то, без чего пришлось бы, следуя за А. Андрюшкиным, задаться вопросом: «чего тут больше (в изображениях ренессансных “мадонн” – А. М.), кощунства или элементарной глупости?» *Смиренная простота и земная любовь* в этих изображениях искупает отсутствия в них «богословия в красках», что свойственно русской канонической иконописи, и чего не стоит с пристрастием искать в творениях итальянских возрожденцев. Что касается упомянутых картин И. Глазунова, то в них-то как раз простоты и нет, они, так сказать, сложносочинённые. Начнём с того, что художник как бы «схлопнул» пространство картин, они лишены глубины, разновременные персонажи втиснуты по принципу коллажа в одну плоскость, оставаясь при этом объёмными изображениями. Это сделано сознательно, ибо это – картины-декларации, картины-манифесты, художественные достоинства их находятся в тени их историко-философского содержания, где каждый персонаж не сам по себе, а есть своего рода ссылка на определённый исторический сюжет, а все они составляют своеобразную эпопею.

К чему я веду? Я продолжаю говорить о сложности в вопросе независимости России и не впадении её в жёсткую самоизоляцию по отношению к Европе и миру в целом. Подспудно, а где-то даже откровенно этот вопрос неизменно звучит в книге А. Андрюшкина, она пронизана этим вопросом. Здесь уместно вспомнить о давнем споре, относительно иконописи и религиозной живописи: что предпочтительнее, или даже так – что вернее использовать, приступая к данной теме, прямую или обратную перспективу?

Несколько утрируя, скажем: если мы «направляемся» навстречу Богу, то – прямую перспективу. Когда же мы «ждём» Его Слова, хотим прозреть Его «здесь», то – обратную. И если эпоха Возрождения совпала с эпохой великих географических открытий, то совершенно естественно, что и «путь к Богу», который прокладывали итальянские художники того времени, открывала им прямая перспектива – ноу-хау того времени, и они с удивительной непосредственностью им воспользовались.

То же самое можно сказать и о иногда сверхкропотливой, «слишком человеческой», трактовке и моделировке образов человека и Богочеловека. Камера-обскура, применение масляных красок, техника сфумато, избрётная Леонардо для реалистической передачи человеческих форм – всё это, кто с восторгом, кто в смиренной простоте использовал в своих работах, причём, не будучи абсолютно свободным, чаще всего отвечая вкусам заказчика. Но что объединяет в данном случае прямую и обратную перспективу? То, что та и другая служат соединением «того» и «этого мира». Может быть, исходя из этого согласия, не станем сравнивать несравнимые явления, создаваемые в рамках определённых исторических и культурных условий, к тому же людьми с различными национальными темпераментами?

В чём охотно хочется согласиться с А. Андрюшкиным, так это с его замечанием из предисловия к сборнику современной иранской прозы «Жемчужина Востока»: «Самая главная особенность хорошей арабской прозы, которую

сразу замечаешь, состоит в том, что она решительно отдаёт предпочтение духовной реальности перед материальной». Хотелось бы перенести подобное замечание к современной российской прозе.

Почти тридцать лет А. Андрюшкин изучает иранский язык, занимается переводами и изданием книг, в которых представлена иранская исламская культура. Его давний интерес к ней основан на убеждении, что «исламская иранская культура действительно ставит во главу угла какие-то нематериальные ценности, и для верующих христиан это так же понятно, как и для верующих мусульман». Литературный диалог Ирана и – шире – исламской литературы и России для него очень важное направление его многосторонней писательской деятельности.

О чём бы ни писал автор «Статей о литературе и истории», каких бы мировоззренческих вопросов ни касался, пишет он о России. В каждой из статей сборника так или иначе он возвращается к широкому кругу проблем, касающихся нашей страны. Затрагивает он и состояние раздробленности в среде российских писателей. Оно отражает «глубокое размежевание внутри российского общества по многим мировоззренческим вопросам, в том числе по вопросу отношения к другим культурам». «Несколько упрощая, – пишет он, – можно сказать, что на русском языке сегодня создаются две разные литературы. Ну действительно, можно ли считать представителями одной и той же литературы тех, кто продолжает традиции Шолохова, и тех, кто разрушает их?»

Писатель не ограничивает себя задачами переводчика иранской литературы, он выступает как просветитель, знакомя российского читателя с традиционной и современной культурой и мировоззрением Востока, который со времён Перестройки оказался для нас terra incognita – неизвестной землёй. «Россия отгородилась от мусульманских культур фразой “Восток – дело тонкое”, – с грустью признаёт А. Андрюшкин, – и не желает в этот самый исламский Восток вглядываться и понимать его». Это ненормально, и согласиться с этим писатель не желает. В разделе «О Востоке» он упоминает множество имён современных персидских авторов, даёт характеристики их произведениям, попутно останавливается на особенностях этнографического колорита, приоткрывает взаимосвязи религии, политики и литературы, знакомит с классиками и молодыми писателями.

Статьи сборника написаны в разные годы, от 1992 до 2019, и уже одно это говорит о писателе А. Андрюшкине как о серьёзном и последовательном критике и литературоведе. Он хорошо осведомлён в том, о чём пишет, будь то русская и зарубежная классика или произведения современников. Его материалы остры, порой полемичны и всегда интересны. В анонсе книги указано, что «статьи объединены православным, христианским подходом автора». Это говорит отнюдь не о его предвзятости и узко конфессиональной ангажированности. Наоборот, данная позиция свидетельствует о полной его свободе в выборе тем, в суждениях и оценках ради приближения к Истине.

ПОЭЗИЯ

Тамара ПОТЁМКИНА

Тамара Потёмкина – родилась в Иркутской области, член Союза писателей России, кандидат исторических наук, доцент. Автор шести сборников стихов и двух музыкально-поэтических альбомов. Победитель литературных конкурсов МГО СПР (2014–2018), Фестивального движения русского мира «Осианная Русь» (2017), лауреат Всероссийских конкурсов «Герои Великой Победы» (2016) и «Парад литератур» (2018), Международной Бунинской премии (2017).

Живёт в Москве.

«Свято верю, что чудо случится...»

На пороге осени

На пороге осени оглянусь,
За ошибки прошлые повинюсь,
И пусть мысли тёмные, невпопад
Заметает золотом листопад.

Жар желаний грешных, искушений страх –
Охладит прохлада, превратит их в прах.
Ветер беды сдует, словно листья с крон,
Благодать подарит колокольный звон.

Осень пожалеет, не позволит плакать,
Слёзы и обиды собирая в слякоть,
Наведёт порядок в жизни и делах
И отмоет душу ливнем добела.

Раскаяние

Я хотела себя уберечь от тревог,
От страданий чужих спрятать сердце за двери,
Равнодушием душу зажала в комок,
И от ангельских крыльев остались лишь перья.

Между злом и добром распахала между,
И предательством с ложью подменила любовь.
Я по лезвию бритвы босая скольжу,
Хоть кровят мои раны, не чувствую боль.

Только жить дальше так я уже не могу,
Пусть уж лучше взрывается чувствами сердце.
Пусть болит, пусть страдает, но я помогу
Всем, нуждается кто в моём милосердьи.

Перед Богом покаюсь за чёрствость души,
Отмолю и отмою душевные раны.
Боже праведный, истинный путь укажи,
И, как в детстве далёком, вновь ангелом стану.

Накануне Пасхи

Накануне Пасхи
Оживают сказки.
В ожиданьи чуда не могу уснуть.
В небе над столицей
Проступают лица
Близких, чей когда-то канул в вечность путь.

Звёзды этой ночью,
Словно ваши очи,
На меня с надеждой тайною глядят.
Как скучают души
По Земле цветущей,
Жаль, что жизнь земную не вернуть назад.

Чтоб не ныли раны,
Помолюсь у храма,
Куличи и яйца в церкви освящу.
Всех вас по канону
Вспомню поимённо,
Царствия небесного ушедшим попрошу.

Смутно

Моя любовь, была ты или нет?
Я что-то помню, только смутно помню:
Дарил мне нежно акварель рассвет,
И взглядом васильки синели в поле.

Зимой смущала нагота берёз,
Весной тревожил птичий голос звонкий.
Восторг и грусть. То стыла, как в мороз,
То страсть пылала в сердце у девчонки.

Тревожит душу колокольный звон,
Желание покаяться и плакать.
Венчанья счастье, отпеванья стон?
Любви прошедшей зов из полумрака?

Память

Вспоминаю тебя, вспоминаю...
От любви только память осталась.
И уже подбирается старость.
Нашу юность пускаю по маю,

Как кораблик из старой газеты,
Несмотря на дожди и ненастье,
По ручьям в предвкушении счастья
Отправляют в грядущее дети.

Может быть, ты из мира иного
Мне прозрачную руку протянешь,
Нежно волосы тронешь, погладишь
И прошепчешь заветное слово.

Свято верю, что чудо случится
И сердечные раны залечит,
Там, в неведомом, вновь будет встреча –
Долечу до тебя белой птицей.

Не спится

Не спится.
Кромешность ночи подсвечена фонарями.
Страницы
У книги судеб ещё не тронуты нами.
Туманно,
И звёзд не видно. Скрывают их небеса.
Обманно
Рыдает скрипка, тоскуя о чудесах.
Как жалко,
Что жизнь не вечна – мгновенье в песочных часах.
Гадалкой
Луна пророчит нам счастье в иных мирах.

Писатель и спорт

Кому-то этот рассказ может показаться абсолютно неподходящим для тематики нашего журнала. Но реальная жизнь во всём её многообразии показывает, что это не так. Каждому из нас многое дано, но не все могут полностью раскрыть свои возможности в силу разных обстоятельств. Мне в этом плане, наверное, повезло. Дети выросли, старшие внуки тоже уже взрослые, а я ещё полон сил и продолжаю работать. Поэтому после наступления пенсионного возраста я с головой окунулся в ветеранский спорт, а заодно вовлёк в спорт и одного из младших внуков.

Сейчас в Москве и по всей стране воплощается в жизнь программа «Спортивное долголетие». Многие люди, перешагнувшие рубеж 60+ у мужчин и 55+ у женщин, с удовольствием вспоминают свою молодость и нереализованные юношеские амбиции в различных видах доступного им по здоровью ветеранского спорта. И здесь у них как будто открывается «второе» дыхание.

За 10 лет участия в таких соревнованиях я не раз и не два занимал призовые места в соревнованиях по бадминтону, настольному теннису, а отметив своё 70-летие, стал вместе со своей командой чемпионом СВАО г. Москвы по дартсу. Мы стали первыми среди 17 районов своего округа. Чем же так привлекателен дартс? Здесь нет непосредственного контакта с соперником, он доступен людям любого возраста, а зоркий глаз и твёрдая рука важны, как в стрельбе. Несколько лет назад я даже написал памятку для спортсменов-ветеранов, которую зачитал участникам очередных состязаний.

Памятка спортсменам-ветеранам

1. Обязательно надо вернуться домой живым и здоровым с очередных соревнований.
2. Желательно благополучно дожить до следующих соревнований, чтобы с удовольствием принять в них участие.

Александр Андреевич Куш – родился в 1949 г. в Москве. Окончил МВТУ им. Баумана. Трудовая деятельность была связана с вычислительной техникой, ветеран труда. По итогам 1989 г. был признан лучшим по профессии Министерства радиоэлектронной промышленности СССР и награждён Почётным дипломом. Победитель и призёр конкурсов профессионального мастерства Минрадиопрома СССР. Член МГО СП России. Награждён дипломами за участие в конкурсах МГО СП России, регулярно печатается в газете «Московский литератор». Участник IV Фестиваля славянской поэзии в Варшаве в 2011 г. Лауреат конкурсов МГО СП России «Лучшая книга 2011–2013, 2012–2014» (книги «Такая жизнь», «Перестал удивляться плохому», «Его Величество Случай»). Живёт в Москве.

3. Своим примером Вы показываете подрастающему поколению будущих пенсионеров, как надо правильно жить после 60 лет.

4. Чем дальше Вы будете в хорошей спортивной форме, тем больше сможете выступать в различных соревнованиях. А значит, у Вас появится множество единомышленников и друзей. И Вы всегда будете возвращаться домой в хорошем настроении, независимо от достигнутого результата.

На написание этой «Памятки» меня натолкнули очередные окружные соревнования по бадминтону. Заканчивается регистрация участников, все уже размялись, судьи готовы начать свою работу, в это время в зал вбегают запыхавшийся постоянный призёр этих соревнований Владимир, быстро регистрируется, а затем начинает внимательно оглядывать зал с высоты своего немаленького роста. Наконец произносит: «Ну, слава Богу, все живы и здоровы». И только после этого начинает здороваться со знакомыми и друзьями. А в этом был заложен большой смысл. Ведь мы готовы были выступать даже с незалеченными травмами. Однажды я видел такого неугомонного ветерана на лично-командных соревнованиях по бадминтону. Накануне у него «прихватило» шею. Никакие мази уже не помогали и, чтобы не подвести команду и снять болевые ощущения, он надел «кенгурушку» с капюшоном, а туда положил грелку со льдом. Тогда мы заняли I командное место, а я был первым в личном зачёте. Вот такая воля и чувство ответственности. Так что эта «Памятка» появилась не на ровном месте.

А как же всё написанное связано с нашей литературной деятельностью? Для этого надо окунуться в русскую и советскую литературу, а также посмотреть на собратьев по перу в других странах.

Александр Сергеевич Пушкин был неплохо развит физически и с детства любил спорт. В Царскосельском лицее, где учился поэт, большое внимание уделялось физкультуре: лицеисты занимались плаванием, верховой ездой, фехтованием, танцами, зимой катались на коньках. Поэт не оставил занятия спортом и в зрелом возрасте. Литератор увлёкся боксом и стал одним из первых поклонников этого вида спорта в России.

Лев Николаевич Толстой тщательно следил за своим физическим здоровьем. Он увлечённо играл в городки и шахматы, катался на коньках, уверенно держался в седле, каждое утро делал зарядку и даже оборудовал в Ясной Поляне один из первых в России теннисных кортов. Одним из его любимых занятий была ходьба: писатель несколько раз добирался пешком из Москвы в Ясную Поляну, преодолевая почти 200 километров.

Но особое место в сердце писателя занял велосипед. Толстой научился кататься в 67 лет! Его новое спортивное хобби восторженно встретила общественность. Московский журнал «Циклист» докладывал: «На прошлой неделе мы видели его катающимся в манеже в своей традиционной блузе. Искусство владеть велосипедом графу далось очень легко, и теперь он ездит совершенно свободно».

Александр Иванович Куприн. «Мускулистый, приятный силач» – так о нём отзывался Лев Толстой. А сам писатель говорил: «Люблю ли я спорт и каков мой взгляд на него? Да, люблю очень и занимался им когда-то много и усиленно. Спорт – большая и великая сила, и занятия им под опытным руководством дают громадную массу наслаждений и несомненную пользу в деле физического развития».

Писатель любил цирк: особый трепет у него вызывали выступления борцов-тяжелоатлетов. Куприн был знаком с Иваном Поддубным и Иваном Заикиным. Последнего литератор лично обучил грамоте, чтобы не потерять связи и обмениваться письмами. Куприн сам пробовал свои силы в тяжёлой атлетике и даже организовал первое в Киеве атлетическое общество. Любовь к этому виду спорта вдохновила его на рассказ «В цирке» об атлете Арбузове, с «выхоленным, блестящим, бледно-розовым телом» и «резко выступающими буграми твёрдых, как дерево, мускулов».

В списке спортивных увлечений Куприна были стрельба, тяжёлая атлетика, конный спорт, лапта. И, конечно, плавание, к которому Куприн относился с большим почтением. Писатель считал, что каждый житель Северной столицы должен уметь плавать: эта способность, писал он, «необходимое нам, русским, особенно петроградцам, живущим около больших водных пространств».

Владимир Владимирович Набоков с самого детства обучался боксу и фехтованию. В автобиографической повести «Другие берега» он вспоминал, что в его семье занятия по боксу проходили в библиотеке, где «приятно совмещались науки и спорт: кожа переплёттов и кожа боксовых перчаток». Был в Рождестве, в фамильном имении Набоковых, и корт, на котором маленький Владимир вместе с домашними играл в лаун-теннис – первый вид тенниса на открытом пространстве. Зимой Набоков катался на коньках, летом – осваивал ролики. «Я был превосходным спортсменом», – отмечал писатель в книге воспоминаний «Память, говори».

Любовь к физической деятельности и разным видам спорта Набоков пронёс через всю жизнь. Одной из его главных страстей был футбол. Играть писатель стал во время учёбы в Петербурге, но предпочитал не забивать голы, а стоять на воротах. Позже, уже будучи студентом Кембриджа, Набоков стал вратарём команды колледжа, продолжая заниматься и теннисом. Писатель признался, что «ни разу за три года в Кембридже не посетил университетской библиотеки и даже не позаботился выяснить, где она расположена», но постоянно играл в футбол. С особым сожалением он вспоминал о своих поражениях: «Я отвратительно мазал», и радовался, когда «игра милосердно переходила на другой конец поля».

Увлечение теннисом помогло писателю в эмиграции: чтобы подзаработать во время жизни в Германии, он давал уроки английского языка немецким бизнесменам и проводил занятия по теннису для «их загорелых дочек».

Большой страстью Набокова были и шахматы: «я посвящал чудовищное количество времени составлению шахматных задач», – признавался писатель. Игру в шахматы он отождествлял с творческим процессом, утверждая, что «для сочинения шахматной задачи нужно вдохновение, которое принадлежит к полумузыкальному, полупоэтическому, а говоря точнее, к математически-поэтическому типу». Особая магия игры вдохновила писателя на создание романа «Защита Лужина», к герою которого шахматы были безжалостны. «В этом был ужас, но в этом была и единственная гармония, ибо, что есть в мире, кроме шахмат?» – философски размышлял Набоков.

Иван Сергеевич Тургенев был страстным игроком в шахматы. Один из его приятелей, литератор Константин Ободовский, говорил, что Тургеневу не были интересны ни вина, ни карты, а «единственная игра, составлявшая его слабость, были шахматы». Где бы ни жил писатель – в Петербурге, в Париже, Баден-Бадене – шахматы он не оставлял. «Моя работа подвигалась

медленно, прочёл я мало <...> играл в шахматы и сидел дома», – писал Тургенев друзьям из Парижа в 1861 году. «Выезжаю мало и ничего не работаю: большей частью играю в шахматы», – сообщал он годом позднее.

Дружеских матчей Тургеневу, впрочем, было недостаточно: ему хотелось сразиться с профессионалами. В Париже он был завсегдатаем «Кафе де ля Ранж» – самого знаменитого во Франции места для игры в шахматы. Уцелело короткое письмо писателя немецкому шахматисту Даниилу Гарвицу с предложением встретиться за доской. Ответ от Гарвица не сохранился.

Одним из партнёров Тургенева был Лев Толстой. Они встречались за доской и в Петербурге, и за границей. Однажды Толстой писал своей сестре Марии Николаевне о проигранных Тургеневу партиях: «Играли в шахматы. Он выиграл две, я одну, но я был не в духе».

Тургенев не только часто разыгрывал партии, но и изучал теорию шахмат: он покупал учебники и выписывал из-за границы специализированный журнал «Шахцайтунг». Тех же своих приятелей, кто не умел играть в шахматы, он старательно приобщал к любимому делу. «Дружески кланяюсь твоей супруге, – писал он Якову Полонскому из Германии, — приехав в Петербург, я научу её ещё лучше играть в шахматы».

Отразилась любовь к игре и на творчестве писателя. Описывая характер героя романа «Отцы и дети» Аркадия Базарова, Тургенев отметил, что тот отличался «уверенностью опытного шахматного игрока, который предвидел опасный, по-видимому, ход противника».

Когда мы с женой были на экскурсии в имении Тургенева в Спасском, мне запомнилась фраза нашего экскурсовода, сказанная одним из известных шахматистов того времени: «Тургенев был лучшим писателем среди шахматистов и лучшим шахматистом среди писателей».

Я считаю, что из наших современников наибольших успехов в спорте и литературе добился знаменитый штангист Юрий Власов, отобравший пальму первенства у американских атлетов в тяжёлом весе и надолго закрепивший победы советских атлетов в этой весовой категории. Закончив спортивную карьеру, Власов с не меньшим успехом окунулся в литературную деятельность.

Поэтому у меня есть небольшое предложение. Может быть, членам нашей писательской организации, желающим «тряхнуть» стариной, стоит тоже поучаствовать в этой программе? А там глядишь, вместе с литературными наградами мы станем носить ещё и честно завоёванные спортивные? И тогда, может быть, и о нас позже скажут: «Да, были люди, которые не только мастерски владели пером и рифмой, но и показывали пример своим читателям, что можно активно развиваться и в других направлениях, невзирая на возраст».

P.S. Мнение автора, конечно, не всегда может совпадать с мнением редакции. А попробовать слабо?

ПРОЗА

Алексей СЕРГЕЕВ

Алексей Юрьевич Сергеев – родился в Москве, на Плющихе, рисовал, служил, учился, занимался спортивным туризмом, ездил в фольклорные экспедиции, преподавал живопись; постоянный автор альманаха «Славянские встречи», член МГО Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Двое наедине

Давай я приеду к тебе домой?
 Давай – ты войдёшь, а я тебя жду?..
 Сколько дней таких в жизни сей?
 Я никогда от тебя не уйду!
 Даже когда ты нежно спишь,
 Я наклоняюсь к тебе, говоря:
 Ты одна у меня, и ты зря грустишь:
 Ждёт неповторимая нас Заря!
 Выйти в бурю на ветер – и то легко,
 Если знаю, что рядом душою ты.
 Ты – за чередой неземных цветов,
 Даришь мне оттуда свои мечты...
 Я – такой же ласковый, как всегда;
 Нас огонь любви навсегда спаял.
 Ты – моя судьба, ты – моя звезда.
 Я болел тобой, тебя искал!
 И свершилось чудо: мы вместе вновь,
 И когда мы встретились – всё равно:
 Не имеет счёта времени та любовь,
 Что ждала нас в Москве святой давно.
 Мы пойдём гулять, мы увидим мир,
 Мы поймём свой Дом, что зовёт с Небес...
 Нас как будто окутал Иной эфир,
 Нас позвал какой-то Нездешний лес...
 Ты, должно быть, спишь, или ты – в окне...
 Я – твоих автобусов тайный путь.
 Наша жизнь – как тепло от сучков в огне,
 Наше счастье наполнило влагой грудь...
 Нам с тобой друг друга не потерять, –
 Держит сердце с сердцем святая нить.
 Будем мы у окон своих стоять,

Будем прямо в Небо мы говорить!
 И, когда упадёт череда времён,
 Когда наши книги станут читать,
 Мы, наверное, будем из тех имён,
 Что влюблённые в счастье будут знать...
 Что всё эти мысли? И так легко,
 Когда дышит доброе вдалеке;
 И когда оно – не так далеко,
 И когда его можно позволить руке!
 Красота мгновений, и счастье глаз,
 И стучанье сердца, и добрая ночь...
 Это так бывало не раз, не раз, –
 Просто уходило пустое прочь...
 А когда-то я брёл один по лесу мечты;
 Я читал по соснам свои времена.
 И навстречу брела сквозь берёзы ты,
 И упала к ногам твоим стрела.
 И я подошёл, и ты вышла ко мне.
 Стало в мире лучше, умнее, теплей...
 Побрели мы по детства своей стране
 В те Края, где будет ещё светлей.
 И мы вышли из леса, и поле вокруг
 Возносилось в звоне цветной травы.
 Было горячо прикасанье рук,
 Было высоко торжество синевы.
 Мы шагали просёлком, а Русь кругом
 Говорила о скором конце времён,
 И о том, что будет – о, да! – потом,
 Когда будет время оживших икон...
 И за перелеском, среди холмов,
 Вся безкрайность простора несла в себе
 То, что недоступно для газетных умов,
 И что знает всё о всего судьбе...
 Так давай я приеду к тебе домой?!
 Ты войдёшь – а я из мечты пришёл.
 И мы будем вместе, в Стране родной,
 Чей всё ярче и праведнее ореол.
 Мы войдём в те Края, что в пути нашли;
 Мы откроем дорогу туда, туда...
 Да, мы вместе, мы вместе в тот путь пошли,
 Где найдём всё любимое навсегда.
 И не станет хуже здесь никому,
 До тех пор, пока синева небес
 Недоступна контролирующему уму,
 Пока есть в России поле и лес...
 А ведь было так – я один шагал;
 А потом: я приеду, приеду к тебе...
 Этот мир прекрасен, но сердцу мал,

И не то чтоб объёмом, а сам по себе...
 Мы прошли и поняли. А теперь –
 Красота мгновений и счастье глаз...
 Я своим ключом отпираю дверь;
 Я к тебе приехал, и жизнь – сейчас!

Последний вагон уходящего поезда

Анастасия была влюбчивой. Даже слишком. Её детство и юность прошли в постоянных переездах. И это не удивительно, ведь папа был военным. Каждые два года новый гарнизон – ненавистное замкнутое пространство, где все о тебе всё знают, и, соответственно, новая школа. А там какой-нибудь новый мальчик, в которого она безответно влюблялась и начинала страдать. Ей, как и всякой девчонке, безумно хотелось мужского внимания. Но именно этого и не хватало. Почему? Бог его знает. Наверное, потому, что мальчишкам нравятся «манкие», уверенные в своих женских чарах и не превосходящие их по интеллекту девочки. А что же Настя? Привлекательностью она не отличалась, ибо внешность у неё была самая обычная: ни толстая, ни худая, круглое личико с конопушками и две косички. Уверенность в себе? Да откуда ей взяться, если своим интеллектом она не притягивала, а отталкивала мальчиков, в которых природой было заложено стремление всегда и во всём чувствовать и демонстрировать своё превосходство? А начитанная и интересующаяся всем на свете Настя вызывала в них лишь одно желание – соперничать, потому вечно страдала она от неразделённой любви и... училась, училась, училась.

Закончив школу с золотой медалью, Анастасия легко поступила на истфак МГУ. Гарнизонной жизни пришёл конец. Теперь она жила в общежитии. Хотя для неё это было делом обычным – никуда не спрячешься, здесь все всё знают: кто с кем встречается, кто с кем расстался... Стася – так сокурсницы называли её на западный манер – не давала повода для сплетен. Пока барышни переживали из-за плотной учебной программы, которая не позволяла им бегать на Ленинские горы на свидания, Настя училась и была влюблена в паренька с курса, который, в её сторону даже не смотрел.

Так пролетели пять лет. По окончании университета она могла вернуться к родителям, но

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. По окончании в 1987 г. МГПИ им. В.И. Ленина преподавала английский язык в школе. С 2001 г. Старший преподаватель кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. С 2011 г. имеет звание доцента. Автор шести сборников лирических стихотворений: «Имя моё...» (2006), «Сретенье» (2007), «Воздушный шар» (2009), «Жизнь-река» (2010), «Крылатая мечта» (2012), «Иду по клавишам судьбы...» (2015), а так же трёх сборников прозы – «Букет ландышей» (2009), «Окно в сад» (2011) и «Дневник» (2015). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ей хотелось свободы, которую она уже вкусила во время учёбы. Поэтому, получив диплом, она поехала в Магнитогорск. Почему именно туда? Ну, во-первых, поближе к родителям. А во-вторых, это был большой город с кучей предприятий, включая металлургический комбинат, что, безусловно, увеличивало её шансы на создание семьи.

Родители помогли с первым взносом в кооперативный дом. Квартира располагалась на предпоследнем этаже, с балкона которого открывался чудесный вид на город. Настя мечтала о том, что пройдёт совсем немного времени, и она будет встречать рассветы не одна. Однако шли годы, а принца всё не было.

Анастасия понимала, что ещё лет пять, и о рождении ребёнка можно будет забыть. Так что нужно было вскакивать на подножку последнего вагона уходящего вдаль поезда.

И тут в её жизнь ворвался Он.

Анастасия с детства увлекалась Китаем. Её неодолимо влекло к пагодам, к Великой Китайской стене, к древней культуре. Пока училась в университете, часто посещала музей стран Востока, ходила на курсы китайского языка и каллиграфии. Она собрала неплохую библиотеку. Уже работая, Настя постоянно совершенствовала свои познания в этой области, благо Интернет давал такую возможность. Но одно дело – увидеть всё это на мониторе, а другое – собственными глазами. Несколько лет Настя откладывала деньги на поездку в Китай. И когда собрала необходимую сумму, незамедлительно рванула в экскурсионную поездку.

Самолёт был битком набит теми, кто летел в Пекин не за культурой, а за шмотками. Но ей было всё равно. Она мечтала о том наслаждении, которое её ждёт. Нужно всё успеть увидеть собственными глазами, ведь неделя – это так мало. Поездка получилась очень насыщенной. Однако самое сладкое ждало её в конце. В предпоследний день их группу повезли в пещеру горы Хуашань. Это было что-то потрясающее. От всего увиденного у Насти закружилась голова, и при выходе из пещеры она споткнулась и подвернула ногу. Травма была настолько серьёзной, что любое движение причиняло боль. Настя вышла, сильно хромя, и это не ускользнуло от внимания мужчины, стоявшего в другой экскурсионной группе. Он подошёл и, предложив помощь, подхватил её на руки и донёс до автобуса. Его поступок так растрогал женщину, что на глазах выступили слёзы. А Евгений (так звали этого мужчину) буркнул: «Да бросьте вы». Но Настя лишь покачала головой. Уж она-то знала цену этому поступку.

Вечером её рыцарь приехал к ним в гостиницу проведать свою новую знакомую, а на следующий день проводил Настю в аэропорт. Ему, тоже влюблённому в Китай, ещё только предстояло знакомство с этой удивительной страной в рамках их десятидневной экскурсионной программы. Всю неделю они переписывались и иногда разговаривали по «скайпу». Когда Евгений вернулся домой в Москву, их общение продолжилось. У них нашлось множество тем для обсуждения, и, несмотря на небольшой срок знакомства, Насте казалось, что они с Женей знают друг о друге всё. Неудивительно, что с каждым разговором Анастасия всё больше и больше в него влюблялась.

Приближался самый любимый нашим народом праздник – Новый год. Обычно Анастасия ждала этого дня со слезами. И это было вполне оправданным. Что её ждало в эту сказочную ночь? Ну, выпьет она в гордом одиночестве бокал вина под традиционный салат Оливье до боя курантов и бокал шампанского с бутербродом с красной икрой после. И всё. А дальше посмотрит телевизор и ляжет спать.

Но в этот Новый год должно случиться чудо, ведь к ней на праздник прилетит Евгений. Квартира уже давно сияла чистотой, в углу стояла наряженная ёлка. 30 декабря Настя вернулась с работы пораньше и занялась приготовлениями к празднику. На плите варились ингредиенты к будущим блюдам: мясо, картофель, морковь, свёкла и яйца. Женя прилетал прямым рейсом в 19.15. Он попросил её не беспокоиться и заверил, что прекрасно доберётся до её дома, что на улице Карла Маркса, на такси.

В девять вечера раскрасневшаяся от готовки и волнения Настя открыла дверь своему гостю, лица которого было не видно за огромным букетом цветов, которые Евгений привёз ей в подарок. Проведя весь вечер и часть ночи рядом с любимым человеком, Настя почувствовала себя необыкновенно счастливой. Евгений крепко спал, а она никак не могла уснуть, перебирая в голове моменты их близости.

Было уже половина четвёртого, когда Настя вспомнила, что Женя не может проснуться без чашки кофе, а он, как назло, у неё закончился. Быстро напялив шубу, шапку и унты, она помчалась в круглосуточный магазин в конце квартала. Когда Настя вышла наружу с заветной банкой в руках, то сначала услышала грохот, а потом крики людей, доносившиеся со стороны её дома. Инстинктивно она побежала. То, что она увидела, вбежав в свой двор, напоминало кадр из фильма-катастрофы. Только происходило это не на экране, а в жизни. Дом, её дом разделился пополам. Сквозь клубы дыма проступали неровные куски серого камня, пустыми глазницами зияли окна в уцелевших квартирах. Соседи по дому стояли на улице одетые кое-как. Было видно, что они просто выскочили из дома, напуганные взрывом. Кто-то кричал, кто-то плакал, некоторые в шоке стояли молча и смотрели на то, что осталось от подъезда номер семь, в котором жила Настя, и в котором ещё полчаса назад мирно спал Евгений.

Через несколько минут подъехали пожарные, полицейские с собаками и врачи скорой помощи. Но Настя ничего не видела. В голове было пусто, и больно сжалось сердце. Там, под обломками, лежала её будущая жизнь... И никто – ни пожарные, ни полицейские с собаками, ни врачи скорой помощи – её не вернут.

Марина Волкова – поэт, ведущая молодёжного литературного семинара «Петербургский рубеж» при Санкт-Петербургском Доме Писателя. Автор двух поэтических сборников «Веру храня в Рассвет» (2013) и «Очарованная странница» (2017).

Живёт в Санкт-Петербурге.

Веру храня в Рассвет

Очарованная странница

Не хозяйкой. Не изгнанницей, потерявшей во мгле, –
Очарованною странницей по Родной хожу Земле.
Не пугаюсь троп нехоженных, в небо чистое смотрю,
Изо всех путей положенных выбрав волю и зарю.

Я иду полями, весями, веря в правду и рассвет.
Говорят, что славлю песнями то, чего в помине нет.
Только вижу я за войнами, за обидой и враждой,
За ночами беспокойными – образ Родины иной:

Что сильна не гордым норовом, а любовью и добром,
От чужого, злого, хворого сберегая отчий дом.
И она – не громогласная, о победах не кричит.
Кружева сплетает ласково, а выходит – крепкий щит.

Чуждой воле непослушная, непокорна силам зла,
Не идеями, а душами наша Родина светла.

Я тебя подожду

Расстояний моих не измерить и не исходить.
Десять жизней в пути проведи, и окажется мало.
От души до души – только песни и тянется нить,
Из начала летя и опять возвращаясь к началу.

Я воюю порой. А порою встаю на дыбы.
Но всегда надо мной в вышине светят нежные звёзды.
Где бы ты ни ходил и какой ни искал бы судьбы,
На роду у тебя – лишь мои безоглядные вёрсты.

В грустный осени час, провожая приветливых птиц,
Знаем мы: всё равно всё вернётся с певучей весной.
У Руси, у любви – не бывает краёв и границ,
И не знает конца необъятная синь надо мною.

Я тебя подожду. Вышивая по строчке шаги,
Сквозь пургу и метель, в непроглядной, заснеженной ночи
Буду путь твой хранить. Только ты – образ мой сбереги.
Даже если темно, если солоно так, что нет мочи

Жить, любить и терпеть; если всё полонили снега...
Где-то в сердце живёт нашей нежности тёплое лето.
Как бы явь ни секла, как бы ночь ни казалась долга...
Я в ладонях несусь – очень бережно – искры рассвета.

По рваным строчкам

Под полог век –
Темнота. Спасением
От всех, кто мучил, терзал, душил.
На первый снег,
На звезду осеннюю,
На стоны ветра в ночной тиши
Молюсь во тьме
И стою, безропотно
Всё принимая в свой крайний час.
Спой песню мне.
Спой хотя бы шёпотом,
Но лишь бы в сердце – огонь не гас.

По рваным строчкам, как пульс, глухим,
На призрачный зов спеша,
Сквозь пыль времён и пожарниц дым
Стремится моя душа.
И думы горькие сердце жгут,
И помыслы не легки.
Меня, быть может, нигде не ждут,
Я двигаюсь – вопреки.
По снегу стелется белый путь,
Заря развернула стяг.
Дай только воздуха, чтоб вдохнуть.
И силы – на новый шаг.

Черёмуха

Ветрами зацелован день весенний,
Не ведом травню буйному покою.
Смотри-ка, под черёмухой Есенин!
Глядит в закат над медленной Окой,

И взгляд, чуть-чуть рассеянный и мудрый,
Скользит над синим поясом реки...
Черёмуха в его золотые кудри
Душистые роняет лепестки

И шепчет, разволнована до дрожи,
На свой весенний, ветреный манер:
Останься в Константиново, Серёжа!
Зачем тебе проклятый Англэтэр...

Есть тихий свет в осенних днях

Есть тихий свет в осенних днях
Своя, негаснущая радость.
Пичуг приманивает сладость
Последних яблок на ветвях,

И сад весь полон красоты,
В нём под минорный вальс Шопена
Так величаво и степенно
Кружатся жёлтые листья.

Есть прелесть в хрупкой тишине,
Что вслед приходит за закатом.
Цветы пленяют ароматом,
Свеча не гаснет на окне,

А в доме пироги и чай,
Тепло, и не закрыты двери.
Здесь так же ждут и так же верят:
А вдруг заглянешь невзначай?

Снег первый выпал на Покров.
И пусть он слаб, и тут же тает...
Мне, как обычно, не хватает
Тех, самых важных в мире слов,

Но я опять к тебе тянусь
Сквозь времена, века и вёрсты.
И пусть не гладко и непросто,
Но с каждым шагом тает грусть.

Светлы мелодии и сны
Среди осенней позолоты.
Мир погружается в дремоту,
Жизнь застывает до весны,

Чтоб в марте встрепенуться вновь,
Вновь расцвести навстречу счастью.
Не угасает лишь участие,
Не засыпает лишь Любовь.

Дороги мои

С грозой и печалью подкрались осенние дни,
Дороги мои занесло листопадом и пылью.
Идти против ветра, до крови стирая ступни,
Когда облетели все перья на сломанных крыльях –
Смешная судьба. Оттого-то всё время пою.
Звенит на ветру бубенцами колпак скомороха.
Потеряны стрелы, и меч притупился в бою.
Нет, не для поэтов сквалыжная эта эпоха,
Где царствуют хамы, проныры, скупцы и дельцы,
Где Вещее Слово – всего лишь предмет договора.
Очнитесь, прозрейте! Повсюду – одни мертвецы!
Живут ради звона монет да неправого спора.

А мне – всё смешно. Даже если на сердце от ран
Все жилы порвались, и стиснуты горечью вены.
Иду, улыбаясь. По самой прекрасной из стран.
Иду и не жду в близкий срок никакой перемены.
А где-то вдали – тусклый отблеск сигнальных огней
И свист чёрных пуль. Неизбежная, вечная тема.
Никто не изменит привычную будничность дней,
А тех, кто способен менять, – уничтожит система.
Дороги мои... С Ветром-странником наедине
Летим через жизни лихой пожелтевшее поле.
Нет, взламывать матрицу просто. Но горше втройне
Быть вольным среди бесконечной, тотальной неволи.

К закату день

К закату день, и ласточка под крышей
Умолкла, пряча радость под крылом.
И дышится, и думается тише...
Мне слышно, как легко вздыхает дом –

Ему милы цветы мои и птицы,
Вечерний свет, сиреневый покой...
Лишь изредка вдруг скрипнут половицы,
Да дрогнет под усталую рукой

Цветная нить, которой вышиваю, –
Ночь так светла, что видно до зари:
На полотне – берёзка, как живая,
Стоит и каждым листиком горит.

Нехитрое отраднo рукоделье,
Когда в душе тревог и грусти нет.
А за окном душистою метелью
Летит, румянясь, яблоневый цвет...

От грозы слепящих росчерков
Ночь июльская светла.
Тонким звоном колокольчиков,
Тихим шелестом крыла,
Нежной песней, другом сложенной,
Мир отводит прочь беду.
Бродит в поле конь стреноженный,
Зреют яблоки в саду,
Дуб лесному Богу молится,
И в цветах – так сладок мёд...
То, чем сердце успокоится,
Очень скоро к нам придёт.
За лугами, за покосами,
В серебре и янтаре
Над травой, покрытой росами,
В новорожденной заре –
Запах лета скоротечного
В сладком клеверном хмелю.

Я тебя – родного, вечного –
Всей душой своей люблю.

Широкая Масленица

На дворе снежок искрится,
Нынче нам гулять не лень:
В небе – солнышко лучится!
Вырываемся в сей день
Мы из зимнего полону
В руки нежные весны –
Привечать идём Маслёну,

Для неё печём блины,
 Наливаем медовуху
 В хохломской большой бокал,
 Чтоб на улице за ухо
 Нас Морозко не кусал.
 На санях летим под гору,
 Без саней летим с горы!
 Наливай всему собору,
 Да к блинам подай икры!
 Мы пойдём на стенку стенка,
 Шапку – прочь, тулуп – долой!
 Коли не дрожат коленки –
 Начинай кулачный бой!
 Пляшут девки, ладны, ярки
 Под потешную гудьбу.
 На столбе висят подарки,
 Парни лезут по столбу.
 А зачем? Что за потреба?
 Никому и невдомёк –
 По столбу залезть на небо
 Хочет каждый паренёк!
 Не боимся мы похмелья,
 И царит счастливый гам,
 Наше буйное веселье –
 Треба солнечным Богам!
 Ничего в миру нет краше
 Этой ярмарки большой!
 Широка Маслёна наша –
 С русской вольною душой!

В чертоге Ноября сегодня снег

В чертоге Ноября сегодня снег,
 И светел взор задумчивого леса.
 Ушла дождей поющая завеса,
 Осенних дней уже неспешен бег.

Наги деревья. В жёлтом октябре
 Они пылали яркими кострами,
 Но вот уже зима идёт с дарами,
 И иней серебрится на заре.

С туманами растаяв, суета
 Покинула мятущуюся душу.
 А снег кружит, гармонии не руша,
 И землю обнимает красота.

Тихи в бору заснеженные сны,
 И только снегирей румяных стая
 Над сахарным рябинником взмывает,
 Да чуть дрожат иголки сосны.

Тропинки всё белее и белей.
 Смотрю, дивясь, не зная, что со мною.
 А сердце дышит будущей весною,
 И мир звенит мелодией своей.

Тихая охота

*Памяти бойцов Второй Ударной армии
 Волховского фронта*

Запах июльский – клевер да дух с болот.
 Вот и собрались к лешему в чащу, в гости.
 Бором брусничным тропка, кружась, ведёт.
 А под ногами – каски, патроны, кости...
 Тихой охоты меркнет былой азарт,
 В этих местах не дарит покой природа.
 Чуть отвлечёшься – вместо июля март
 Сорок второго, лютого горе-года.
 Вместо ветров свирельных – метели вой.
 Бросило в пот от страха, дыханье спёрло –
 Лишь обернёшься: ты на передовой,
 Немцы бомбят, и снега кругом – по горло.
 Кто-то хрипит, поверженный: «Мужики!..»
 Красен узор на скатерти снежно-белой...
 Это Второй Ударной идут полки
 И штабелями падают под обстрелом.
 Волховский лёд – в крови голубая скань,
 Да метроном так гулко стучит в затылке...
 Мы не прорвались, хоть и близка Любань,
 Встряли в лесу, как в горле пустой бутылки.
 В землю вмерзая, слышишь, как сквозь метель
 Клим проезжает в вечной своей папаше.
 Холод. И голод. Нас не согрел апрель,
 Вроде в бою, а кажется – что на плахе.
 Нет подкрепленья, Волховский фронт закрыт,
 А Ленинград всё также грызёт блокада.
 Каждый второй, кто был здесь – уже убит,
 А каждый первый ждёт своего снаряда.
 Мяса не жалко – «русские дурачки,
 Что их считать, веди в наступленье смело».

Что ж ты, «Андрюша», сука, протри очки!!!
 Впрочем, тебе, предателю, что за дело?

Выйдешь бесславно, к фрицам сбежишь, как вор,
Будешь водить таких же унылым строем...
Только зачем, ответь-ка мне, твой позор
Ляжет клеймом на тех, кто погиб – героем?!

Мох да грибы. Штук тридцать уже подряд,
Коль не дурак – корзинку наполнишь скоро.
Но все тропинки здесь по сей день хранят
Эхо войны и ужас Мясного бора.
Раненых стоны, гулких снарядов вой,
Как в мерзлоту ложилась за ротой рота....
...Тихо, с пустой корзиной иду домой,
Нет до грибов уже никакой охоты.

Душа моя, не гневайся

Наверно так, подкрадываясь, старость в душе взбивает пену из обид,
И от борьбы вселенская усталость почти что равнодушный дарит вид.
Деревьев во дворе редее роты, уходят детства добрые друзья,
И бег привычный скучен до зевоты, в нём лад – не лад и я – давно не я.

Приходят не творцы, а паразиты, желающие лишь собрать плоды.
...Мне видятся порой, волной укрыты, затопленные вешние сады,
А рядом – колоколенки и крыши. Всё то, что скрыла буйная вода.
Душа моя, не гневайся, будь тише! Теряли много больше иногда.

Теряли всё, чем жили! Где дышали, растили хлеб и строили мосты.
Под слоем пыли древние скрижали, на месте хат – погосты да кресты.
А кое-где ни тропки, ни погоста, и срублены давно уж деревья.
Одна трава до неба, выше роста, полынная да горькая трава...

По саду ли забытому, по полю иду, куда тропинки тянет нить.
И слёз не хватит, чтобы отплакать вволю, и слов не хватит, чтобы отмолить.
Но, связанная с родом тонкой вервью, в который раз от горечи бегу
Сажать весною новые деревья и жечь костры на дальнем берегу.

О простом

Бывает – пел, звенел, бурлил,
И вдруг – молчание повисло.
И ищешь, не жалея сил,
В словах особенного смысла.

Бумагу рвёшь... И душу – в кровь
Пером царапаешь отважно,
То строишь мост, то рушишь вновь,
Так и не смев сказать о важном.

Всё это – чушь. А правда в том,
Что мир и в малости – чудесен,
Колдует сказка над листом,
Под волшебство любимых песен,

И снова музыка плывёт
Сквозь дум унылые туманы.
Душа – лишь нежностью живёт,
Ведь только нежность лечит раны.

И важно просто сделать шаг
Привычным радостям навстречу:
Натоplen дом. Горит очаг,
И светел мир. И ласков – вечер.

Скрипело колесо

Скрипело колесо. Трещи, ломались спицы,
Всё глубже – в кровь и в грязь врезалась колея.
А где-то далеко нам вслед кричали птицы,
Я чуяла душой: одна из них – моя.
Дороги на Руси? Их нет. От ливней море
(Как солью жжёт глаза: а море-то – от слёз!)
«Не стоило тебе кричать в неправом споре,
Глядишь, и без потерь возница б нас довёз» –
Так мне шептал сосед. Увы, давно не ново:
Не всякий лёгок груз, не всякий груздь – кто влез.
А мне среди камней попалась вдруг подкова,
И я, поверив ей, ждала, ждала чудес.
Подкова? Что за бред? Нелепая находка,
Не видно колеи, кругом одна вода,
И в ухо всё шипят: «Куда ты с этой “лодки”?
Утонешь, пропадёшь!» И правда – ну куда?

Скрипело колесо. Устав дорогой длинной,
Присела рядом Смерть, шепнув: «косу не трожь!»
Не трону. Мне – в полёт, за стаей лебединой,
Которой не страшны ни грязь, ни кровь, ни ложь.

Пастушок

Поиграй, пастушок, на своей тростниковой свирели,
Я тебе заплачу – эй, несите кошель с серебром!..
До чего же пригож! Ты милей солнцеликого Леля.
Я с тобою в луга убежала б из пышных хором.
Ах, зачем так глядишь? И молчишь, и оплаты не хочешь...
Велика моя Русь – то деревня, то лес, то погост...
У Алёши глаза – глубже тёмной украинской ночи,
Той, в которой не счесть долгих песен протяжных и звёзд.

Бабы – дуры в любви. И царицы влюблённые – дуры.
 Пусть судачит весь двор, всё равно – забираю с собой!
 Весь оркестр тебе – балалайки, свирели, бандуры...
 Только пой мне всегда, ненаглядный, Алёшенька, пой.
 Знаю, сердце твоё никогда не прельстится короной,
 Только песне всегда верен нежный, восторженный Лель.
 Будь отрадой души и от чёрной тоски обороной!
 (Дуракам не понять, вот и брешут они про постель).

Вечер кутает степь в серебристо-туманную дымку,
 Ясный месяц рога показал из-за облачных штор.
 А на тёплом стогу – Украина с Россией в обнимку,
 И над ними лишь свет да небес безграничный простор.
 Ни за что не скажу, где внутри притаилась тревога,
 Мне – тебя целовать, не печалю отчаяньем дней.
 Пой, Алёшенька, пой. Будет долгою наша дорога.
 И по ней до конца светлым Лелем пройти ты сумей.
 Века два пролетит, будет внукам уже не до свету –
 Не кохать мне тебя, не лежать на подушке одной...

Жду тебя к Покрову. Обнимаю. Твоя Лизавета.
 О печальном – потом. А сейчас – пой, Алёшенька, пой!

Что мороз душе горячей?

Ночь ушла дорогой млечной.
 Утром, в нежной тишине
 Спой мне песню, друг сердечный,
 О родимой стороне!

Там, где ивы и берёзы
 Стынут, листьями шурша,
 Позабудутся все слёзы,
 Успокоится душа.

Всё вокруг – очам отрада,
 Всюду прелесть и краса.
 Пусть предзимняя прохлада
 Студит реки и леса,

Пусть, спеша, бежит позёмка
 От забора до крыльца,
 Красоте Руси негромкой
 Нет ни края, ни конца!

Нас снегами заметает,
 Ветер, злясь, деревья гнёт,
 Но от глаз влюблённых тает
 Даже самый крепкий лёд.

Что мороз – душе горячей?
 Тот не сгинет в зимней мгле,
 Кто с любовью настоящей
 Повстречался на земле.

Во лугах моих травы скошены

Во лугах моих травы скошены,
 Росным бисером запорошены.

Росным бисером, слёзным маревом.
 А восход встаёт алым заревом.

Но нейдётся мне вслед за зорькою,
 Сердце мается думой горькою,

Думой горькою, песней длинною,
 Да про землю-мать, Русь былинную.

В ясном небушке солнце катится,
 В чистом полюшке братья ратятся,

Братья ратятся – ясны соколы.
 Враг куражится, стоя около,

Губит слабого, дразнит смелого:
 «Нет вам, русичам, света белого»!

Скрылось солнышко в тьму зловещую,
 Молвит Русь сынам слово вешее:

«Не ходи же ты, брат на братушку,
 Пожалей, сынок, Землю-матушку!»

Землю-матушку, Русь родимую,
 Не дели, сынок, неделимое!»

Во лугах моих травы скошены,
 Кровью алою запорошены...

Потому что я тебя люблю

Грустен мир, и всё темнее жить –
В каждом миге горестей довольно.
Мне бы день такой наворожить,
Чтоб светло в нём было и не больно.

Чтоб в минуты редкой тишины
От души – и пелось, и дышалось.
Чтобы в нём – как не было войны,
И ни капли злобы не осталось,

И Любовь царила меж людей,
А о распрях не было и мысли,
Чтобы после долгих, злых дождей
Над полями радуги повисли.

Если б мир помог мне в ворожбе,
Да хватило б нежности и силы,
Я бы очень бережно тебе
Этот день – на счастье – подарила.

Потому что я тебя люблю.

В глухие дни

В глухие дни, исполненные боли,
Когда доверья к людям рвётся нить,
Я верю в Русь, что так же дышит волей
И что не может – жить и не любить.

Пусть явь сечёт всё жёстче, всё больнее,
И так темно в родимой стороне...
Я верю – в нас! И в то, что мы сильнее
Любых идей, навязанных извне.

Пускай в чаду безумной круговерти
Теряет крылья всякая мечта,
Я верю в то, что жизнь – вернее смерти,
И зла правей – любовь и доброта.

Веру храня в Рассвет

Рвали на части, рубили, гнули –
Выдержишь ли, Земля?
Вместо семян засевали пули
В стонушие поля.

Веру отцов запятнали ложью –
В кривде найдёшь ли брод?
Так по ухабам и бездорожью
Русский бредёт народ.

Разно бредёт – кто назад, кто влево,
Трудно идти ровней.
Коль от корней отрубили древо,
Сдюжишь ли без корней?

Но среди мрака, нужды и боли
Веру храня в Рассвет,
Росич всегда выбирает волю,
Зная, что смерти – нет!

Двери

История первая

Думаю, уважаемый читатель, вы знаете поговорку «Мой дом – моя крепость». У меня нет дома, зато есть уютная квартира в Москве, что тоже, согласитесь, неплохо. В средние века дома защищали мощные городские стены, глубокие рвы. Мою квартиру защищает домофон внизу, а на этаже – двойные входные двери, которые напоминают мне многое из нашего общего прошлого.

Первую входную дверь установила дочь Маша, успешная фотомоделль, когда вернулась из Парижа после съёмки. Дверь металлическая, непробиваемая, которую никто не взломает. На высоте человеческого роста в ней установлен оптический глазок, в который видна часть лестницы, лифт и лестничная площадка. Вверху – номер квартиры, справа – красивая золотистая ручка с финским замком, ключ от которого меня когда-то просто поразил: какой стороной его ни вставишь, он всё равно открывает. На ключе нанесены таинственные, словно древние письмена бороздки, и, вразнобой, большие и маленькие точки. Мы переставили этот замок с внутренней двери. Все тридцать лет жизни за этим замком я чувствовала себя в безопасности – никто не смог его открыть. А может, и не пытался? Муж очень гордился этим замком – это он его «достал» с большими трудностями, и врезал тоже он. В советские времена бывали большие трудности с решением маленьких проблем.

Над замком-сфинксом располагается замок попроще, с большим жёлтого металла ключом, у которого зубцы слегка похожи на кремлёвские. Для красоты дверь обтянута чёрной искусственной кожей, порезанной и заклеенной кое-где. Порезал дверь Лёша по прозвищу Бандит, с которым одно время встречалась моя дочь. Красивый черноволосый молодой человек, он нарядился в модную шёлковую рубашку с рисунком, которые только появились в Москве, безукоризненно отглаженные брюки и лаковые туфли, чем не

Анна Маякова – поэт, прозаик, переводчик, член МГО СП России и Союза писателей-переводчиков. Автор шести книг. Печаталась в литературных журналах и альманахах «Великороссь», «Притяжение», «Литературная Республика», «Канатоходцы», «Муза». Дипломант литературного конкурса «Лучшая книга» 2013-2014 и 2015-2017 гг. Финалист Международной ассамблеи писателей (Варна). Награждена Серебряным Крестом и медалью Звёздная строфа. Живёт в Москве.

гангстер 30-х годов, когда пришёл знакомиться с мамой подружки, то есть со мной. Он держался достойно, хотя нервные движения рук выдавали его волнение. Мы сели за стол, познакомились, я спросила его о родителях. «Родителей убили. Они были предпринимателями. Я живу с бабушкой». «Ладишь с ней?» – пытаюсь скрыть своё замешательство, я поправила бант на блузке. «А то! Недавно ремонт сделал» – с гордостью отвечал Лёша. «Чем занимаешься?» – удивительно, но я предвидела ответ. «Да так, ничем, – он замаялся, вертя в руке незажжённую сигарету, – подрабатываю в разных фирмах». Дочь, сидящая рядом с другом, скорчила страшную гримасу, показывая, что пора прекратить допрос с пристрастием, что я и сделала, сказав: «А давайте пить чай!» Позже Маша призналась мне, что Лёша «крышует». Я была в шоке. Думаю, вам не нужно объяснять, что значит это слово и кто занимается таким «делом». Роман дочери с Лёшей продлился недолго, пару месяцев. Когда Маша, узнав его лучше, решила с ним расстаться, он стал угрожать ей по телефону. Как мать я пыталась его урезонить, тогда он стал угрожать мне – обещал сжечь мою машину, стоящую у подъезда. Несчастный одинокий волчонок 90-х годов, попавший в шестерёнки безжалостной машины перестройки. Я жалела его, сироту, выходила к подъезду для выяснения отношений, пока однажды он не поднёс сжатый кулак к моему лицу. «Мамаша, ты это видишь?» «Убирайся прочь, негодяй!» – вскричала я, испепелив его взглядом. Но он остался цел и невредим, порезал нам обшивку двери, оставив после себя бандитскую «роспись на память», избежав при этом фразы «Здесь был Лёша». Порезы на двери я заклеила чёрным траурным скотчем, словно предвидя его скорую кончину – его застрелили подельники. По просьбе убитой горем бабушки Маша его хоронила. Пёс-рыцарь, он присмотрел себе девицу-красавицу, он ломился в наш дом, желая подмять нас под себя. Не вышло – Господь миловал.

История вторая

Как-то, посмотрев фильм Андрея Малюкова «В зоне особого внимания», я была настолько впечатлена, что, придя домой после сеанса, села и стала писать для него сценарий. Это была история об угоне террористами самолёта, на борту которого возвращается из Германии московский детский хор. Закончив сценарий, я связалась с Малюковым и была приглашена к нему в дом на Плющихе. То есть не в дом, как таковой, но в просторную московскую квартиру. «Скажите, Андрей, почему у вас две двери?» – наивно спросила я режиссёра, снимая пальто. «Чтобы не стать лёгкой добычей алчных людей» – ответил Малюков, улыбнувшись. Теперь в Москве никого не удивишь тем, что у вас две двери. Это стало нормой, как и признание того факта, что квартирное воровство – наиболее часто совершаемое преступление в столице.

Историю первой двери я уже описала, приступаю ко второй. Ей тридцать лет, как и моей дочери, она из ДСП, оклеена плёнкой под дерево. Квартиру, где я живу, нам купили родители, и мы с мужем перебрались сюда, когда Маша уже была в проекте и нетерпеливо толкалась у меня в животе, заявляя о своём пока ещё полутайном существовании. Дверь в квартире была тоненькая, хлипкая и являлась никчёмным препятствием для квартирных воров, которые были во все времена, включая советское. Мой рачительный и умелый муж купил дорогой финский замок, оббил дверь чёрным дерматином, украсив его по всей поверхности ромбами из тонкой золотистой нити, закреплённой

мебельными тоже золотистыми гвоздями. Это была не дверь – красавица, но была... Всё в прошлом. И мой умелый муж тоже остался в прошлом с его неуёмным стремлением всё улучшать и переделывать своими руками. «Где мои семнадцать лет? На Большом Каретном...» – пел когда-то любимый народом Высоцкий. Со временем дерматин осыпался, и дверь стала мышинного цвета. В центре двери – отверстие от выпавшего и уже не нужного глазка. Справа дерматин лопнул от удара солдатского ботинка и в щелях видна серая вата. Многие золотые нити оборваны, печально повисла ручка выбитого замка – с торца в двери зияет глубокая «рана».

А выбили замок по следующей причине. У нас есть дача в калужских «разбойничьих» лесах, на которую мы с Машей очень любили ездить по выходным. Что за прелесть – встать ранним летним утром и, погрузив воду и провизию, отправиться в это дальнейшее и столь желанное путешествие! Мы с дочерью обе водим машину, поэтому, несмотря на дальнейшее расстояние, ехать на дачу было нетрудно: одна за рулём, другая – штурман, затем меняемся. На Киевском шоссе в Апрелевке мы всегда останавливались – купить заводской хлеб с хрустящей корочкой и заварных пирожных со сгущёнкой.

Маша провела свои детские годы на даче с любимой бабушкой Валентиной Степановной, почившей ныне – царство ей небесное. Всё, что растёт на даче сейчас – это результат их совместного труда: развесистые яблони, плодородные сливы, густой малинник, грядки клубники, клумба перед домом. После кончины свекрови главным распорядителем на даче стала Маша, с молоком бабушки (ха-ха!) впитавшая в себя любовь к земле и к тому, что на ней растёт. Она знает всё: когда сеять и полоть, когда поливать и жать, в отличие от меня – типичной жительницы и любительницы городских джунглей. Искушавшись в лесном озере, мы приступали к работе: белить деревья, обрабатывать клубнику, сажать цветы и кабачки и прочее. От двухдневных дачных работ я уставала, и за руль садилась дочь. Я же просто лежала на заднем сидении нашего авто, наших красных, выдавших виды «Жигулей» и размышляла: «Ну что так влечёт москвичей на дачу? Я устала, в следующие выходные не поеду, сделаю перерыв». Так думала я, наперёд зная, что за неделю отдохну, приду в себя и буду вновь готова к «дачному подвигу», лучше не скажешь.

Вот и Москва, съезжаем с кольцевой дороги, ещё несколько крутых виражей, и мы паркуем машину у дома. Отягощённые сумками и пакетами, поднимаемся к себе на шестой этаж, открываем первую дверь, пытаемся открыть вторую, но она не поддается. За дверью во весь голос мяукает наш кот Чернушка, которого Маша принесла в дом, сняв его с берёзы у подъезда – так он и прижился у нас. Обычно мы не пользовались второй дверью, ключ был давно утерян, но запирали её на защелку на ночь. В лихие 90-е это было не лишней предосторожностью. «Звони, Маша, кому-нибудь из одноклассников, пусть выбьют замок» – сказала я устало. Тут же явился недавно пришедший из армии Тихомиров, когда-то влюблённый в Машу, и двумя ударами солдатского ботинка открыл дверь. Так кто же закрылся изнутри? Предположительно, сделал это наш умный кот, много раз наблюдавший, как мы запираем дверь. Такая вот история.

Моя Маша вышла замуж, родила сына и больше не живёт со мной. Я не езжу больше на дачу в калужские разбойничьи леса – что там делать одной? Кот постарел и больше не играет с защёлкой. Мне, живущей за обезображенными жизнью дверями моего дома, остались лишь воспоминания. «Wszystkopszemija, opruczwsomnien» (всё проходит, кроме воспоминаний) – говаривала моя польская институтская подруга. Как с ней не согласиться?